

**ДОЧЬ
СВОЕГО
ОТЦА**

**Жанна
Немцова**

ДОЧЬ СВОЕГО ОТЦА

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 929(470)
ББК 63.3(2Рос)-8
Н50

В оформлении обложки и книги использованы
фотографии из личного архива Жанны Немцовой

Немцова, Жанна Борисовна.

Н50 Дочь своего отца / Жанна Немцова. — Москва :
Эксмо, 2022. — 336 с. — (История современной Рос-
сии в событиях и лицах).

ISBN 978-5-04-113428-0

Это книга о Борисе Немцове, написанная его дочерью. В ней Жанна Немцова рассказывает о своём детстве, вспоминает годы, когда ее отец только начинал заниматься политикой и стал губернатором Нижегородской области. Она выделяет важные вехи в карьере отца и говорит о том, как его деятельность повлияла на жизнь их семьи. Вспоминает свое поступление в университет, поездку в США и возвращение на Родину. Митинги 10-года и суды. Убийство. И создание Фонда, который борется теперь за справедливость и демократические ценности.

Несмотря на огромную известность Бориса Немцова, эта книга, разумеется, очень личная, камерная. Только таким и мог получиться рассказ об одном из самых ярких и значимых политиков современной России от лица его самого близкого человека, его любимой Жанны.

Это не только биография и автобиография, но и попытка понять, почему обстоятельства сложились так и могли ли они сложиться иначе? Через какое прошлое мы прошли и какое будущее ждет нас теперь?

УДК 929(470)
ББК 63.3(2Рос)-8

ISBN 978-5-04-113428-0

© Жанна Немцова, текст, 2021
© Юрий Колокольников, фото, 2021
© Николай Мошков, фото, 2021
© Рустем Адагамов, фото, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Оглавление

Предисловие	7
-------------------	---

РАЗДЕЛ I. ДО УБИЙСТВА

1. Мы живем в новую эпоху: как молодой физик Борис Немцов стал политиком	13
2. Комары, жестяные миски и алюминиевые ложки — лето в деревне Галибиха	24
3. «Когда я был маленьким, я работал губернатором»	45
4. Только не школа	63
5. От Вачи до Германии: путешествия с отцом .	83
6. Переезд в Москву и первая смерть близкого человека	103
7. Теракты 11.09.2001 в США, изменившие мою жизнь	116
8. Нужно переодеться: поступление в МГИМО и поездка с папой в Италию	128
9. Участие в выборах в Мосгордуму, замужество и развод	138
10. Я начинаю политическую борьбу: почему отец становится лидером оппозиционного движения в России	157

11. Телевизионная карьера на РБК: от аналитических программ до шоу с участием Даны Борисовой	169
12. Отца убили	187

РАЗДЕЛ II. ПОСЛЕ УБИЙСТВА

13. Самая страшная ночь в моей жизни	201
14. Мама, я останусь в Германии	217
15. Бонн, Дойче Велле и другие приключения ..	237
16. Фонд Немцова — главное дело моей жизни	248
17. Герои проекта «Немцова.Интервью»: Кличко, Джонсон, Саакашвили, Коломойский, Медведчук, Павловский	262
18. Навальный	291
19. Интервью с президентом Казахстана и уход с Дойче Велле	304
20. Три вдохновлявшие недели в Стэнфордском университете	317
Послесловие	331

Предисловие

Мне важно было написать книгу об отце. Я давно об этом думала, все эти годы, что его нет. Но я не хотела писать ее второпях. Так уже было. В 2016 году в Германии вышла книга в соавторстве с немецким журналистом Борисом Райтшустером, она называлась «Разбудить Россию». Откровенно говоря, я была недовольна ею. А главное — я мечтала написать книгу об отце для российской аудитории. И наверное, правильно, что она появилась именно сейчас, спустя шесть лет после убийства моего отца. Теперь мне есть что рассказать не только о своем отце, которого я безумно любила и каждый день вспоминаю, но и том, как сложилась моя жизнь после его гибели. Оговорюсь, что вы не найдете здесь полной биографии Бориса Немцова — я пишу только о событиях, которые я наблюдала собственными глазами.

Вы часто в этой книге будете встречать фразу «на меня не возлагали никаких надежд» — и это совершенная правда. На самом деле «надежды» только дают на человека, который постоянно думает о том,

оправдывает он их или нет. На выпускном вечере в моей московской школе № 312 мой отец сказал, что главное — это верить в себя. Я склонна с ним согласиться. Как и с другим его высказыванием, которое звучало примерно так: «Если человек способный, но ленивый, то он неспособный. А если не очень способный, но не ленивый — то способный». На своем собственном опыте я убедилась, что человек может сделать намного больше, чем он сам от себя ожидает.

Трагическая гибель моего отца стала для меня огромным ударом, но вместе с тем мобилизовала и заставила действовать: и делать карьеру в политической журналистике, и создать Фонд, и быть вовлеченной в расследование его убийства. И даже написать эту книгу. Я благодарна своему отцу за все, что он для меня сделал.

А теперь — благодарности тем, кто помогал мне работать над этой книгой. Название придумала журналист и тренер по коммуникациям Нина Зверева, когда мы с ней гуляли по лесной дорожке в деревне Филино Нижегородской области во время полного локдауна в России.

Моя бабушка Дина, мама моего отца, делилась своими воспоминаниями, мама Раиса читала каждую главу и указывала, где я переборщила, а где не совсем корректно изложила факты.

Виктор Лысов, который работал с моим отцом в начале 1990-х в администрации Нижегородской обла-

сти, проверял все то, что касается нижегородского рабочего периода.

Ольга Шорина, моя подруга и партнер, подсказала более удачные формулировки.

Ну вот, пожалуй, и все! Надеюсь, читать будет нескучно.

РАЗДЕЛ I

ДО УБИЙСТВА

Фото Николая Мошкова

1

МЫ ЖИВЕМ В НОВУЮ ЭПОХУ: КАК МОЛОДОЙ ФИЗИК БОРИС НЕМЦОВ СТАЛ ПОЛИТИКОМ

Я родилась в стране, которой уже не существует. В городе, который сменил свое название. В эпоху генсеков и Политбюро.

1984 год. Поздний Советский Союз. Город Горький. Через год Михаил Горбачев придет к власти, и вскоре начнется перестройка. Через семь лет прекратит свое существование СССР. Через шесть лет городу вернут историческое название — Нижний Новгород.

Через семь лет после моего рождения жизнь нашей семьи сильно изменится. Но тогда, в 1984-м, мой отец был физиком, а мама — библиотекарем.

В Горьком было много предприятий ВПК и научно-исследовательских институтов, тесно связанных

с оборонным комплексом. Поэтому город имел статус закрытого: иностранцев сюда не пускали.

В одном из таких НИИ, точнее, в научно-исследовательском радиофизическом институте, работал мой отец. Он был физиком-теоретиком и занимался акустикой.

Отец — коренной нижегородец, но родился он в Сочи: его отец работал там на стройках, а мама — врачом. Но вскоре моя бабушка развелась с дедушкой и вернулась в Горький вместе с двумя детьми, Юлией и Борисом.

А вот моя мама приехала в Горький из Волгограда. Здесь она поступила в институт иностранных языков на отделение французского языка. Взяли ее только на педагогический факультет: переводческий для девушек был фактически закрыт. Часть выпускников переводческого факультета шла служить в армию, некоторые делали карьеру в органах госбезопасности.

Мама не стала работать учителем в школе, не смогла найти вакансию преподавателя французского языка. Поэтому после окончания вуза устроилась в областную библиотеку им. Ленина. Она работала в библиографическом отделе и занималась в библиотеке тем, чем сейчас занимается поисковая система Гугл, — искала информацию по запросам. Например, человек говорил:

— Я пишу диссертацию по такой-то теме, мне нужна по ней подборка научных статей.

— Хорошо, — говорила мама и уходила искать в каталогах.

Каталогизировано было все — абсолютно все книги, статьи, журналы, которые хранились в библиотеке. Сам библиотечный фонд делился на два сегмента: открытый и закрытый. В закрытом спецхране были книги, запрещенные в СССР, — для того чтобы их прочитать, требовался особый доступ.

Это была низкооплачиваемая работа, поэтому когда мама узнала, что освободилось место в библиотеке педиатрического института, она тут же перешла туда. Никакие амбиции мамы задеты не были — она вообще не амбициозный человек. Определяющим было то, что платили там больше — 140 рублей против 100 рублей на предыдущем месте работы. Отец получал немногим больше — около 170 рублей.

Мне сложно перевести эти зарплаты на сегодняшние деньги, но доход родителей был средним для того времени. На самом деле заработок не определял уровень жизни из-за тотального дефицита — от продуктов до предметов первой необходимости и одежды. Важнее были связи с людьми в торговле. Поэтому самым ходовым словом в Союзе было не

«купить», а «достать». Родители часто его использовали в разговорах, но для меня слово имело прямое значение — я была уверена, что что-то достать могут только высокие люди, и поэтому у моего отца получается: он был 187 см.

В государственных магазинах невозможно было увидеть на полках ничего, кроме консервированной морской капусты ламинарии. Если что-то появлялось, за этим выстраивались страшные очереди. Уже в последние годы СССР были введены продуктовые карточки из-за угрозы голода. Даже на рынках были очереди за продуктами, несмотря на более высокие цены.

Еще одной статьей расходов для нашей семьи была съемная квартира. На аренду квартиры родители тратили 40 рублей.

Папа подрабатывал репетитором по математике и физике. Готовил абитуриентов для поступления в вуз. Его ученики поступали на математические и физические факультеты во многом за счет того, что отец умел объяснять сложные вещи простыми словами. Способность ясно и доступно доносить свои мысли сделала его впоследствии популярным политическим и общественным лидером. Егор Гайдар, экономист и исполняющий обязанности премьер-министра России в 1992 году, удивлялся способности моего отца находить общий язык с совершенно разными людьми.

МОЙ ОТЕЦ НИКОГДА
НЕ БЫЛ НИ ЧЛЕНОМ
КОМСОМОЛА, НИ ЧЛЕНОМ
КПСС. ОН НАЧАЛ СВОЮ
ОБЩЕСТВЕННУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК
ЛИДЕР ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ПРОТЕСТА В ГОРЬКОМ.

26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции взорвался реактор четвертого энергоблока. В СССР пытались замалчивать катастрофу, но о ней все равно стало известно. Люди были невероятно напуганы угрозой распространения радиации: скупали счетчики Гейгера и ходили с ними в магазин и на рынок — проверяли продукты на радиоактивность.

При этом в Горьком фактически в черте города шло строительство АСТ — атомной станции теплоснабжения: от нее до границы Горького можно было дойти пешком. Моя бабушка была категорически против

АСТ и вышла на одну из центральных улиц города собирать подписи против ее строительства.

Бабушка до этого никогда не участвовала в общественных кампаниях. Но АСТ казалась ей смертельно опасным проектом, поэтому она не побоялась выйти на улицу и найти поддержку жителей города.

Но бабушке не хватало знаний: все-таки она не была экспертом по ядерной энергетике. И тут она обратилась за помощью к моему отцу. Отец поддержал инициативу своей матери и начал активно выступать против АСТ. Умение говорить ярко, убедительно и по делу довольно быстро сделало его популярным в городе. Впоследствии отец, отвечая на вопрос, кто привел его в политику, всегда говорил: «Моя мама».

В 1988 году отец поехал в Москву и взял интервью у академика Андрея Дмитриевича Сахарова о горьковском проекте АСТ. Сахаров был ярким противником ядерного оружия и одним из инициаторов заключения Московского договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах (атмосфере, космосе и океане) между СССР и США в 1963 году. Тем не менее Сахаров не выступал против ядерной энергетике, он считал, что атомные станции нужно строить под землей, чтобы избежать разрушительных последствий техногенных катастроф.

Здесь я должна пояснить: с 1980 года академик Сахаров был в ссылке в Горьком за критику властей, в частности за его возражения против введения со-

ветских войск в Афганистан. В ссылку Сахарова отправили без суда вместе с женой Еленой Боннэр. Целью этого вида наказания была изоляция человека от внешнего мира, он не мог общаться ни с кем. Один из изобретателей первой в СССР водородной бомбы и самый известный советский диссидент, Сахаров в 1975 году стал лауреатом Нобелевской премии мира. Премию он получил «За бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между людьми и мужественную борьбу со злоупотреблением властью и любыми формами подавления человеческого достоинства». Он был всемирно известным человеком, который был вынужден жить в ссылке до 1986 года, когда Михаил Горбачёв позволил ему вернуться в Москву. В 1984 году в знак солидарности в Вашингтоне площадь около посольства СССР была переименована в честь Сахарова. Спустя 33 года, в 2017 году, площадь перед посольством в России в Вашингтоне будет переименована в честь Бориса Немцова.

В 1980-е годы отец часто говорил о Сахарове, и поэтому он у меня вызывал неимоверное восхищение и интерес. Я плохо понимала, что такое «ссылка», и на полном серьезе считала, что отец меня легко может познакомить с Сахаровым. Этого не произошло, но своего кота я назвала Андрей Дмитриевич Сахаров.

Разговор отца с Сахаровым опубликовала газета «Ленинская смена» — в конце 1980-х она была более свободной, чем, скажем, «Горьковский рабочий».

Интервью вышло в двух частях. Первая называлась «Мы не должны держать себя в страхе» и была опубликована в конце октября 1988 года. Вторая, «Мы живем в новую эпоху», в которой Сахаров говорил о правах человека, была опубликована чуть позже, когда, как говорил отец, все уже расслабились и сказали: «Делайте что хотите, уже все равно...»

Сахаров четко дал понять: он против строительства АСТ в Горьком. В конце 1980-х оно было заморожено.

Отец — не журналист, интервью с Сахаровым было первым и последним в его жизни. Но у него получилось то, ради чего существует журналистика: он поменял реальность во многом благодаря этому интервью.

В 1990 году прошли выборы народных депутатов РСФСР. К тому моменту система регистрации кандидатов упростилась. Это было связано в первую очередь с запросом общества на перемены и накопившимся недовольством КПСС. Отец был выдвинут в национально-территориальном округе № 35 — в него входил весь Горький. Всего по этому округу конкурировали восемь кандидатов. Отец проводил много встреч с избирателями, в том числе на заводе «Орбита», в общежитии политехнического университета и в других местах. Власти уже тогда не препятствовали проведению таких собраний. Отец участвовал и в теледебатах вместе с другими кандидатами. На бесплатную агитацию было выделено две минуты эфирного времени. Особого интереса к таким программам не было — возможно, из-за повторяющихся

ся банальных речей. Нина Зверева, известная горьковская журналистка, которая сильно помогала отцу в начале политической карьеры, вспоминает, что отец долго размышлял, что ему говорить на этих дебатах. Они с Ниной обсуждали разные варианты, но во время эфира, послушав своих соперников, бесконечно обещавших, сказал: «Я могу обещать только одно. Я не буду врать». И все. Он выиграл выборы — и стал народным депутатом РСФСР.

На первом заседании депутатов Верховного Совета отец познакомился с Борисом Ельциным. Он пригласил на встречу депутатов, которые победили под демократическими лозунгами, и задал отцу вопрос: «Вы из Горького. У вас есть какие-нибудь идеи, как нам обустроить Россию?» Правда, звучит похоже на «Как нам построить прекрасную Россию будущего?» Летом 1991 года Ельцин становится первым президентом новой России, а отец — его представителем в Нижегородской области. Чуть позже Ельцин назначает моего отца, которому только исполнилось 32 года, главой администрации Нижегородской области. Нина Зверева подошла к нему с микрофоном и спросила:

— Борис Николаевич, а вы не боитесь назначать губернатором такого молодого Немцова? Ведь нижегородский регион очень проблемный.

— Не боюсь, — ответил Ельцин. — Я ему верю, что он пойдет демократическим путем. Его ум, его ответственность, активность — это все положительные черты. Недостатки — какие? Молодость не считается

недостатком. Отсутствие производственного опыта сказывается, немножко теоретический подход. Но это с годами проходит, поэтому я считаю, что это хорошая кандидатура для нижегородцев.

ПОТОМ, СПУСТЯ МНОГО
ЛЕТ, ОТЕЦ ЛЮБИЛ
ШУТИТЬ: «КОГДА Я БЫЛ
МАЛЕНЬКИМ, Я РАБОТАЛ
ГУБЕРНАТОРОМ». СЛОВО
«ГУБЕРНАТОР», КСТАТИ,
ВВЕЛ В ОБОРОТ МОЙ
ОТЕЦ. ЕЛЬЦИНУ СНАЧАЛА
ЭТО НЕ ПОНРАВИЛОСЬ,
НО ПОТОМ ОН ПРИВЫК.

Недавно я обнаружила интересный факт. Есть ощущение, что в 1990-е годы в стране губернаторами становились сплошь прогрессивные ученые, правозащитники, общественные деятели — новые люди новой России.

Это неправда. Нижегородская область, в которой губернатором стал молодой ученый-физик, была не правилом, а исключением из него. В большинстве регионов в губернаторские кресла садились представители партноменклатуры. То есть фактически те же люди, что занимали те или иные должности до распада СССР.

И неудивительно, что про Нижегородскую область в середине 1990-х годов много писала российская и мировая пресса: регион стал столицей рыночных реформ.

Борис Немцов берет интервью у академика Андрея Дмитриевича Сахарова и его супруги Елены Боннэр. Октябрь, 1988 год. Автор — Николай Мошков

КОМАРЫ, ЖЕСТЯНЫЕ МИСКИ И АЛЮМИНИЕВЫЕ ЛОЖКИ — ЛЕТО В ДЕРЕВНЕ ГАЛИБИХА

Все, что я написала в первой главе, это «внешняя часть» истории о том, как молодой физик стал губернатором. И, думаю, многие знают эти факты. Я хочу рассказать о нашем быте — как мы жили, какие отношения у нас были... Мне кажется, так можно составить более полное представление о Горьком конца 1980-х и нашей семье.

Дети хорошо ощущают чувство не то чтобы депрессии — но гнетущей тоски. Горький второй половины 1980-х годов был одним из депрессивных городов того времени. И я это чувствовала настолько, что объясняла себе название города таким образом: «В этом городе живут люди, которым тяжело. И жизнь здесь горькая — поэтому город и назвали Горьким». О писателе Максиме Горьком я тогда не знала, и объяснение казалось мне совершенно логичным.

Тотальный дефицит. Вечные очереди. Однажды мы с мамой долго-долго стояли в очереди за соевыми батончиками. Совершенно тошнотворные, они казались нам настолько вкусными, что мы их съели почти все — по дороге от магазина до дома. Ели и не могли остановиться — так вкусно нам было.

Мы жили в съемных квартирах — сначала на улице Тимирязева, потом в переулке Могилевича. Как правило, когда я говорю, что мы жили в центре города на Могилевича, даже коренные нижегородцы меня переспрашивают: «А это где?»

Небольшой переулок возле площади Свободы вмещал в себя всего несколько домов. Один из них был нашим — старый, деревянный, с двумя комнатами, кухней... и без ванны. Мыться ходили к знакомым раз в неделю — это казалось нормальным. Отец иногда мылся в большом жестяном корыте, которое мы ставили прямо посреди комнаты.

Матрас на кровати родителей был настолько старым, что приходилось специально выбирать положение тела — так, чтобы ничто в него не впивалось. Однажды я заснула на их кровати: мне нравилось спать в родительской кровати. Вдруг проснулась от дикой боли: пружина матраса впилась мне в ногу. Я кричала не только от боли, но и от страха: казалось, что пружина пробуравила ногу до кости. Я вскочила и побежала в гостиную к маме. Из ноги хлестала кровь, но к врачу мы обращаться не стали.

Я уже никогда не забуду тот ужас: шрам на ноге остался до сих пор. Память о жизни на Могилевича со мной навсегда.

НАШ ДОМ, ХОТЬ И ДЫШАЛ
НА ЛАДАН, СТОЯЛ В ЦЕНТРЕ
ГОРОДА – И ПУТИ ВСЕХ
ДРУЗЕЙ МОЕГО ОТЦА
ПРОЛЕГАЛИ ЧЕРЕЗ
НЕГО. И ПОЧЕМУ-ТО ВСЕ
ЗАХОДИЛИ К НАМ В ГОСТИ.
И ВСЕ ЗАСИЖИВАЛИСЬ
ДОПОЗДНА, ЧТО УЖАСНО
БЕСИЛО МОЮ МАМУ: ЕЙ
ВЕЧНО ПРИХОДИЛОСЬ
ГОТОВИТЬ ЕДУ НА КУЧУ
ГОСТЕЙ.

Ее угнетало даже не то, что нужно было подолгу стоять у плиты (а готовила мама после полноценного рабочего дня в библиотеке и похода на рынок и в магазины), а то, что гости съедали все.

Сейчас думаю: наверное, мы запирали двери в квартиру? Ведь должен же быть замок? Но я не помню ни одного момента, когда мы поворачивали ключ в замке или вертушок замка, когда были дома. А вот моменты, когда распахивалась дверь и на пороге оказывался очередной гость, помню отлично.

Мама злилась, а я радовалась каждому новому гостю. С тех пор как вокруг моего отца образовался круг диссидентов, я вдруг поняла, что жизнь в Горьком стала по крайней мере интересной.

Каждый день к нему приходили люди. Каждый день эти люди обсуждали какие-то важные вещи, причем обсуждали с таким жаром, что я их слушала не отрываясь. И больше всего меня радовало, что родители никогда не прогоняли меня, а, напротив, позволяли участвовать в обсуждениях и высказывать свое мнение по любому вопросу.

Я ненавидела быть ребенком. Я мечтала быть взрослой. И сейчас по-настоящему наслаждаюсь тем, что я взрослая и сама принимаю решения. А тогда, в детстве, лучшим способом отвлечь меня от какого-либо дела было сказать, что оно детское. Если к какому-то событию, явлению, продукту, предмету,

действию добавлялось прилагательное «детский», оно вызывало у меня резкое отторжение.

Я почти никогда не дружила с детьми, и на мой день рождения всегда собирались только взрослые — это был закон.

Вообще, родители не особо занимались моим воспитанием. Когда я вижу, как серьезно современные мамы и папы погружаются в жизнь своих детей, как выбирают им кружки и секции, как анализируют разные школьные программы, чтобы выбрать наиболее подходящую для их ребенка, меня это слегка удивляет. Хотя не исключаю, что сама я буду не менее дотошной, если у меня появятся дети.

Мои родители давали мне максимальную свободу выбора, никогда не заставляли ничего делать: ни читать, ни заниматься спортом, ни ходить в кружки и секции — я всегда сама решала, чего хочу. Да, моя мама была очень строгой, но ее строгость касалась быта: она довольно жестко подавляла любые капризы. Правда, даже эта строгость к моим семи годам странным образом улетучилась, я думала тогда, что она подобрела. На самом деле так и есть. Бывает же такое, что люди с возрастом становятся мягче, и это как раз случай моей мамы.

Может быть, родители относились к тем людям, что считали: в этой жизни все предопределено, и, как бы ты ни силился воспитывать своего ребенка, на результат это не слишком повлияет? Не знаю.

НО КОГДА Я РОДИЛАСЬ,
ОТЕЦ СКАЗАЛ: «КАК
ХОРОШО, ЧТО ОНА
ДЕВОЧКА. ДЕВЧОНКЕ
ВАЖНО БЫТЬ КРАСИВОЙ –
В ТОМ, ЧТО ОНА ВЫРАСТЕТ
КРАСАВИЦЕЙ, Я НИСКОЛЬКО
НЕ СОМНЕВАЮСЬ. А ВОТ
МАЛЬЧИК ДОЛЖЕН БЫТЬ
УМНЫМ – И ТУТ УЖ КАК
ПОВЕЗЕТ».

Сейчас за такие слова отца могли бы обвинить в сексизме. Но тогда было другое время. Вообще, это очень показательный момент: прошло меньше сорока лет, а как сильно за это время изменилось общественное мнение, как сильно сместились акценты! Сегодня фраза «девочке необязательно быть умной, лишь бы выросла красавицей» режет слух.

Хотя... я думаю, и сегодня большое количество людей думают именно так, но они вряд ли относятся к аудитории читателей этой книги. Однако реальная жизнь отличается от нашего информационного пузыря в «Фейсбуке». Думаю, многие жители России по-прежнему уверены, что для девочки главное — удачно выйти замуж, а вот мальчик должен состояться в профессии. И не только в России — консерватизм силен и в западных странах.

Но, чтобы вы поняли, насколько отличалась жизнь «тогда» и «сейчас», приведу еще пару фактов. Когда я была совсем маленькая, моим родителям по-прежнему хотелось хоть иногда развлекаться, ходить на каток и в гости. Няни у меня не было. Бабушка работала и помогала своей старшей дочери Юле и ее семье.

Как оставить меня дома одну, чтобы я случайно не включила газ, не уронила на себя что-то тяжелое?

Родители придумали классную идею. Они сажали меня на большую кровать и говорили:

— Не слезай на пол. По полу бегают волки, они тебя укусят!

И я сидела на кровати, искренне веря в несуществующих волков.

Однажды — я как раз сидела одна на кровати — к нам в квартиру зашел Александр Котюсов, бывший

ученик отца, который стал его другом. Он проходил мимо и решил заглянуть, открыл дверь (а она не запиралась!) — и увидел, как я сижу на кровати и сама себя укачиваю, чтобы уснуть.

Знаю, сейчас и эти примеры кажутся чудовищными: как можно оставить маленького ребенка в одиночестве? Но у моих родителей не было никаких опасений.

Я обожала родителей и во всем им доверяла. Отец никогда не предъявлял ко мне никаких претензий и не обращал внимания на недостатки.

Словом, на меня никто не возлагал особых надежд, не оказывал давления, но отец был уверен, что вырасту я хорошим человеком. И вот эта установка отца (сейчас будет абсолютный штамп, но без него никак) красной нитью прошла через всю мою жизнь.

И мне это сильно помогло. Когда на тебя смотрят как на надежду семьи, это ужасно давит. Мне же предоставили свободу развития, за что я безмерно благодарна родителям.

В дошкольном детстве я вела вполне богемную жизнь: у меня не было никаких особых обязанностей. Я засиживалась допоздна с друзьями отца (никто не отправлял меня спать в девять вечера), и даже в детский сад отец приводил меня часам к одиннадцати утра (хотя всех остальных детей приводили

к восьми-девяти). Просто в его институте график работы был довольно свободным, и родители не понимали, зачем просыпаться в садик рано, когда можно поспать чуть дольше.

Кажется, ничего в жизни я не ненавидела сильнее, чем детский сад.

Во-первых, в детском саду были дети, а общение с детьми для меня не представляло ровным счетом никакого интереса. Во-вторых, в детском саду требовалось делать что-то руками: у меня плохо развита мелкая моторика, я не была успешна в поделках. В-третьих, в садике были раскладушки.

Сам дневной сон мне нравился. Но спали мы на раскладушках, поверх которых стелили матрасы, одеяла, подушки... После сна требовалось свернуть это все и отнести нянечке в соседнюю комнату.

А эти набитые ватой матрасы невероятно тяжелые (по крайней мере, для дошкольника). Их тащить — мучение. И боишься, что у тебя из этого свертка что-то упадет — меня всегда ужасно смущало, если вдруг что-то падало из рук. Но по дороге преследовала еще одна опасность, связанная с тем, что к тебе сзади мог подойти мальчишка и стянуть с тебя трусы. И нужно выбирать — либо ты доходишь до нянечки с трусами, болтающимися в районе коленок, либо бросаешь свой сверток и натягиваешь трусы, но тогда гигантский сверток падает и разваливается на части.

Каждый день я опасалась, что со мной может произойти нечто подобное. Каждый день пристально следила, чтобы рядом не оказалось никого из хулиганов. Но один раз все-таки со мной это случилось.

Пожалуй, из всего садика мне нравилась только еда. Как ни странно, кормили нас вкусно (для конца 1980-х годов это действительно было странным), так что по дороге домой я много и охотно рассказывала маме, что нам давали на обед, что — на полдник. Я любила поест — впрочем, люблю и сейчас.

Еще в детском саду были утренники — правда, помню я только новогодние, и вот в какой связи.

Нет, не потому, что мне давали роль Снегурочки — ее не давали. Если я и играла роли, то лишь второстепенные (меня это устраивало: меньше учить текста). Но вот насчет Деда Мороза...

Я в него верила. Причем верила очень долго — уже училась в школе, а вера в чудо не уходила. А в детсадовском возрасте не сомневалась нисколько: Дед Мороз существует.

И вот однажды на новогоднем утреннике мы все дружно зовем Деда Мороза — и в актовый зал вдруг выходит мой папа! Да, в костюме Деда Мороза, но было слишком очевидно, что это он: отец не слишком заморочился скрыть свою черную бороду

и уличную одежду. Ему неохота было играть роль Деда Мороза.

Тогда я объяснила себе: Дед Мороз слишком занят, чтобы ходить на утренники в такое заведение, как детский сад. Поэтому здесь в Деда Мороза наряжаются папы. А настоящий Дед Мороз обязательно придет ко мне в новогоднюю ночь из Лапландии. И принесет подарок.

Кстати, именно подарок (потом, несколько лет спустя) развеял мою веру в сказку.

Что дарили Деда Морозы детям в позднесоветское время? Как правило, пакет с конфетами. Мне тоже дарили такой пакет, и этот подарок вполне вписывался в теорию существования Деда Мороза. Отличный подарок, всем детям одинаковый — не придерешься.

Однажды, когда мне было лет пять, Дед Мороз принес калькулятор, что мне страшно понравилось. И такой подарок тоже казался мне вполне логичным.

Когда я уже была школьницей, утром 1 января я нашла подарок — вязаный костюм от нижегородского модельера Анны Лесниковой. В то время Анна Лесникова была самым модным дизайнером в регионе. Ее вязаные костюмы покупали (или мечтали купить) все. Моя мама тоже носила такой. И стиль Лесниковой был и остается настолько узнаваемым, что спутать ее костюмы с чьими-то другими казалось невозможно.

Сначала я случайно увидела этот костюм в мамином шкафу, а потом под елкой — и поняла, что Деда Мороза не существует.

В детстве я обожала Новый год и все, что с ним связано. Сейчас отношусь к нему гораздо спокойнее. Перелом случился именно тогда — в тот момент, когда закончилась сказка, а у меня появился новый вязаный костюм.

В МОЕЙ ЖИЗНИ КАЖДЫЙ
ГОД СЛУЧАЛИСЬ
МИНИМУМ ДВА МЕСЯЦА
ПОЛУДИКАРСКОГО
СУЩЕСТВОВАНИЯ
В ДЕРЕВНЕ ГАЛИБИХА,
ГДЕ Я ПРОВОДИЛА ЛЕТО.

Дом в Галибихе — старый, еще дореволюционной постройки — купила бабушка, мать моего отца. Та самая, что боролась со строительством АСТ и что всю жизнь была апологетом здорового образа жизни.

Почему бабушка выбрала именно эту деревню — загадка. Впрочем, нет. Я ее спросила, и она мне написала длиннющее сообщение в семейном чате в «Ватсап», которое я цитирую здесь: «Около деревни Галибиха находился пансионат для ученых от Дома ученых. Мы туда случайно по путевке приехали где-то в 1980-е годы и потом каждый год ездили. Красота, река Ветлуга, мы были счастливы. Путевки я приобретала с трудом: мест не хватало. Мы постоянно ходили гулять в Галибиху, в магазин и везде. У Юли (сестры моего отца. — *Прим. авт.*) там появились друзья, и однажды хозяева этого дома сказали, что дом продается, там никто уже не жил. У хозяев был другой дом. Для нас это было счастье. Дом огромный, на двух хозяев, с отдельными входами. Для нас после нашей хрущевки побыть там в отпуске летом — мечта! Дом продали очень дешево — две моих зарплаты. Зимой там жить было невозможно, все разваливалось, крыша текла, дом осел на бок. А мы были счастливы. Дом очень старый, на подоконниках были фотографии солдат в дореволюционных обмундированиях. Уткин (муж Юли. — *Прим. авт.*), я, Юля, Боря, потом и подросший Толя (мой двоюродный брат. — *Прим. авт.*) постоянно занимались ремонтом. Крыша, окна, перекладывали печь, обновляли двор, неоднократно поднимали дом. Для этого Уткин звал Борю помогать на выходные дни».

Бабушка называла мужа моей тети Уткин. У нас в семье обращение по фамилии никого не смущало. Да и рассыпаться в комплиментах не было принято.

Моя мама до сих пор не пишет восторженных постов в «Фейсбуке» об успехах дочери — она считает, что это неприлично. И лично мы крайне редко хвалим друг друга. Compliment — это как букет, его «вручают» только на праздник, и то не каждый.

Моя бабушка Дина Яковлевна себя всегда называла бабка. И когда ей было 50 лет, и сейчас. Мою тетю называла Юлька. Не Юлечка, не Юля — Юлька. Я — Жанка (но иногда все-таки Жаннуля, так тоже бывает). Моя мама — Райка. Отца моего звали Борька, если повезет — Борюня. Вот моего брата всегда звали Толя, редко Толька.

Но проблема в том, что и Толиного отца, мужа моей тети, тоже зовут Толя. Поэтому бабушка, чтобы не перепутать, стала называть его Уткин.

Уткин был единственным человеком, который наводил порядок в Галибихе. Он приезжал туда в отпуск в августе, когда в доме уже были полный разброд и шатание. Уткин приезжал — и все безобразия заканчивались. Толя брался за тяжелые физические работы (например, за ремонт сарая).

Галибиха — это Воскресенский район, северо-восток Нижегородской области. Чуть восточнее — граница с Марий-Эл. Болотистые места. Непроходимые Евдокимовские леса — так они назывались. Река Ветлуга — холодная, северная. Море комаров в июне и июле. Жуть эта Галибиха.

Жуть этот дом. Его действительно ремонтировали каждый год, в том числе к ремонту дома привлекался и мой отец, который терпеть не мог деревню. Но он был еще обязан каждый год стелить рубероид на крышу. Конечно, гораздо проще было бы покрыть крышу шифером — и забыть о ней.

Но шифер неэкологичен, поэтому убеждать бабушку все же пойти на компромисс в этом вопросе было гиблым делом. Бабушка очень жестко и последовательно отстаивает свои взгляды по принципиальным для нее вопросам. Она настолько повернута на всем, что касается здоровья, что одно время даже холодильник подозревала в том, что он излучает. А уж телевизор всегда смотрела на расстоянии 10 метров, не ближе — чтобы «не облучиться».

В Галибихе, повторюсь, были тучи комаров. И в те годы уже появлялись средства защиты от них, но... бабушка считает, что использование, как она выражалась, «всякой химии» нанесет непоправимый вред здоровью. Поэтому никаких репеллентов она не признает.

Нас с Толей в Галибиху отвозили в июне. Я была искутана вся. Абсолютно вся — на мне не было живого места ни на теле, ни на лице. Галибиху я ненавидела лютой ненавистью. Мы ехали туда на двух автобусах, везли какие-то бидоны, жестяные ведра, все с продуктами — с едой в деревне в начале лета было сложно, а машины ездить в райцентр у нас не было. Весь быт был очень тяжелым, не было даже

бани, мылись в реке раз в неделю хозяйственным мылом, там же стирали. Туалет на улице, выгребная яма. Воду нужно было носить из колонки ведрами. Жестяной умывальник, отсутствие газа, микроскопические электроплитки.

Естественно, никакой эстетики.

БАБУШКА СЧИТАЕТ, ЧТО
КРАСОТА — ЭТО НЕВАЖНО.
ОНА НЕ ПРИДАЕТ
НИ МАЛЕЙШЕГО ЗНАЧЕНИЯ
ВНЕШНЕЙ АТТРИБУТИКЕ.
ПРИ ЭТОМ БАБУШКА
ОЧЕНЬ ОБРАЗОВАННЫЙ
ЧЕЛОВЕК.

У нее отменный литературный вкус, она читала Фолкнера, Достоевского, разбирается в классической музыке — но быт приветствует совершенно крестьянский. Мы ели из жестяных мисок, пили из жестяных

кружек. А ели мы в принципе алюминиевыми ложками. Вилки были не предусмотрены.

Естественно, бабушка была постоянно занята, ей было некогда со мной ходить на речку и в лес. Двоюродному брату было проще — он старше на пять с половиной лет, и у него было больше свободы передвижения. Я же обязана была сидеть в доме или гулять по огороду.

Единственной нашей «обязательной программой» было каждое утро полоть огород и вручную собирать колорадских жуков и личинки с ботвы картофеля, а потом давить их (никаких пестицидов бабушка, конечно, не использовала). И мне это нравилось! За эту работу нам давали конфеты.

Но огородные работы занимали полтора часа в день, а все остальное время мы с братом просто сходили с ума. Играли в карты по десять часов подряд. Соревновались, кто больше съест. Брат был старше, но я изо всех сил старалась его «переесть» — все заканчивалось расстройством желудка.

Бабушка считает: здоровой пищи сколько ни съешь, все хорошо. Творог — жирный, 20–40% жирности — в эмалированную миску. Сверху — 200 граммов деревенской сметаны, от души — варенья... Ешьте, дети! И мы ели.

От такой жизни неизбежно становишься немного дикарем. И вот в один из годов я настолько одича-

ла, что перестала по утрам расчесываться. К тому же у нас в доме было очень мутное зеркало, в нем был виден только расплывчатый силуэт, поэтому я точно не знала, как я выгляжу. Бабушка этого не замечала, а если и замечала — не считала катастрофой. Через месяц навестить нас приехала моя тетя Юля. Когда меня увидела, ахнула: волосы выглядели примерно как стекловата.

ТЕТЯ ПЫТАЛАСЬ
РАСЧЕСАТЬ МОИ КОЛТУНЫ,
НО БЕСПОЛЕЗНО — ВОЛОСЫ
СОВЕРШЕННО СВАЛЯЛИСЬ.
ПРИШЛОСЬ ВСЕ СОСТРИЧЬ.
В ШКОЛУ В ТОТ ГОД
Я ПОШЛА С КОРОТКОЙ
И НЕ ОЧЕНЬ РОВНО
ПОСТРИЖЕННОЙ ЧЕЛКОЙ.
ТЕТЯ СКАЗАЛА, ЧТО У МЕНЯ
ФРАНЦУЗСКИЙ СТИЛЬ.

В 2020 году я навестила дом в Галибихе. Он стоит до сих пор, стал за годы еще менее пригодным для жизни. Меня туда совершенно не тянет, но нет более яркого воспоминания из детства, чем Галибиха.

Ужас с деревней каждый год компенсировался счастьем в Сочи. Родители брали отпуск в августе — и летели вместе со мной к морю. Я обожала Сочи — после Галибихи это было несколько недель абсолютного блаженства.

Мы не лежали на пляже от рассвета до заката. Мои родители с рождения привили мне любовь к спорту. Отец и мама играли в большой теннис — в СССР он был моден в научной среде. Вторым «спортом ученых», как ни странно, был виндсерфинг. Один из физиков привозил свой серф в Сочи во время научных конференций. Катались по очереди, мама тогда тоже попробовала.

Отец, конечно, не заставлял меня ни играть в теннис, ни кататься на доске. Но мне хотелось всегда делать то, что делают взрослые, особенно родители. До сих пор довольно хорошо играю в большой теннис. А на виндсерф встала в 2020 году после долгого перерыва. Была уверена, что уже все забыла, но — нет. Оказалось, я по-прежнему неплохо катаюсь. Для меня идеальный отдых — это теннис, велосипед и, если повезет, виндсерфинг.

Однажды в Сочи я ужасно обиделась на отца. Мы гуляли в парке «Ривьера»: ели мороженое, делали экспресс-фотографии, шутили, смеялись.

— Смотрите, там лошади и пони! Я хочу покататься на пони! — я увидела лошадей и сразу загорелась.

Конечно, меня посадили и прокатали, и я была рада. Но когда стала слезать с пони, он меня укусил. Это было не столько больно, сколько обидно: ну как так? За что? Почему он меня укусил?

Я заревела, бросилась к отцу:

— Что случилось? — он наклонился ко мне.

— Меня укусила лошадь... — всхлипнула я.

И тут отец начал хохотать. Ситуация показалась ему настолько комичной, что он не мог ничего с собой поделаться — не мог остановить смех. А меня душила обида — и на пони, и на отца за то, что смеется над моим горем. Казалось бы, мелочь — а почему-то помню это до сих пор.

...Когда мой отец уже работал губернатором, он решил написать книгу. Конечно, времени на то, чтобы писать ее полностью самостоятельно, у отца не было. Поэтому он попросил нижегородскую журналистку Ларису Крылову помочь ему. Книгу решили назвать «Провинциал» и придумали необычный формат: Лариса называла отцу фамилии известных персон (Жириновский, Гайдар, Тэтчер), понятия (например, «честность», «реформы», «порядочность») или фразы, которые нужно продолжить. И отец в ответ давал характеристику тем или иным людям, рассуждал, если это были понятия, или заканчивал фразы.

Одной из таких фраз была: «Самая большая удача в моей жизни — это...» И отец ответил:

— САМАЯ БОЛЬШАЯ
УДАЧА В МОЕЙ ЖИЗНИ —
ЭТО КОГДА У МЕНЯ
ДОЧЬ РОДИЛАСЬ.

Наверное, это ответ, с которым невозможно поспорить: такая удача будет с тобой всегда. Назвать удачей карьерные высоты рискованно: в жизни все меняется очень быстро. А дочь если уж родилась, то это — на всю жизнь.

Но своим ответом отец дал мне огромную фору. Он назвал меня своей удачей, когда говорить о каком-то моем фантастическом (и даже среднестатистическом) успехе было весьма рано. Но он так сказал.

Я очень надеюсь, что отец не ошибся. И сейчас на мне лежит некоторая ответственность: я должна чувствовать себя большой удачей в жизни своего отца.

«КОГДА Я БЫЛ МАЛЕНЬКИМ, Я РАБОТАЛ ГУБЕРНАТОРОМ»

К моему первому классу ситуация в нашей семье складывалась так: отец уже был представителем президента Бориса Ельцина в Нижегородской области и через несколько месяцев был назначен главой администрации региона. А я относительно недавно научилась читать.

Читать и узнавать время по часам меня научила бабушка — в последнее мое дошкольное лето в Галибихе. Мама повела меня в школу, где я прошла специальный тест. Результаты лучше всего можно охарактеризовать словами мамы, сказанными, правда, по другому поводу: «звезд с неба не хватает». Я действительно в классическом академическом смысле была посредственна, и, откровенно говоря, задачи быть готовой к начальной школе у меня не

было, да и родители не считали, что надо тратить лишние силы. Все равно всему научат за 10 лет.

Я почти не смотрела телевизор — бабушка запрещала (потому что это излучение и вредно). Родители редко читали мне детские книги (на отца эти стихи и сказки наводили тоску). Но при этом отец рассказывал мне очень много историй из своего детства. Он укладывал меня спать, произносил волшебную фразу: «Когда я был маленький, я жил в Сочи», — и дальше начиналась история.

Я огромное количество времени проводила за взрослыми разговорами о политике. Мне казалось (и кажется до сих пор), я для детского возраста неплохо разбиралась в политической повестке рубежа 1980–1990-х годов. С другом Димой мы записывали то, что сейчас назвали бы подкасты. Включали кассетный магнитофон — и писали себя, то изображая депутатов Верховного Совета СССР, то сатирически комментируя их слова и действия уже как сторонние наблюдатели. Мы знали там многих: в Верховном Совете в те годы были яркие личности. Депутаты спорили, ругались, иногда дрались — мы это вдохновенно пародировали. У нас получался аудиоспектакль на острополитическую тему. К сожалению, все эти кассетные записи были утеряны.

Школа, как и детский сад, была для меня ограничением свободы, никакой радости по этому поводу я не испытывала.

Школу, кстати, я выбрала сама. На выбор мне предложили четыре варианта.

Школа № 13 — английская. Школа № 1 — немецкая (сейчас обе эти школы называются гимназиями).

— Нет! Не хочу учить иностранные языки! — сказала я.

Сейчас, кстати, об этом жалею: немецкий мне бы очень пригодился. А без английского я не смогла бы ничего сделать вообще, но я быстро это поняла и выучила его еще в юношеском возрасте.

Школа № 40 (сейчас — лицей № 40) была физико-математической.

— Математику тоже не хочу, — я отмела и ее, и вот тут поступила совершенно правильно: у меня нет математической интуиции. Лингвистическая есть (да, жалею, что отказалась от языковых школ), а вот математической — нет. Я могу вызубрить алгебру, но не могу ее «прочувствовать».

И тогда методом «от противного» осталась школа № 8 (сегодня — медицинский лицей). Врачом я тоже не собиралась становиться, но мне казалось, что медицина — это нечто абстрактное и ничего конкретного требоваться не будет, поэтому не так страшно.

Первые классы в медицинском лицее ранжировались по уровню подготовки. Меня записали в класс самых сильных, и это был редкий случай, когда на решение о моем зачислении повлияла должность отца. Конечно, я не была самой сильной. И в первые годы учебы было тяжело в классе, где многие отвечали у доски лучше меня.

Они были безумно начитанными. На переменах обсуждали книги. Звучали фамилии Джонатана Свифта, Даниэля Дефо, Жюль Верна, Уильяма Шекспира — это в начальной школе!

А я не могла грамотно писать. О каллиграфии можно забыть, это были каракули, написанные левой рукой в прямом смысле этого слова. У меня не шла математика. Я не то что Шекспиром — русскими народными сказками не зачитывалась! Учительница начальных классов Светлана Михайловна ясно давала понять: она скромно оценивает мои способности.

Учительницу я любила. Школу не любила, а учительницу любила. Она казалась мне невероятно красивой: ярко накрашенная, с кудрявыми рыжими волосами! Моя мама так ярко не красилась, а вот Светлана Михайловна — да.

Много лет спустя мы с мамой были в гостях у Светланы Михайловны — я тогда уже работала на РБК-ТВ. Когда она узнала, что я смогла чего-то достичь в профессиональном плане, была искренне поражена: она никак не предполагала, что я окажусь на что-то способна.

Кстати, мы иногда с ней общаемся и добавили друг друга в друзья на «Фейсбуке».

РОДИТЕЛИ НЕ РУГАЛИ
МЕНЯ ЗА ПЛОХИЕ ОЦЕНКИ.
ИХ ОТНОШЕНИЕ К МОЕЙ
УЧЕБЕ БЫЛО ДОВОЛЬНО
НЕЙТРАЛЬНЫМ: «НУ, УЧИТСЯ
И УЧИТСЯ». И Я БЛАГОДАРНА
ЗА ТО, ЧТО МОЯ «СРЕДНЯЯ
АРИФМЕТИЧЕСКАЯ
ЧЕТВЕРКА С МИНУСОМ»
КАЗАЛАСЬ ИМ ВПОЛНЕ
АДЕКВАТНОЙ ОЦЕНКОЙ.

Но в семь лет тяжело избавиться от давления общественного мнения. А общественное мнение моего класса приравнивало человека к его академической успеваемости. Моей подругой была девочка-отличница Даша. Ее мама, преподаватель русского языка

и литературы, говорила: «Есть только одна оценка, и эта оценка — пять!»

У нее все было на пять: косички туго заплетены, платье выглажено, туфли вычищены, дневник — идеальный... А у меня не совсем так, причем по всем пунктам списка: и по косичкам, и по платью, и по дневнику.

И я вдруг подумала, что это не совсем справедливо. Пусть я не могу ответить математику на пять, но хотя бы тоже прочитать все те книги, которые обсуждает моя подруга и другие сверстники, я могу? Могу.

Это было испытание. «Робинзон Крузо» казался мне невероятно занудным и сложным произведением, но я читала. У Жюль Верна обилие специфической морской лексики. Все эти фок-мачты, грот-мачты, морские единицы измерения не давали мне следить за сюжетом. Я так устроена, что должна понять каждое слово, иначе не могу идти дальше. И если сегодня я могла бы погуглить — и узнать значение, — то в начале 1990-х приходилось рыться в энциклопедиях или спрашивать взрослых.

Кстати, и сейчас к незнакомым словам и терминам отношусь так же: ни в коем случае не пропускаю мимо ушей, а ишу их значение. Иногда даже выписываю.

Уже будучи взрослой, я услышала термин «андрогика» — наука об обучении взрослых. Один из главных ее принципов состоит в том, что детей и взрослых нужно учить по-разному.

ЕСЛИ РЕБЕНКА МОЖНО
ЗАСТАВИТЬ УЧИТЬСЯ,
НЕ ОБЪЯСНЯЯ, ЗАЧЕМ
ЕМУ ЭТО НАДО (И ОН
ПОДЧИНИТСЯ, ПРИЗНАВАЯ
ГЛАВЕНСТВО НАД
СОБОЙ ВЗРОСЛОГО
И ЕГО ТРЕБОВАНИЙ),
ТО ВЗРОСЛЫЙ ЧЕЛОВЕК
НЕ СТАНЕТ УСВАИВАТЬ
НОВЫЙ МАТЕРИАЛ, ПОКА
НЕ ПОЙМЕТ, ЗАЧЕМ ЕМУ
ЭТО НУЖНО.

Оглядываясь на свои школьные годы и понимаю:
с начальной школы я училась «как взрослые».

Через несколько месяцев после того, как я пошла
в школу, мой отец стал губернатором Нижегород-

ской области. Это был 1991 год. Область, как и вся страна, переживала тяжелый социально-экономический кризис, вызванный резким переходом к капитализму от планового хозяйства.

САМЫМ БОЛЕЗНЕННЫМ
ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ БЫЛА
ГАЛОПИРУЮЩАЯ ИНФЛЯЦИЯ,
ПОСЛЕ ТОГО КАК ОТПУСТИЛИ
ЦЕНЫ. В ОБЛАСТИ
ХРОНИЧЕСКИ НЕ ХВАТАЛО
НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ.

Правительство опасалось увеличения денежной массы из-за угрозы дальнейшего раскручивания инфляционной спирали. Нижегородская область хотела решить проблему нехватки наличности через выпуск облигационного займа. Минфин России пошел навстречу и зарегистрировал проспект эмиссии областного займа в 1992 году. Эти ценные бумаги получили двойное название — «потребительские казначейские билеты» и «облигации Государственного

займа Нижегородской области». В народе они более известны как «немцовки». В конце 1992 года «немцовками» рассчитывались на автозаправках, в том числе и автобусов, потому что ежедневная заправка бензином требовала большого потока наличности. Такой механизм существовал около трех месяцев, позже проблему с наличными деньгами удалось разрешить. С марта 1993 года «немцовки» стали использоваться как облигации 1-го Нижегородского областного займа.

Еще одной проблемой был кадровый голод: мало кто понимал, как управлять по-новому, а главное — как грамотно проводить приватизацию. Отец пригласил иностранных консультантов. В регионе высадился десант американских и европейских консультантов. Они работали на Международную финансовую корпорацию (IFC), сестринскую организацию Всемирного банка, мандат которой — работать с частными предприятиями в развивавшихся странах и создавать рынок для потенциальных инвесторов. Но в Нижнем и в России в целом не было никакого частного сектора, его только предстояло создать. И команда IFC стала разрабатывать реформы совместно с администрацией Нижегородской области.

Главным был Энтони Дорон (все звали его Тони), англичанин, не знавший ни одного слова по-русски, но работавший до этого в Польше и имевший опыт приватизации. Моим любимчиком был Алан Бигман, очень молодой задорный американец, блестяще говоривший по-русски. Он владел сленгом

и распевал частушки. Его любили все, даже бабушки в колхозах. Он действительно был одаренным человеком, выпускником Йеля, и умел общаться со всеми. В какой-то момент отец даже назначил его на официальную должность в администрации Нижегородской области. Еще была суперактивная Гретчен Вилсон, настоящая американка из провинциального штата Кентукки. Кстати, Гретчен надолго задержалась в Нижнем, она стала управляющей Балахнинского бумкомбината. Она очень волновалась о моем образовании и даже подала идею отправить меня в летний лагерь в США (об этой поездке я расскажу отдельно). Да и спустя много лет Гретчен не теряет надежду, что я поступлю в магистратуру хорошего американского университета.

В Нижегородской области они помогли провести несколько реформ, в том числе первую в России малую приватизацию в 1992 году (аукционы по продаже магазинов и служб быта), а также приватизацию грузового автотранспорта. Есть фотография: на площади перед Нижегородской ярмаркой выставили десятки грузовиков для продажи с аукциона. Противодействие этой реформе было беспрецедентным: государственное предприятие противилось всеми возможными методами. Но аукцион был нужен, централизованная логистика не справлялась со снабжением вновь возникших частных магазинов.

В 1993 году в Нижегородской области впервые была проведена земельная реформа. Программа «ЗерНО»

(Земельная Реформа Нижегородской Области) реорганизовала колхозы и совхозы и позволила создать первые фермерские хозяйства. Прошло больше двадцати лет — многие хозяйства до сих пор живут и процветают. Более того, именно программа «ЗеРНО» стала прообразом федеральной программы приватизации земли.

Если вы читаете российские и зарубежные газеты того времени, то найдете бесчисленное множество заметок о реформах в Нижнем. В период с 1993 по 1994 год в Нижний с визитами приезжали премьер-министры Великобритании Маргарет Тэтчер и Джон Мейджор и даже актер Ричард Гир.

После того как отец стал губернатором, мы переехали жить на государственную дачу в Зеленый город. Юридически он считается частью Нижнего Новгорода, но территориально его от границы Нижнего отделяют несколько деревень и около пятнадцати километров дороги.

Госдачи были чем-то вроде нижегородской Рублевки — по статусу, но не по уровню комфорта. Они представляли из себя деревянные дома в сосновом бору. Конечно, благоустроенные, но по нынешним меркам российских чиновников вполне аскетичные. Просто в них жили первые секретари обкома и прочие представители советской номенклатуры — так было принято. Кстати, на нашей госдаче изначально жил летчик Валерий Чкалов.

И если уж в нашу маленькую квартирку на Могилевича отец приглашал в гости всех знакомых, то на гораздо более просторную дачу он звал гостей при первой возможности. Все иностранные консультанты, так или иначе, бывали у нас. Некоторые из них говорили по-русски, большинство — нет. Для отца не существовало языкового барьера: он знал английский.

А я вдруг ощутила, что не понимаю разговоров отца с его гостями! Значит, и мне нужен английский язык! У меня появилась мотивация. Рядом с нашей школой стоял Дворец пионеров. В нем открылись курсы английского — в отличие от школьной программы язык на курсах преподавали не по идеологизированному учебнику Старкова. Там рассказывали про культуру англоязычных стран и праздники: День святого Валентина, Хэллоуин — это оказалось весело и интересно. Я по-настоящему втянулась — и начала учить язык с азартом.

С другими предметами тоже было плохо ровно до тех пор, пока я не понимала, зачем они нужны. Класа до восьмого меня преследовал экзистенциальный ужас перед ответами у доски, контрольными работами и диктантами. Я буквально молилась, чтоб меня не заставили это делать. Был и страх сделать ошибку. Я писала диктант — а потом сверяла свой текст с текстом соседа по парте, отличника Саши Басалина. Но моя история — пример того, что человек может меняться с возрастом, и меняться сильно. Сейчас я абсолютно не боюсь ни сделать ошибку, ни выступать публично, ни чего-то не знать.

ДУМАЮ, МОЯ
НЕУВЕРЕННОСТЬ БЫЛА
СВЯЗАНА ЕЩЕ И С СИСТЕМОЙ
ОБРАЗОВАНИЯ — НЕГИБКОЙ
И АВТОРИТАРНОЙ.

Самой жесткой из всех была учительница русского языка и литературы Ирина Борисовна. Она была прекрасным педагогом, но наводила на всех ужас — кажется, не только на школьников, но и на учителей.

Напомню: я тогда ужасно боялась сделать что-то не так и оказаться в центре внимания. Но, видимо, любая жесткость действует на человека до определенного момента. Можно давить и давить — и когда-то пружина разожмется.

— Сегодня будет контрольная! — Ирина Борисовна вошла в класс. Она не предупреждала нас об этом. Ни у кого из нас не было шанса подготовиться к контрольной.

Я вдруг возмутилась и пошла жаловаться к завучу. Постучалась в кабинет, вдохнула — и рассказала, что Ирина Борисовна не права.

К улучшению наших с Ириной Борисовной отношений это, конечно, не привело, а контрольная состоялась.

Чем старше я становилась, тем яснее понимала: школьные знания могут иметь или не иметь для меня ценность. Но важен хороший аттестат.

И я принялась догонять одноклассников. Репетиторами по математике стали мой отец и двоюродный брат Толя — они оба прекрасно все объясняли. Причем до какого-то времени мне это казалось само собой разумеющимся: если математику тебе объясняют, ты ее понимаешь. Но однажды не оказалось ни отца, ни брата Толи, и вместо них суть процента мне объяснял друг отца еще по НИРФИ физик Борис Абрамович, который почему-то жил у нас на даче. Друг был не меньшим специалистом в математике, чем мой отец... но он объяснял так, что я вообще ничего не поняла. Абсолютно!

Все-таки умение доходчиво донести сложные вещи — это талант, который дается не всем.

Русским языком я начала заниматься с бабушкой. Мы просто писали с ней диктанты — каждый день. Писали, потом я находила слова, в которых сделала ошибки, выписывала их — и зрительно запоминала. Учить бесконечные правила русского языка для меня было неэффективным. Нужно механически запомнить написание каждого сложного слова. И это существенно повысило мой уровень грамотности.

С химией был тот же подход. Бабушка сказала (а химией со мной занималась тоже она):

— Выучи формулы наизусть. Вот — серная кислота, вот — соляная кислота, вот — сернистая. Запомни — дальше все пойдет само.

Это и правда сработало! Позднее похожий подход я встречала в американской системе обучения: если вы точно чувствуете, что не сильны в каком-то предмете и он однозначно не «ваш», просто запомните формулы, правила, схемы и применяйте их, не вникая в суть. И тогда через какое-то время эта суть волшебным способом откроется перед вами.

Меня иногда спрашивали: «Вы же были дочкой губернатора! Вам делали какие-то послабления в школе?»

Какие послабления, о чем вы?

МОЕГО ОТЦА НИКТО
НЕ БОЯЛСЯ. ПРЕССА
КРИТИКОВАЛА ЕГО – ОТЕЦ
НЕ ПРЕСЛЕДОВАЛ НИ
ОДНОГО ЖУРНАЛИСТА И НИ
ОДНО СМИ ЗА НЕЛЕСТНУЮ
СТАТЬЮ О СЕБЕ.
НИЖЕГОРОДСКУЮ ОБЛАСТЬ
ТОГДА НАЗЫВАЛИ КРАЕМ
НЕПУГАНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ.

Более того, и в обществе отношение к нему было очень разным. В 1991 году отца назначили губернатором. А в 1995 году его уже выбрали — он победил с большим перевесом, набрав более 58% голосов. Его конкурентом был Вячеслав Растеряев — глава частной строительной компании «Нижегородский дом», который на выборах получил около 26%. Он был из тех людей, которых в России принято называть «крепкий хозяйственник». Участник тех событий Виктор Лысов рассказывает, что Растеряев терпеть не мог моего отца, считая его выскочкой.

Вообще, голоса в Нижегородской области распределялись практически как в России. Регион довольно большой: от самой северной его точки до самой южной — 400 километров, от самой восточной до самой западной — 300 километров. В 1990-е годы, когда в Нижегородской области проходили выборы, очень часто прослеживалась такая тенденция: северные районы голосовали за демократических кандидатов, южные — за красных.

Словом, никакого преклонения перед моим отцом не было ни у кого. И уж конечно, ни одному учителю не приходило в голову натягивать мне оценки. Определить меня в класс «для умных» — это максимум, что сделала школа.

Скорее, это я чувствовала неловкость. Напомню, мы жили в Зеленом городе, в 15 километрах от Нижнего. Отцу полагалась служебная «Волга». И утром на этой «Волге» меня привозили в школу. Не потому,

что мне хотелось подчеркнуть свое привилегированное положение, просто по-другому из Зеленого города до школы было добраться сложно. Но мне было ужасно стыдно от этого — и я просила водителя остановиться за углом, в 300 метрах от школы. Выходила — и шла пешком, будучи уверенной, что никто не видит моей хитрости.

Ужасно тяжело было писать сочинения по русскому языку. Как известно, в начальной школе популярных тем для сочинений две: «Как я провел лето» и «Моя семья». И если про лето я знала, что писать (конечно, про Зеленый город и Сочи), то написать «мой папа работает губернатором» было очень неловко.

В начале 1990-х многие люди были не просто бедными — нищими. Они не могли удовлетворить даже базовые свои потребности: не хватало денег на продукты. Конечно, у семьи губернатора были привилегии — та же служебная «Волга». И конечно, сравнивая нашу дачу в Зеленом городе с той квартирой, что мы снимали на Могилевича, я понимала: мы живем лучше, чем большинство моих одноклассников.

И я отлично понимала: мне повезло. Я сама ничего не сделала для этого. Мне просто повезло. Это ощущение вызывало жгучее смущение. И я не хотела лишний раз подчеркивать, что мой отец — губернатор.

Отец, кстати, тоже не оказывал школе персонального покровительства. Как губернатор он занимался

всеми школами региона — и школой № 8 в том числе. К сожалению, сейчас в Россию вернулось подобострашие перед чиновниками — но в 1990-е годы в этом смысле Россия была более здоровой страной.

ТОЛЬКО НЕ ШКОЛА

Нина Зверева стала самым близким для нас журналистом — и до сих пор остается очень близким другом. Однажды, в самом начале губернаторской карьеры отца, она приехала к нам домой, чтобы сделать «семейный» репортаж о жизни Бориса Немцова.

Помимо прочего она спросила меня:

— Жанна, а что должен делать губернатор?

Мне было 7–8 лет. Я посмотрела в камеру и ответила:

— Губернатор должен уходить в отставку.

Я и сейчас считаю: с политологической точки зрения эта фраза абсолютно правильная.

ГУБЕРНАТОРЫ, КАК
И ЛЮБЫЕ ДРУГИЕ
ИЗБИРАЕМЫЕ
ЧИНОВНИКИ, ДОЛЖНЫ
УХОДИТЬ В ОТСТАВКУ.
ЭТО БАЗОВЫЙ ПРИНЦИП
ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
СТРАН. КАК ГОВОРИЛ МОЙ
ОТЕЦ, КАБИНЕТЫ ДОЛЖНЫ
ПРОВЕТРИВАТЬСЯ.

Но тогда я сказала эту фразу из корыстных побуждений.

Ситуация в 1992 году в Нижегородской области была очень тяжелой. Я уже говорила и про гиперинфляцию, и про «немцовки» — облигации областного займа, которые стали фактически региональной валютой. (Тогда случился гигантский скандал: премьер-министр Егор Гайдар был возмущен.)

Отец же просто понимал: федеральный центр не присылает денег, людям физически нечем платить зарплату.

Словом, отец практически жил на работе. Я стала видеть его гораздо реже — и мне это ужасно не нравилось. Я очень любила своего отца. Поэтому решила: чтобы мы снова могли проводить вместе много времени, он должен уйти в отставку.

Нина Зверева, конечно, добавила мой ответ в репортаж. Его показали по телевидению, и в адрес программы пришло несколько писем, где люди весьма критично и без реверансов писали: девочка говорит ерунду и незачем вытаскивать ее в эфир.

Каким-то образом я узнала об этих письмах. Это ужасно ранило мое сердце, я почувствовала огромную обиду. И приняла жесткое решение: я больше не буду давать интервью. Пока мой отец занимает высокую должность, пока это его достижение, а не мое, пока сама чего-нибудь не добьюсь — никаких интервью. Совсем.

Я, кстати, до сих пор люблю принимать такие решения — резкие, наотмашь. Ни одного моего интервью начала 1990-х годов найти невозможно — их нет. Журналисты просили. Но я не соглашалась.

Потом, уже через несколько лет, я все же нарушила данное самой себе обещание. Тогда к нам в гости пришла журналистка Ирина Зайцева — она делала

программу «Герой дня без галстука». Точнее, первая попытка записать интервью у Ирины Зайцевой оказалась неудачной: она приехала к нам в Зеленый город и встретила довольно холодный прием от моей мамы (мама совсем не собиралась тратить время на интервью) и полное игнорирование от меня.

Но через какое-то время Ирина повторила попытку уже в Москве — и вот тогда (мне было уже 13–14 лет) я ответила на пару вопросов.

— А чем ты хочешь заниматься, когда станешь взрослой? — спросила меня Ирина.

— Хочу быть журналистом.

Я не соврала: в то время я действительно была настроена стать журналистом.

Отец рассмеялся:

— Отлично! Будешь публиковать «джинсу» и содержать родителей на пенсии.

Разговор был легким, шутливым — но я вдруг встала в позу.

— Нет, — ответила я резко и совершенно серьезно. — Я не хочу быть таким журналистом, который пишет неправду, я такой не буду журналисткой. Я не буду писать неправду, даже если за это мне будут платить деньги.

— Вот и рухнули планы на безбедную пенсию, — отец снова рассмеялся и этим сгладил пафос моих слов.

Впрочем, о жизни в Москве я расскажу позднее. Пока же — о том, как протекало мое детство в Зеленом городе. Оно было необычным и словно состояло из двух «пластов»: школы и понятных детских увлечений — с одной стороны, и невероятной взрослой жизни — с другой.

Детских увлечений у меня было несколько, и школа в них не входила. Я всячески старалась ее избегать (школа была для меня символом несвободы), искренне радовалась, когда у меня болел живот и можно было легально пропустить уроки. Вопрос «чем заняться, пока другие учатся?» не стоял — у меня всегда находились дела.

Я обожала кататься на велосипеде. Круглый год — и по асфальту, и по земле, и по сугробам, и по льду. С двоюродным братом ездили в сторону города Кстово — это около 15 километров от Зеленого города.

Вторым увлечением была моя замечательная кошка, которую я назвала Чоли. В то время по телевизору начали показывать мексиканские и бразильские сериалы. В одном из них был такой персонаж — мама Чоли. Мне очень понравилось это имя, так что кошка (другая, не кот Сахаров!) стала Чоли. Она была ужасно умной — бегала за мной, как собака;

когда болел живот, ложилась на него — и боль уходила.

Она терпела все мои выходки — и спокойно ждала, пока я вытаскивала из нее клещей. В Зеленом городе их было огромное количество. Поэтому каждый сезон я снимала их с кошки пачками. И кстати, я до сих пор профессионально умею вытаскивать клещей: детский навык оказался полезным!

А вот комаров в Зеленом городе после Галибихи казалось совсем мало — поэтому я каждое лето с азартом собирала землянику. К сбору грибов я была равнодушна, а вот земляника затягивала меня целиком. Чтобы понять, в каких объемах я приносила домой ягоды, скажу, что земляничное варенье я потом закатывала в трехлитровые банки.

Там же, в лесу, я познакомилась однажды с лесником. Напомню: у меня всегда была тяга к общению со взрослыми — более того, мне казалось, я сразу вижу, хороший человек или плохой. Леснику я поверила мгновенно. Он рассказывал кучу историй — кстати, и про клещей тоже. Сам он приехал в Нижегородскую область с Севера, помимо леса очень хорошо разбирался в монетах и был увлеченным нумизматом. Кажется, ему было так же интересно общаться со мной, как и мне с ним. По крайней мере, он специально приносил мне монеты из своей коллекции, а некоторые и дарил. До сих пор жалею, что они затерялись во время многочисленных переездов, и не теряю надежды их найти.

КРАТКОВРЕМЕННЫМ
УВЛЕЧЕНИЕМ СТАЛА
ПЕЧАТНАЯ МАШИНКА:
ОТЕЦ ПРИНЕС ЕЕ
С РАБОТЫ, И Я ПОНЯЛА:
ХОЧУ ПИСАТЬ РАССКАЗЫ!
РУКОЙ В ТЕТРАДКЕ БЫЛО
НЕИНТЕРЕСНО. НО КАК
ТОЛЬКО ЛИСТ ЗАПРАВЛЯЛСЯ
В МАШИНКУ, СРАЗУ
ОТКУДА-ТО ПРИХОДИЛО
ВДОХНОВЕНИЕ – ПИСАЛА
ЗАБАВНЫЕ РАССКАЗЫ,
И ТОЧНО ПОМНЮ: ОДИН
ИЗ НИХ БЫЛ ПРО СБОР
ЗЕМЛЯНИКИ.

Словом, моя жизнь в Зеленом городе была совершенно не скучной.

Но мы вовсе не были отшельниками. Много лет подряд я занималась теннисом. Причем играла так хорошо, что отец подумывал перевести меня учиться в Школу олимпийского резерва, но, как говорится, не дошли руки.

Теннисом я занималась на открытых кортах в садике Пушкина — и вот здесь нужно рассказать поподробнее.

В конце 1980-х — начале 1990-х возможным было все: открытые теннисные корты в небольшом парке, расположенном практически в центре города, получили хозяина — Заури Абуладзе. Я не знаю, как этот человек стал обладателем кортов и провозгласил себя руководителем теннисной академии Заури Абуладзе. Он приехал в Нижегородскую область откуда-то из Грузии. Ни теннисистом, ни тренером Заури не был: играл он хуже моего отца. А тренировал свою собственную дочку, ее тоже звали Жанна.

Каждый раз (и на протяжении нескольких лет), когда я приезжала на корт, Заури Абуладзе встречал меня одной и той же шуткой, казавшейся ему невероятно смешной.

— Я не пойму, — говорил он, — это Жанна Немцова или Жанна Абуладзе?

Это был мой персональный ад. Сначала я пыталась что-то отвечать — но бесполезно. Заури не требовался мой ответ. Он был доволен собственной шуткой, и ему этого вполне хватало.

Так вот, свою дочку Абуладзе, который абсолютно ничего не смыслил в тренерской работе, гонял по корту так, что у нее иногда изо рта шла пена. Она так и не стала профессиональной теннисисткой, и, честно говоря, я не знаю, как сложилась ее судьба.

Я же занималась с тренером по имени Левон. И он действительно понимал, как нужно готовить детей, как ставить удар, какую нагрузку давать. Благодаря Левону у меня очень мощный удар слева, двумя руками. Да и в целом всему, что я умею в теннисе, я обязана Левону. Мне очень жаль, что я потеряла с ним связь, надеюсь, он прочитает эту книгу и откликнется.

Так вот, Заури Абуладзе был самоназначенным тренером и директором самопровозглашенной теннисной академии. И очень самонадеянным человеком. Он жадно стремился оказаться рядом с властью. А власть представлял Борис Немцов, игравший в теннис. И расположение кортов в садике Пушкина было настолько удобным, что на них приезжали играть все. Когда в Нижний Новгород приезжал Ельцин, он тоже играл на кортах Заури Абуладзе. Это был тот случай, когда человек сорвал джек-пот только благодаря вере в собственную исключительность — причем ни на чем не основанной.

Но в самом главном своем увлечении я идеально совпадала с подавляющим большинством россиян первой половины 1990-х годов. Я обожала сериалы.

Первый телевизионный сериал, который показали еще при СССР, — «Рабыня Изаура». Он произвел невероятный эффект: никто не предполагал, что за перипетиями телевизионных героев можно наблюдать так долго и с такими сильнейшими переживаниями. Следующий сериал — «Богатые тоже плачут» — только усилил эффект. Вероника Кастро, которая снималась в нем, стала национальной героиней. «Просто Мария», «Возвращение в Эдем», «Никто, кроме тебя» — я смотрела их запоем.

Сериалы влияли на мои интересы: когда я смотрела «Просто Марию», поняла, что хочу стать дизайнером (потому что главная героиня была дизайнером). Я никогда не подходила к отцу с просьбой: «Купи!» Мне казалось, это некрасиво и неправильно. Я просила его: «Возьми меня с собой», — и он брал.

Но вот в тот раз я попросила:

— Купи! Пожалуйста, купи мне швейную машинку.

И он купил. Я шила на ней какие-то невообразимые вещи. Шила, носила в школу — никто из родителей не сказал и слова, что штаны сидят на мне криво-косо.

Но самым любимым сериалом была «Санта-Барбара».

ЕСЛИ Я ОТ ЧЕГО
И ФАНАТЕЛА РЕАЛЬНО —
ЭТО ЛЕОНИД АГУТИН
И «САНТА-БАРБАРА».
МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ МЫ
С МОЕЙ ТЕТЕЙ БЫЛИ
В США — И Я УГОВОРИЛА
ЕЕ ПОЕХАТЬ В ГОРОДОК
САНТА-БАРБАРА: МНЕ
ХОТЕЛОСЬ УВИДЕТЬ ЕГО
СВОИМИ ГЛАЗАМИ.

Тогда, в девяностые, я обожала Круза и Иден (сейчас понимаю: это была самая скучная пара в сериале). Но в то время я не могла пропустить ни серии. Если вдруг понимала, что не успею вернуться домой к выходу новой, просила записать мне ее на аудио — чтобы хотя бы послушать.

Пару раз зимой мы с родителями уезжали на Домбай — кататься на горных лыжах.

Летний отдых в Сочи остался — но к нему иногда прибавлялся еще и зимний Домбай. Сочи я обожала: мы жили в санатории Горьковского автозавода под названием «Россия», купались в море, катались на серфе, ели мороженое. Этот санаторий строил отец моего отца, Ефим Давыдович.

И если Сочи — это было мое счастье, то Домбай оставил двоякое впечатление. Само место невероятно красивое — но вот для катания на горных лыжах оно оказалось не приспособленным. Я так и не полюбила этот вид отдыха: он сопряжен со слишком большим количеством трудностей. Надевать костюм, неудобные ботинки, идти в них до трассы, тащить лыжи... А эти бугельные подъемники, которые чуть зазеваешься — выбьют тебе зуб? С сыном наших знакомых именно это и случилось.

Да и сами трассы были опасными: кое-где снег лишь слегка припорошивал скальную породу — отец один раз напоролся на такой «стык» и разбил себе голову.

В общем, мы большей частью просто гуляли. Вечером шли ужинать — и тут начиналось самое ужасное: ужин в нашем доме отдыха приходился как раз на то время, когда по ТВ показывали новую серию «Санта-Барбары»! Я мгновенно съедала все — и пулей летела в номер, чтобы посмотреть сериал.

Отец однажды пошутил:

Коллаж моментальных фотографий. Парк Ривьера, Сочи

— Если родители будут умирать, когда по телевизору показывают «Санта-Барбару», ты спасти нас не будешь.

Я, кстати, не досмотрела «Санта-Барбару». В какой-то момент она перестала быть мне интересной.

Но, пожалуй, самое неожиданное впечатление из «детской» части моей жизни в Зеленом городе — это поездка в летний лагерь в США.

Идея лагеря, как я уже рассказывала, принадлежала Гретчен Вилсон. Она была одним из тех людей, кто считал (и небезосновательно), что мне нужно учить

английский язык. Кстати, сама Гретчен, несмотря на то что несколько лет прожила в России и руководила Балахнинским бумкомбинатом, русский так и не выучила.

И я подумала: «Хм, это классная идея — поехать в американский международный лагерь!» При этом в российские загородные лагеря я не ездила ни разу: мне казалось, что там скучно, плохие условия, мало свободы...

Была уверена: в Америке все по-другому.

Итак, мы с лучшей подругой (мне 11–12 лет, ей — 14 лет) полетели в Вашингтон.

В Шереметьеве нас провожали мои родители. Причем они так легко отнеслись к этой поездке, что даже не сделали доверенность на то, чтобы стюардессы присмотрели за нами во время полета. Без доверенности или сопровождения взрослых лететь было нельзя.

Наш лагерь оказался под угрозой.

И вдруг отец увидел Анатолия Чубайса — оказалось, он летит тем же рейсом, что и мы.

— О! — сказал отец. — А вот Чубайс! Он за девчонками и присмотрит!

Чубайс согласился взять на себя такую миссию. В принципе, ничего особенного от него и не тре-

бывалось: один раз за время полета к нам подошел кто-то из его помощников, чтобы уточнить, все ли у нас хорошо. У нас все было хорошо, кроме запаха сигаретного дыма, который распространялся на весь салон: тогда в самолетах еще курили. Но с этим приходилось просто смиряться.

Так мы летели под окном Чубайса. Надо сказать, относясь я к нему крайне неоднозначно, если не сказать негативно, но из песни слова не выкинешь: благодаря ему мы оказались в Вашингтоне.

В Вашингтоне нас встретила женщина с приятным мне именем Жанна: она, вроде бы, была женой американского дипломата. Жанна отвезла нас в загородный международный лагерь в Западной Вирджинии.

Оказалось, он мало отличался от российского!

Места красивые: лес, горы... Домики барачного типа: деревянные, длинные.

Комнаты — на 4–6 человек, двухъярусные кровати.

Умывальники и туалеты на улицах.

Я забыла зубную щетку, поэтому все время пребывания в лагере мне пришлось чистить зубы пальцем. Не знаю, что думали обо мне те, кто ежедневно наблюдал эту сцену, но что-то они определенно думали.

Еда — совсем не та, к которой мы привыкли: очень много углеводов, очень мало овощей (я тогда мечтала

об овощах!) и какая-то химическая газировка. На нее я смотрела как на яд — после бабушкиных внушений о том, что пища должна быть только натуральной.

В общем, по бытовым условиям американский лагерь я приравнивала к нашей Галибихе.

Но если в Галибихе были комары, то в лагере шел дождь. Всю смену — сплошной дождь. Было не холодно, но очень влажно.

Да, нам просто не повезло с погодой, но это было очень трудно выдержать: одежда совсем не сохла.

Плюс к этому в американском лагере все повернуто на том, чтобы дети чем-то занимались. Ребенок не может просто отдыхать. Он обязан что-то делать. Поэтому каждый из нас должен был записаться на три кружка. Я выбрала плетение фенечек (очень популярное в то время), бассейн и теннис. С теннисом все складывалось неплохо. С фенечками — хуже. А вот бассейн был открытым. Ходить в бассейн в дождь? Я была уверена: занятия отменяют! Но нет. Раз записалась — иди плавай!

Мы даже ходили в поход и ночевали в спальных мешках — все под дождем. Именно там я первый раз поджарила на костре зефирки — надо сказать, в этом что-то есть.

Много пели песен кантри-стиля: во время еды, по вечерам, в любую свободную минуту. Когда я вернулась домой, голова моя была полна кантри-музыкой.

По-английски я тогда говорила еще плохо, но в какой-то момент действительно начала понимать язык. И первое открытие, которое сделала: американский юмор совсем не похож на российский. Он показался мне плоским, пошлым и абсолютно не смешным.

«Если бы я была в российском лагере, я могла бы хоть попросить родителей меня забрать, — думала я, надевая по утрам невысохшую одежду. — А сейчас это абсолютно невозможно». Я понимала: единственный шанс избавиться от дождя — попасть в лазарет. И то ли я слегка симулировала, то ли организм сам понял, что от него требуется, но в какой-то момент я заболела — и была отправлена в чистую и сухую больничную палату. И наконец-то там выпалась и высушила часть белья.

А вот после лагеря началась совсем другая жизнь. Мы поехали в Нью-Джерси, к друзьям моих родителей. И прожили у них в гостях еще три недели. И это были три недели абсолютного восторга. Мы увидели весь Нью-Йорк. Мы ели все, что хотели. Макаковые рулеты поглощали в огромных количествах (в тот момент я поняла, что у мака все-таки есть наркотическое действие — когда наешься таких рулетов, чувствуешь себя как под воздействием легкого алкоголя). Мы ложились спать в 4 утра. Мы гуляли по ночному городу.

Мы забыли весь английский, что выучили в лагере, потому что говорили только по-русски.

В лагерь я больше никогда не ездила, а вот в Америку — часто.

Слегка нарушу хронологию и расскажу о поездке, в которую я отправилась спустя пару лет с двоюродным братом Толей и моей тетей (то есть его мамой) Юлей.

Дело в том, что Юля — адвентистка седьмого дня.

В нашей семье вообще все очень разные: кто-то всерьез занимается бизнесом, кто-то — политикой, кто-то увлечен религией. Но при этом мы никогда не навязываем друг другу свою точку зрения. Это сложно: не знаю, как Юля справляется с тем, что никто в ее семье не поддерживает адвентизм, но факт остается фактом — никто не стыдится «увлечений» своих родственников и никто не навязывает их другим.

Мой отец, которому абсолютно не была близка никакая религия, всегда говорил, что его сестра — христианский проповедник. Единственное, за что бабушка ругала Юлю, — за то, что она слишком много работает.

ПО ВЕРСИИ БАБУШКИ,
МЫ ВСЕ СЛИШКОМ
МНОГО РАБОТАЕМ
И СЛИШКОМ МАЛО
ДУМАЕМ О ЗДОРОВЬЕ.

Юля стала адвентисткой случайно. В начале 1990-х годов в Нижний Новгород приезжал проповедник Джон Картер. Он имел бешеный, феноменальный успех. Собирал не просто концертные залы — стадионы! Это неудивительно. Картер был прирожденным оратором, хотя (Юля, прости!), на мой взгляд, он отлично играл на необразованности своей паствы.

Он выстраивал свою речь так, что всем казалось, будто он — не просто Джон Картер, а родственник Говарда Картера, того самого археолога, который в 1922 году открыл гробницу фараона Тутанхамона. Она оказалась не разграбленной — и это открытие стало поворотной точкой для развития египтологии.

Так вот, Джон Картер легко вплетал в свои проповеди и Египет, и Тутанхамона — а потом крестил всех в реке Волге.

Юля была переводчиком. Она была далека от религии. Но после того как поработала с Картером в Нижнем, сама стала адвентисткой. Вскоре ее назначили руководителем христианской телекомпании, Юля вела передачу «Лицом к лицу», которая выходила на нижегородском телевидении.

Так вот в этой поездке в США с Юлей и Толей мы жили в семье адвентистов. И в какой-то момент я поняла, что бытие определяет сознание. Я меняюсь под воздействием среды. Если бы я родилась в семье адвентистов — я бы стала адвентисткой. Если бы в семье буддистов — стала бы буддисткой. Человек подвержен влиянию, особенно в молодом возрасте.

Впрочем, мой брат опровергает эту теорию. Он выполнял все внешние требования адвентистов: молился перед едой, ходил в церковь — но совершенно не перенял их идеалы. Делал это формально.

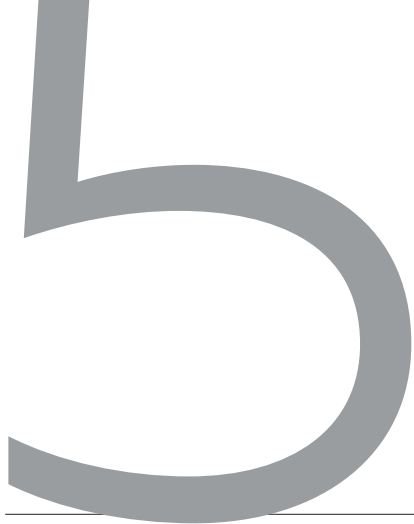
Я же вернулась в Россию почти готовой адвентисткой. И с ужасом смотрела на то, как мои родители работают по субботам (адвентисты каждую субботу ходят на проповеди).

Однажды даже сказала об этом вслух. Но тут отец меня мигом отрезвил, спросив:

— Ты что, с ума сошла?

И весь адвентизм с меня как рукой сняло.

Но вообще, это феномен Америки: из нее всегда возвращаешься немного другим человеком. Я чувствую это на себе каждый раз.

ОТ ВАЧИ ДО ГЕРМАНИИ: ПУТЕШЕСТВИЯ С ОТЦОМ

Отец никогда не ограждал меня от реальной жизни и не лакировал действительность. Он приучил меня к одной очень важной вещи: нужно радоваться успехам других людей. Не завидовать, а искренне радоваться.

— То, что в России появляется средний класс, класс богатых, — это повод для большой радости, — говорил он.

Но в начале 1990-х средний класс был очень узок, и я это видела сама.

Я уже рассказывала: почти никогда не говорила отцу «Купи!». Но часто просила: «Возьми!» И он меня брал — везде, куда бы я ни попросилась. В любую

рабочую поездку. Других людей это несколько шокировало, но отец не видел в этом никакой проблемы.

Я ездила с ним по районам области. И это, конечно, был совсем другой мир. Например, мы едем в Княгининский район. По дороге из Нижнего Новгорода в Княгинино проезжаем Кстовский и Большемурашкинский районы. И на границе, где кончается один район и начинается другой, стоит служебная «Волга». На ее капоте накрыт импровизированный «стол»: колбаска, розеточки с икрой, соленья — и, конечно, водка.

ГУБЕРНАТОРА ВСТРЕЧАЕТ
ГЛАВА РАЙОНА.
НЕ ОСТАНОВИТЬСЯ
И НЕ ВЫПИТЬ
НЕВОЗМОЖНО.
А НА ГРАНИЦЕ
СЛЕДУЮЩЕГО РАЙОНА
ВСЕ ПОВТОРЯЕТСЯ.

Я ужасно переживала, когда мои родители пили алкоголь или курили. Мне казалось, это наносит вред их здоровью. Я видела, что отцу эта водка — поперек горла, что он не хочет ее совершенно. Но пьет.

Он потом говорил:

— В первые годы работы я думал, что сопьюсь.

В начале губернаторства ему нужно было знакомиться с Нижегородской областью. Многие главы администраций районов были старше отца, и, хотя они и были назначены губернатором, все равно нужно было налаживать более тесный контакт. Отец был слишком необычным и очень юным для этих сорока-пятидесятилетних управленцев. А если бы еще и отказался пить водку, построить доверительные взаимоотношения было бы сложнее.

Еще одним открытием стала для меня поездка в Арзамасский район. Кажется, это был первый год отцовского губернаторства. Нас пригласили на встречу Нового года — в Арзамасе тогда собирались несколько глав администраций районов, в том числе и бывший глава горисполкома Арзамасского района Иван Петрович Скляр — он в начале 1990-х был вице-губернатором Нижегородской области, позже был избран мэром Нижнего Новгорода.

Мы поехали всей семьей, и отец еще взял заезжего американца Боба. У меня после того праздника остались очень странные впечатления, которые легче

всего, пожалуй, можно выразить фразой «я не думала, что так можно».

Празднование показалось мне своеобразным — может быть, оттого, что я не привыкла к таким гуляньям. Водка лилась рекой. Мужчины переодевались в женщин. Разыгрывали какие-то сценки. Пели частушки. После праздника спали на печке. У меня осталась фотография с того дня: мы с мамой и папой выглядим очень грустными.

Зато американцу Бобу все нравилось. Он не знал русского языка, но радостно принимал участие в самодеятельности и был совершенно счастлив.

Кстати, потом отец даже полюбил такую стилистику. Он пел частушки (и, кстати, из всего народного творчества он действительно знал и ценил частушки — у нас дома они звучали часто). Позже любовь к частушкам переросла в любовь к Орлуше с его нецензурно-политическими стихами... Но однажды отцу пришлось выучить стихотворение Пушкина.

У него была блестящая память, вплоть до того что знал наизусть номера указов. Но, собираясь в Большеболдинский, он сказал:

— Нужно выучить Пушкина.

Село Большое Болдино — то самое, где Пушкин писал «Евгения Онегина» и «Маленькие трагедии». Отец ехал туда на торжество в честь 196-летнего

юбилея Пушкина. Стихотворение «Два чувства дивно близки нам, // В них обретает сердце пищу: // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам» он учил часа два — и оно никак отцу не давалось. Он злился, но продолжал учить. И все-таки выучил.

Совершенно необычной была поездка в Вачу. В рабочем поселке с населением 5 тысяч человек построили роддом, причем строительство его спонсировали Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. И они приехали на открытие роддома.

Ростропович, Вишневская — в Ваче!

Отец тогда, выступая на митинге в честь открытия роддома, сказал:

— Родильный дом мы, конечно, построили, и Мстислав Леонидович нам помог деньгами. Ну а уж как его заполнить — тут, мужики, думайте сами. Мы с Ростроповичем вдвоем не справимся. — Плоская шутка, но люди хохотали.

Мне ужасно нравится Ростропович: он был легким в общении, веселым, с потрясающим чувством юмора. А Вишневская, заранее прошу прощения, казалась дамой очень ухоженной и красивой, но недоброй. Мне даже было жаль Ростроповича: он такой живой и веселый, а у нее лицо каменное.

Думаю, именно на юморе они с отцом и сошлись. Когда собирались вместе, их можно было слушать

бесконечно. Они шутили не переставая, словно соревнуясь, кто кого перешутит. И как же мне было обидно увидеть, что единственным человеком, с кем у отца не сразу налачился контакт, оказался Михаил Жванецкий.

Я так предвкушала их разговор. Настолько легко и непринужденно шли беседы отца и Ростроповича! Я думала: «Представляю, как круто будет со Жванецким!»

Не получилось. Жванецкий — он человек тонкий. Да, у него есть репризы из советского периода, которые я не считаю смешными, но в целом он действительно человек глубокий. И видимо, они с отцом не совпали. Это был единственный раз на моей памяти, когда у отца не получилось общение.

Они оказались совершенно разными людьми, и «химия» с первого раза не случилась. Думаю, они встречались еще, но я уже при этих встречах не присутствовала. Жванецкий после убийства отца с большой теплотой о нем говорил. Он написал такие слова: «Борис Немцов — это удивительный совершенно человек. Это такая яркая личность, которая не могла долго жить! Есть такие люди — они настолько яркие, что они себя не спасают, они себя не охраняют, они не заботятся о себе. Когда он был вице-премьером, я думаю, у него не было в приемной очереди... А когда прозвучали эти выстрелы, мы увидели — кого у нас любят и как у нас любят. Эта миллионная очередь, эта река человеческая. И я по-настоящему плакал два раза во время этих похорон. Когда его

убили в спину выстрелами и когда вышли эти все. Один раз вот от этого горя, второй раз — от этой радости».

История со Жванецким — скорее исключение.

ОТЕЦ ОЧЕНЬ ХОРОШО
ОБЩАЛСЯ С СОВЕРШЕННО
РАЗНЫМИ ЛЮДЬМИ, В ТОМ
ЧИСЛЕ И КРИТИЧЕСКИ
НАСТРОЕННЫМИ В ЕГО
ОТНОШЕНИИ. ОН УМЕЛ
НАЙТИ ПРАВИЛЬНУЮ
ТОНАЛЬНОСТЬ РАЗГОВОРА,
ПОЧТИ НИКОГДА
НЕ ВЫХОДИЛ ИЗ СЕБЯ
ИЗ-ЗА НЕУДОБНЫХ
ВОПРОСОВ И ОТВЕЧАЛ
ВСЕГДА АРГУМЕНТИРОВАННО.

Поэтому ему часто удавалось убедить тех, кто изначально был его противником.

Он никогда не был страстным поклонником классической музыки. Моя бабушка приучала к классике и его, и меня, но мы оба остались более или менее к ней равнодушными. Но именно он организовал в Нижнем Новгороде Сахаровский фестиваль, на который приезжал выступать Ростропович.

Отец не был верующим. Но именно он инициировал в Нижегородской области программу «Дороги и храмы». Русской православной церкви возвращались храмы. В Нижнем Новгороде стали работать синагога и мечеть, были открыты католический храм и храмы для евангельских христиан.

Пушкин не был любимым поэтом у моего отца — но он специально учил стихотворение Пушкина, отправляясь в Большое Болдино. И его программа поддержки культуры в Нижегородской области была обширной.

В 2019 году я заочно познакомилась с австрийской журналисткой и фотографом Кристин де Гранси — в 1990-е годы она делала фотопроекты о России. И конечно, приезжала в Нижний Новгород. В 2020 году она организовала онлайн-фотовыставку в Вене, посвященную празднованию 196-летнего юбилея Пушкина в Большом Болдине, там было много фотографий отца. Это, конечно, поразительно —

практически все журналисты мира, которые в 1990-е годы писали и снимали сюжеты о России, приезжали в Нижний. Наш город был витриной «новой России», его знали в мире.

Отец как с писаной торбой носился с Нижегородской ярмаркой. До революции 1917 года именно она приносила городу мировую известность: на нее приезжали купцы из самых разных стран. Нижний называли карманом России. В советское время ярмарка практически полностью была уничтожена — и отец, понимая, как важна роль символа (а ярмарка — безусловно, символ!), всеми силами ее возрождал.

Символом российской эстрады (и не только эстрады) была Алла Пугачева. В 1990-е годы у нее был большой тур по стране — и она приехала в Нижний Новгород. Конечно, мы пошли на концерт. Пугачева, исполняя песню «Молодой человек, потанцуйте же со мной», пригласила моего отца. Он танцевал с ней на сцене, зал аплодировал. Пугачева тогда как-то очень сильно похудела и выглядела шикарно.

А после концерта мы поехали в Зеленый город. Здесь нужно сделать небольшое пояснение.

Дачи в Зеленом городе — это несколько деревянных домов на охраняемой территории. В советские годы на этих дачах жила партийная номенклатура. Отец же решил перевести госдачи на хозрасчет. Из руководства области дома остались только у гу-

бернатора, мэра города, спикера Законодательного собрания области, и еще один гостевой дом был в распоряжении администрации. Все остальные дачи отец велел сдать в аренду бизнесменам. И они охотно платили! Возможность жить рядом с губернатором — согласитесь, за это многие были бы готовы заплатить!

В гостевом доме периодически останавливались известные люди. В нем, например, жил Григорий Явлинский, когда они с отцом писали «Нижегородский пролог» — программу развития региона.

И в этот дом поселили Аллу Пугачеву.

Когда мы вернулись в Зеленый город после концерта, в том доме уже был накрыт стол.

Пугачева — фантастический рассказчик. У нее прекрасный русский язык, отличное чувство юмора. Я слушала ее, открыв рот: как она ездила на гастроли по кавказским республикам, как ей дарили там какие-то невероятные украшения... Меня страшно удручало только одно: Пугачева курила. И каждая ее сигарета была мне как ножом по сердцу: я ужасно переживала за здоровье людей, которые мне не безразличны. Я считала выкуренные ею сигареты. И до сих пор помню это число.

Одиннадцать сигарет за вечер. Казалось бы, ну какое мне дело до ее курения! Но сигареты эти помню до сих пор.

СЕЙЧАС Я УЖЕ ПОНИМАЮ,
ПОЧЕМУ ШКОЛЬНАЯ
ЖИЗНЬ КАЗАЛАСЬ
МНЕ ТАКОЙ СКУЧНОЙ.
КОГДА ТЫ ДНЕМ ЕДЕШЬ
С ОТЦОМ ПО РАЙОНАМ
ОБЛАСТИ, ВЕЧЕРОМ
ОБЩАЕШЬСЯ С ПУГАЧЕВОЙ,
А НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО
ИДЕШЬ В ШКОЛУ – КАКИЕ
РАЗГОВОРЫ СВЕРСТНИКОВ
МОГУТ ПОКАЗАТЬСЯ
ИНТЕРЕСНЫМИ?

Хотя... допускаю, что были (и сейчас есть!) дети, которым школьная жизнь интереснее поездок по области и общения с Аллой Пугачевой.

Когда я говорила, что отец брал меня везде, куда бы я ни попросила, я имею в виду — вообще везде. Без исключений. В 1993 году он взял меня в поездку в Германию. Это была моя первая поездка за границу. Отец возглавлял официальную делегацию Нижегородской области, вместе с ним были и журналисты — Нина Зверева и ее оператор Михаил Сладков.

Отец мечтал наладить контакты с Западной Германией — и, кстати, именно благодаря этой поездке немецкий город Эссен стал побратимом Нижнего Новгорода. Кроме этого, немецкий банк WestLB Vostok (Западногерманский земельный банк) открыл в 1996 году свое представительство в Нижнем. И в целом поездка оказалась весьма продуктивной.

И перед такой ответственной поездкой я говорю ему: возьми меня! И он берет!

В Германии всю делегацию поселили в гостинице, а отец решил остановиться в доме банкира Дитера Фальке, с которым подружился еще в России. Фальке принадлежит к знаменитому семейству, которое владеет одним из старейших текстильных предприятий Германии. Многие в России знают колготки и носки фирмы Falke.

Мы прилетели вечером, жутко голодные. Нам на стол поставили ореховый пирог и чай. И все. Это показалось очень странным, но я не придавала этому значения, хотя чувство голода осталось.

Мы съели пирог, разошлись по комнатам. Мне выделили детскую с шелковыми простынями (я с них съезжала), отцу — гостевую комнату. Нам предстояло жить у Фальке около недели, и программа пребывания у отца оказалась крайне насыщенной. Он не мог брать меня с собой на все совещания и переговоры. Поэтому рано утром он уезжал, приезжал поздно вечером.

В ДОМЕ ФАЛЬКЕ БЫЛО
ОЧЕНЬ ГОЛОДНО. НАС
КОРМИЛИ ПРОДУКТАМИ,
КОТОРЫЕ Я НЕ МОГЛА
ЗАСТАВИТЬ СЕБЯ СЪЕСТЬ:
КАКИЕ-ТО СТРАННЫЕ БУЛКИ,
ЙОГУРТЫ, НЕВКУСНЫЕ
ЗАМОРОЖЕННЫЕ
ПОЛУФАБРИКАТЫ. ВЗЯТЬ
ИЗ ХОЛОДИЛЬНИКА ТО, ЧТО
МНЕ ХОТЕЛОСЬ, БЫЛО БЫ
НЕВЕЖЛИВЫМ.

Никаких мобильных телефонов. Объяснить, что я фактически голодаю, некому: я плохо говорю по-английски, отец все время в отъезде. Я десять раз пожалела, что напросилась с ним в Германию! Иногда я просила ключ от комнаты отца, заходила, пока его там не было. На столе у отца стояли вазочки с орехами и сухофруктами. Однажды мы с фрау Фальке шли по улице — и я увидела витрину с булочками. У меня было немного немецких марок, я смогла объяснить Фальке:

— Булочку! Я хочу купить булочку!

Думала: вот сейчас наконец-то наемся! Купила — а она оказалась абсолютно невкусная. Можно даже сказать, несъедобная.

Это было ужасно, но я не стала жаловаться отцу, когда мы увиделись на выходных. Только ближе к концу поездки я встретила Нину и все рассказала о своих злоключениях.

Нина и Михаил Сладков жили, конечно же, в отеле. Нина привела меня в ресторан отеля — там был шведский стол.

— Что ты хочешь? — спросила меня.

Там был огромный выбор. Невероятный.

— Курицу и макароны! — сказала я.

Я взяла огромную тарелку еды, села, начала есть — и не смогла. Я уже так привыкла есть по чуть-чуть, что наелась почти с первой ложки.

За ту поездку я похудела на 4 килограмма. И уезжала из Германии с твердой уверенностью: больше не вернусь туда ни за что. Помню, как уже дома, в Зеленом городе, я взахлеб рассказывала Лене Котюсовой, жене помощника моего отца, как меня морили голодом в Германии. А еще у меня был дневник — очень милый блокнот с замочком, чтобы записывать в него сокровенные мысли. Я писала туда свои рассказы. Самым крутым был тот, где я описываю свою поездку в Германию.

Для отца поездка была успешной — Нижегородская область подписала договор о сотрудничестве с землей Северный Рейн-Вестфалия. Немцы инвестировали в экономику региона — более того, за счет германских денег удалось восстановить собор Александра Невского.

Во второй раз я приехала в Германию только в 2015 году. И поразила — насколько превратным, оказывается, было мое впечатление об этой стране после поездки 1993 года! Судьба сыграла со мной удивительную штуку, фактически вынудив меня переехать именно в Западную Германию — это была единственная возможность продолжить работу. А поселилась я в Бонне, в земле Северный Рейн-Вестфалия. Пару лет назад я выступала в мест-

ной синагоге, рассказывала там эту историю. Она привлекла больше внимания, чем рассказы о российской политике и журналистской работе. Да, с Дите-ром Фальке я неоднократно встречалась в Германии, и мы до сих пор поддерживаем контакт, но об истории моего пребывания у них дома в 1993 года он если и узнает, то только прочитав эту книгу.

В том, что я рассказывала про Германию именно Лене Котюсовой, нет ничего удивительного. Еще когда мы жили на Могилевича, в нашем доме каждый вечер собирались гости. Когда же мы переехали в Зеленый город, гости у нас не просто были. Они у нас жили.

В доме были две спальни, кабинет, гостиная и флигель наверху. И они всегда были полны народа. Александр и Лена Котюсовы — друзья отца, жили по полгода. Несколько месяцев жили двоюродный брат отца Игорь Эйдман со своей женой Олей. Во флигеле жил друг моего отца по НИРФИ Борис Абрамович — тот самый, что пытался объяснить мне, что такое процент, но не смог.

Иногда мама не выдерживала и выгоняла всех гостей. Но Борис Абрамович успевал заранее почувствовать надвигающуюся бурю — и спрятаться во флигеле. Так что он в буквальном смысле не гостил у нас, а жил.

Долгое время с нами жил Иван Засурский — внук знаменитого декана журналистики МГУ Ясена Засурского. Ивану было лет двадцать, он почему-то рабо-

тал у отца политехнологом на губернаторских выборах 1995 года и почему-то тоже жил у нас дома.

Но были и гости, которые просто приходили каждый день. Борис Бревнов, например, председатель правления нижегородского банка «НБД», жил в соседнем доме, но каждый день приходил к нам на ужин — а уходил уже за полночь.

И завсегдатаем в нашем доме был Андрей Климентьев. В советское время он получил тюремный срок за распространение эротических фильмов, но в 1990-е годы судимость была снята, и он был реабилитирован. Андрей Климентьев — яркая, неординарная личность. Отцу было интересно с ним общаться, они много времени проводили вместе. С моей точки зрения, Климентьев хотел использовать их дружбу в корыстных целях. В 1994 году фактически контролируемый Климентьевым судостроительный завод «Ока» получил 18 миллионов долларов в качестве ссуды от Минфина России на модернизацию судоверфи. Гарантом по кредитному договору выступила администрация области.

За несколько дней до одобрения кредитной линии норвежская компания «Ароко», одним из акционеров которой был Климентьев, заключила с «Окой» договор о разработке технической документации сухогруза, но реально часть денег была присвоена Климентьевым без каких-то оснований. Другая норвежская компания, Russian Shipping на 100 процентов принадлежала Климентьеву, и на ее счета также

были переведены значительные средства в оплату судового оборудования. Из них 2,6 миллиона долларов было потрачено на сторонние нужды Климентьева. Обнаружив это в начале 1995 года, отец прекратил всякие отношения с Климентьевым и создал комиссию по расследованию нецелевого использования государственных кредитных средств. Климентьев был осужден по статье о хищении чужого имущества. Интересно, что в 1998 году Климентьев был избран мэром Нижнего Новгорода, но выборы признали недействительными.

Мне не очень нравилась беспардонность Климентьева. Он мог, например, приехать утром и войти в спальню родителей.

Он не производил впечатление порядочного человека, более того, он с пренебрежением относился к людям. Я тоже чувствовала это. У него была машина «Альфа-Ромео» вишневого цвета с дистанционным ключом. Я тогда не знала, что машину можно открыть с расстояния.

— Скажи волшебное слово — машина откроется, — говорил он мне.

Я произносила «кодовое слово» (не помню, какое именно нужно было говорить) и видела: машина действительно открывалась. Произносила снова — она закрывалась. Климентьеву явно нравилось мое удивление. А я ужасно обиделась, когда узнала, что он меня обманул.

ДА, ОН ОБЛАДАЛ НЕКОЙ
ХАРИЗМОЙ, КРАСОЧНО
РАСПИСЫВАЛ ИДЕИ
СВОИХ БИЗНЕС-ПРОЕКТОВ,
НО НЕУВАЖЕНИЕ К ЛЮДЯМ
СКВОЗИЛО ВО МНОГИХ
ЕГО ФРАЗАХ.

Моя мама отрицательно относилась к Климентьеву и, если он начинал переходить границы, только одним своим взглядом давала ему понять, что лучше уйти.

Климентьев ее боялся — и действительно уходил. Впрочем, потом появлялся снова.

Сейчас я представить себе не могу ситуацию, в которой в моей квартире постоянно жили бы несколько гостей. Но тогда эта жизнь казалась мне вполне нормальной. Отец всегда говорил, что цель жизни — борьба со скукой. Постоянная толпа людей в доме была частью этой стратегии.

ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ И ПЕРВАЯ СМЕРТЬ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА

У моего отца есть сводный брат Юра, он родился во втором браке моего деда. Юра, кстати, сказал мне сразу: если я не напишу в книге ни одного слова о нем, он мне этого не простит. Так вот, пишу.

Он был редким гостем у нас на даче в Зеленом городе. Юра родился в Москве и остается абсолютным москвичом. Он не получил высшего образования: в 1990-е годы появилась прослойка людей, которая решила зарабатывать деньги. Они понимали, как это можно сделать. И не желали тратить пять лет на учебу. Сейчас таких много среди 50-летних — тех, чья взрослая жизнь началась с перестройки.

А Юра еще и прирожденный бизнесмен. Он начал делать деньги еще в детстве: покупал значки в ГУМе

и продавал их дорожке в родной школе. В 1990-е он выглядел как классический новый русский: малиновый пиджак, тусовки в модных клубах, электронная музыка — он всегда был на гребне волны.

Когда приезжал к нам в Нижний, постоянно нас глумил (это его любимое слово) за нашу провинциальность:

— Вы все тут на феназепаме! — говорил. — А корень провинциальности — эта ваша Галибиха!

В Галибихе, к слову, он ни разу не был.

ПЕРВАЯ КНИГА МОЕГО
ОТЦА НАЗЫВАЛАСЬ
«ПРОВИНЦИАЛ». И ОТЕЦ
ТОЧНО НЕ СТЫДИЛСЯ
СВОЕГО НЕМОСКОВСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

Не могу сказать, что я испытывала к Юраше (так мы его звали) большую любовь. Наоборот, я жутко ругалась с ним из-за его отношения к провинции. Я была

патриотом Нижнего Новгорода, а к Москве относилась настороженно. Мне казалось, провинциальная жизнь — это прекрасно, а столичный новорусский лайфстайл — настоящий кошмар.

Юраша, кстати, ничуть не изменился с годами. Я уехала из Нижнего Новгорода в пятнадцать лет, а он до сих пор напоминает мне мою провинциальность. Бонн, где я жила пять лет, он презрительно называл Глубокий Бонн, намекая на его неспешность и компактность.

Отец тоже был привязан к родному региону и совсем не хотел уезжать в Москву.

Но его звали. Сначала приехал Березовский. Борис Абрамович любил делать вид, что он знает больше, чем все. Не всегда это было правдой. Видимо, и тут, услышав что-то, Березовский решил присвоить победу себе — и приехал в Нижний преподнести отцу его скорое назначение в Москву как свою собственную победу.

Отец тогда неодобрительно отозвался:

— Приехал, как Керенский.

В общем, Березовский отца не уговорил. Отец понимал: во-первых, он — избранный губернатор. И это крайне нелогично и неуважительно по отношению к нижегородцам — уезжать в Москву через два года

после выборов. Во-вторых, ситуация в Москве будет очень тяжелой. Позже, кстати, их состав правительства называли правительством камикадзе. Ну, и в-третьих, отец думал о том, чтобы избираться в президенты. А стартовать в избирательной гонке с позиции успешного губернатора Нижегородской области гораздо проще, чем с позиции вице-премьера правительства.

Отца уговорила Татьяна Дьяченко, младшая дочь Бориса Ельцина, — она в те годы играла огромную роль в управлении государством (и мы до сих пор пожинаем плоды этого). Она приехала в Нижний Новгород. Я не присутствовала при этом разговоре, но отец потом сам рассказывал: Татьяна начала плакать. Она привела аргумент, против которого мой отец не смог устоять.

— Папа тебе помог, — сказала Татьяна. — А теперь ты помоги папе!

Это была правда: Ельцин действительно помог моему отцу стать губернатором. Да, аргумент был нечестный. Но отец после него не смог сказать «нет».

О переезде моего отца в Москву хорошо рассказывал Михаил Фридман:

— Только что! Вот буквально только что он бил себя кулаком в грудь: «Не уеду в Москву, останусь в Нижнем Новгороде!» А потом включаю телевизор — а он уже в кабинете Ельцина!

Искромётное вице-премьерство отца закончилось довольно быстро — об этом я расскажу в следующей главе. А пока — о том, как я уехала в свою самую сложную эмиграцию.

Я МНОГО РАЗ
ПЕРЕЕЗЖАЛА ИЗ ОДНОГО
ГОРОДА В ДРУГОЙ,
ИЗ ОДНОЙ СТРАНЫ
В ДРУГУЮ. НО САМОЙ
ТЯЖЕЛОЙ ЭМИГРАЦИЕЙ
(А ЭТО БЫЛА ИМЕННО
ЭМИГРАЦИЯ) СТАЛ
МОЙ ПЕРЕЕЗД
ИЗ ЗЕЛЕНОГО ГОРОДА,
С ЕГО ЗЕМЛЯНИКОЙ,
ВЕЛОСИПЕДОМ
И СВОБОДОЙ, В МОСКВУ.

В Москве меня зачислили в школу № 1239. Это та самая школа во Вспольном переулке, где училась вся элита. Суперуспешные дети суперуспешных родителей. Не скажу, что они все были умными. Но они все были из обеспеченных семей.

В школе № 1239 была своя форма. После моей 8-й школы это было ужасно неудобно: какая форма, мы ходили на занятия в чем хотели! Но в школе № 1239 свободы было значительно меньше, чем в моей 8-й школе.

Нам задавали нереальные объемы домашней работы. Мне очень не хотелось подводить отца, поэтому я старалась учиться по максимуму. Садилась за домашку сразу после возвращения домой — и делала ее до глубокой ночи. И все равно я чувствовала: никак, совершенно никак я не вливаюсь в это общество детей состоятельных родителей.

Однажды на перемене я села на диван в холле. Ко мне подошла дочь актера Леонида Ярмольника. Посмотрела на меня и сказала:

— Вали отсюда!

Я была невероятно возмущена таким поведением. Как так можно?! В нашей 8-й школе никто в принципе не мог сказать другому такое!

В конце первой четверти я подошла к классной руководительнице.

— Большое спасибо! — сказала ей. — Вы мне очень помогли. Но сейчас я хочу забрать документы и вернуться в Нижний Новгород.

Классная была в шоке:

— Жанна, вы совершаете ужасную ошибку! — воскликнула.

Так любят говорить людям, которые принимают решения, кажущиеся нестандартными или сомнительными. Но для меня в этом решении не было ничего сомнительного: я не стану учиться в школе № 1239. И точка.

Такое условие я поставила и родителям. Они — как хотят, а я уеду в Нижний.

И уехала. Вернулась в свою любимую провинцию и зажила в квартире с моей бабушкой и двоюродным братом — счастливо, свободно и... полностью отбившись от рук.

Напомню, мне было 13 лет — самый пик переходного возраста. Мама была занята обустройством в Москве. Отец полностью погружен в тяжелейшую работу. Им объективно стало не до меня.

А бабушка... она считала, что для человека главное — здоровая еда и здоровый сон. И если внучка утром выспалась — это отлично. А если она при этом проспала школу — ничего страшного.

Я начала прогуливать. Причем прогуливала я по-черному, не появляясь в школе неделями. Плюс к этому у меня появилась первая любовь, что только усугубило ситуацию.

ЕДИНСТВЕННОЕ,
ЧТО МЕНЯ ТОГДА
ИНТЕРЕСОВАЛО —
АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК
И ПОЭЗИЯ СЕРЕБРЯНОГО
ВЕКА. ВОТ АНГЛИЙСКИМ
И ПОЭЗИЕЙ Я ЗАНИМАЛАСЬ.
А ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ
ЗАБРОСИЛА.

Бабушка полностью потеряла надо мной контроль. Я гуляла, читала стихи, занималась своими делами и даже не прикасалась к учебникам. К счастью, я не стала ни курить, ни пробовать запрещенные вещества — но у меня был настоящий переходный возраст со всеми вытекающими последствиями.

Нельзя сказать, что я не думала о школе. Думала. Но каждый раз понимала: я колоссально отстала от всех. Казалось, если я сейчас приду в класс, стану посмешищем. Так мое отставание накапливалось как снежный ком.

Это сейчас я уже научилась учиться и могу очень быстро освоить большие объемы информации. Тогда мне на самом деле было сложно. Вспоминаю тот год с ужасом. Да, я потом нагоняла, но мои знания из школы могли бы быть более глубокими. Я жалею, что плохо знаю физику, химию. Жалею, что мало интересовалась историей. Эти знания мне быгодились. Поэтому сейчас я восполняю пробелы, занимаясь самообразованием.

Но я всегда сама принимала решения относительно своей жизни — и несла за них ответственность. Несу и сейчас. В тот год я все-таки вернулась в 8-ю школу и доучилась до мая. С трудом, но сделала это.

А уже летом снова уехала в Москву. Отец уговорил меня вернуться. Но я поставила встречное условие: учиться я буду не в элитной школе, а в самой простой районной.

Пошла в школу № 312 — и доучилась там до конца 11-го класса. В ней мне было легко и относительно свободно. Не скажу, что я полюбила школу, но она не вызывала у меня реакции отторжения.

* * *

1998 год оказался очень тяжелым — и для страны, и для нашей семьи, и даже для меня лично.

Моя мама родом из Волгограда. Ее мать, кубанская казачка Антонина, умерла еще до моего рождения. А вот ее отца, то есть моего деда, я знала хорошо.

Дед Ахмет был чистокровным татаринoм. Он не был мусульманином, но учился в татарской школе, и его родной язык — татарский. Русский он выучил уже позднее, и выучил очень хорошо.

После смерти первой жены дед Ахмет женился второй раз. У бабы Маши своих детей не было, так что она любила меня как родную внучку.

Баба Маша не смогла получить даже среднее образование. Из-за войны ей пришлось пойти работать, а когда война кончилась, в семье решали, кому дать образование, а кто должен работать дальше, чтобы прокормить семью. Баба Маша осталась практически неграмотной.

Она была очень простой добродушной женщиной и невероятно толстой: садясь обедать, ставила рядом с собой литровую бутылку молока — и могла выпить ее почти всю.

Деда Ахмета я побаивалась. Он был гораздо более утонченным человеком, чем баба Маша. Вышел из

семьи зажиточных кулаков (естественно, раскулаченной), после этого всю жизнь работал на стройке. Много читал, его любимым писателем был Лев Толстой. Но при этом, в отличие от бабы Маши, не терпел никаких капризов. Дочь должна была строго слушаться отца, внучка — деда. Думаю, жесткость моей мамы — как раз от деда Ахмета.

РОДИТЕЛИ ПЕРИОДИЧЕСКИ
ПРИВОЗИЛИ МЕНЯ
В ВОЛГОГРАД — ПОГОСТИТЬ
У ДЕДА. МЫ РЕГУЛЯРНО
ПОЛУЧАЛИ ОТ НЕГО ПИСЬМА,
КОТОРЫЕ НАЧИНАЛИСЬ
ВСЕГДА ОДИНАКОВЫМ
ОБРАЩЕНИЕМ: «ДОЧЬ, ЗЯТЬ
И ВНУЧКА!»

А еще дед Ахмет всю жизнь вел дневники. Он записывал в них погоду, вести от родственников, бытовые дела и цитаты из Льва Толстого.

В 1998 году он серьезно заболел. У деда была астма, но лечился он не так, как предписывали врачи, а как считал нужным. В результате он попал в больницу, мама уехала ухаживать за ним... Дед Ахмет умер.

Его смерть меня потрясла. Мне было 14 лет. Это была первая смерть близкого человека, с которой я столкнулась. Я потребовала от отца, чтобы он взял меня на похороны.

Мы ехали на машине из Москвы в Волгоград, и я не могла принять: как это? Мой дед умер? Потом были похороны, поминки... Я нашла его дневники. Взяла их все — и торжественно пообещала, что буду вести их всю жизнь — в память о деде. Продолжу его дело.

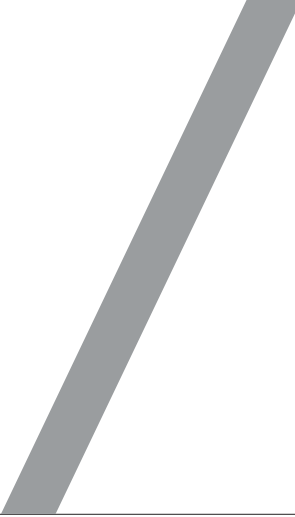
И я действительно довольно долго вела дневник деда Ахмета. Потом это обещание, как и многие детские обещания, забылось, но дневники хранятся до сих пор. Первой своей записью я извинялась перед дедом Ахметом, что любила его недостаточно сильно, и писала, что теперь отношусь к нему гораздо лучше, чем в жизни, и мне ужасно стыдно за свое поведение.

Я написала в дневнике большой, со множеством деталей и подробностей, рассказ о нем. Удивительно, что сейчас я могу читать себя 14-летней. Я не сильно изменилась. Может, стала чуть жестче, но меня, как и в 14 лет, раздирают страсти. И я, как и в 14 лет, не могу оставаться равнодушной.

После смерти деда Ахмета я заболела мононуклеозом. Страшная болезнь — врачи даже в какой-то момент подозревали, что у меня лейкоз. У меня была ангина, изменение состава крови, высокая температура и слабость. Меня положили в больницу, и до последнего никто из врачей не мог сказать, можно ли будет отпустить меня из больницы на Новый год. Вероятно, моя болезнь стала реакцией на смерть близкого родственника.

Первый Президент России Борис Ельцин во время своего визита в Нижний Новгород в середине 90-х годов

ТЕРАКТЫ 11.09.2001 В США, ИЗМЕНИВШИЕ МОЮ ЖИЗНЬ

1998 год стал для меня одним из самых тяжелых. Смерть деда Ахмета, мононуклеоз... А до этого — отставка отца с поста вице-премьера правительства. Он проработал вице-премьером совсем немного, полтора года, — и ушел в отставку по собственной воле.

Отец считал себя частично ответственным за дефолт 1998 года. Хотя он еще в мае 1998-го пытался убедить правительство в необходимости девальвации рубля, но его не слушали.

О дефолте 17 августа 1998 года он узнал из сообщений Интерфакса: отец не участвовал в принятии этого решения. Премьер-министр Сергей Кириенко не

посчитал нужным поставить в известность первого вице-премьера. Все правительство Кириенко было отправлено в отставку, но отцу предложили остаться.

Он не захотел работать в составе нового правительства — видимо, считал, что выбранный курс на борьбу с экономическим и политическим влиянием олигархов будет сворачиваться.

В 1998–1999 ГОДАХ
СМЕНИЛОСЬ ТРИ ПРЕМЬЕРА,
ЧЕТВЕРТЫМ СТАЛ
ВЛАДИМИР ПУТИН, КОТОРЫЙ
БЫЛ НАЗНАЧЕН НА ЭТОТ
ПОСТ В АВГУСТЕ 1999 ГОДА.
НЕ ЗНАЮ, КАК ИЗМЕНИЛАСЬ
БЫ ИСТОРИЯ, ЕСЛИ БЫ ОТЕЦ
ОСТАЛСЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ.

Отец принял решение не уходить из политики и создал общественное движение «Россия молодая». В 1999 году движение объединилось с другими ли-

беральными политическими силами, и был создан избирательный блок «Союз правых сил». Кириенко, Немцов, Хакамада — такой была тройка лидеров «Союза правых сил» на выборах 1999 года.

Избирательная кампания «Союза правых сил» апеллировала главным образом к молодому поколению. Помимо традиционных поездок лидеров по регионам России со стандартной программой, в каждом крупном городе на футбольных стадионах проходил любительский матч и большой бесплатный рок-концерт «Ты прав!». В футбол играли кандидаты и артисты против местной команды. Мой отец до этого никогда особо не играл в футбол. А тут — в каждом городе, постоянно.

Я не могла понять, зачем это нужно. Но когда прилетела в Иркутск, убедилась, насколько классной была идея. Встречи проходили на стадионе. Общение с избирателями, футбол (трибуны взрывались эмоциями), концерт звезд... Люди выходили окрыленные.

Пожалуй, чаще всего на концертах выступали группа «Чайф» и Владимир Кузьмин. Я тогда обожала этих исполнителей, и идея пригласить именно их мне безумно нравилась. Да, артисты выступали не бесплатно, но им явно были симпатичны лидеры «СПС».

Отец не только был одним из лидеров предвыборного списка «СПС», но и баллотировался по одномандатному округу в Нижнем Новгороде.

Решение было рискованным: в Нижегородской области негативно отнеслись к тому, что он покинул пост губернатора через два года после избрания.

Но отец решил заручиться поддержкой в родном для себя регионе, и он победил. Партия «Союз правых сил» прошла в российский парламент, набрав более 8% голосов избирателей.

* * *

Итак, 1999 год. Мне 15 лет. Я учусь в обычной московской школе, и, надо сказать, неплохо учусь. Но не могу сказать, что я была сильно погружена в учебу или посещала какие-то дополнительные занятия и секции. Однажды мы вместе с отцом пришли в офис радиостанции «Эхо Москвы», и тут неожиданно у него возникла идея устроить меня на работу. Он предложил главному редактору «Эха» Алексею Венедиктову взять меня практикантом. Алексею Алексеевичу идея понравилась — в то время на радио работало много очень юных людей. Так я неожиданно стала инфореферентом в новостном отделе. В 2020 году, кстати, я давала интервью «Эху», а потом Венедиктов опубликовал фотографию со мной в «Инстаграм» с подписью: «С бывшим инфореферентом “Эха”». Но 20 лет назад мне было совсем не до шуток и иронии.

Уроки в школе заканчивались в 15:00. Через час, в 16:00, начиналась моя смена на «Эхе» на Новом Арбате, а заканчивалась около полуночи, иногда чуть раньше. О том, что мне нужно сделать домашнее

задание, не думал никто — я готовила его или на работе, или на переменах в школе.

Задача инфореферента — помогать ведущему в подготовке новостей. Позвонить эксперту и записать комментарий. Позвонить ньюсмейкеру и что-то уточнить. Позвонить кому угодно и уточнить что угодно. Все это надо делать очень быстро: новости не ждут, большой выпуск выходил каждый час. А еще нужно смонтировать комментарий так, чтобы его можно было выпустить в эфир.

Когда я пришла, на «Эхе» только-только отказались от монтажа звука с помощью склеивания тонких аудиопленок и перешли на компьютерный монтаж. Я освоила его.

Никто не делал мне скидку на возраст и не вел себя со мной слишком доброжелательно: ведущие сами постоянно находились в состоянии стресса (их объем работ был в разы больше, чем у инфореферента). Особенно я боялась Владимира Варфоломеева. Поскольку мои смены были вечерние (плавно переходящие в ночные), я шутила, что он устраивает мне Варфоломеевскую ночь.

На возраст мне скидок не делали, но из-за моей фамилии мне периодически поручали дозваниваться до Дмитрия Якушкина, пресс-секретаря Бориса Ельцина, поинтересоваться здоровьем президента. На тот момент этот вопрос имел первостепенное политическое значение.

— Якушкину будет неловко отказать в информации дочери Немцова, — объяснил Венедиктов.

И Якушкин действительно не отказывал и всегда общал: Борис Николаевич хорошо себя чувствует.

На «Эхе Москвы» я испытала два разочарования. Первое было очень сильным: я изнутри увидела, что «Эхо» не совсем объективно. Оно давало явный приоритет одной политической силе. В то время популярность набирал избирательный блок Лужкова и Примакова «Отечество — вся Россия». И я видела: информационная повестка «Эха» построена таким образом, что предпочтение отдается именно им. Было ужасно обидно: я болела за «СПС» и переживала, что у них нет такой же информационной поддержки. В топе были Лужков и Примаков.

Это был неприятный вывод: не все так просто в нашей жизни. Теперь я понимаю, что полностью объективных СМИ не бывает, каждое выражает позицию своих собственников. И это, в принципе, не так уж и страшно, если есть множество независимых медиа, которые транслируют разные взгляды. Плохо, когда СМИ распространяют фейки.

Вторым неприятным фактом стало осознание пределов моей компетентности. В 15 лет мне казалось, что при должном желании я могу все. Почему-то такое заблуждение возникло и у Венедиктова, и он решил сделать из меня корреспондента. Делать пробный радиорепортаж меня отправили на аэродром в Ту-

шино, там проходило авиашоу. Я поехала вместе с уже опытным корреспондентом Антоном Долиным, который впоследствии стал самым известным российским кинокритиком. Антон сделал репортаж, я же пыталась что-то написать, но мои усилия оказались тщетными.

ТАМ, НА АЭРОДРОМЕ,
ОКАЗАВШИСЬ ВНУТРИ
АБСОЛЮТНО НЕЗНАКОМОЙ
МНЕ ТЕМЫ, Я ПОНЯЛА,
ЧТО — НЕТ. СЕЙЧАС
Я НЕ МОГУ СТАТЬ
РАДИОЖУРНАЛИСТОМ. ВОТ
ТУТ Я ДОСТИГЛА ПОТОЛКА
СВОЕЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ.

Но был и приятный момент — первая зарплата. Небольшие деньги, но я до сих пор помню это ощущение: тебе дают деньги, которые ты сам заработал. И ты сам можешь ими распорядиться — как хочешь. Это только твои деньги, и только ты их хозяин.

Я тогда пошла в Benetton и купила себе серую вязаную кофту. Я носила ее очень долго, она была предметом моей гордости. Тогда, на кассе Benetton, я поняла, в чем суть работы. Достижение финансовой независимости — серьезный повод испытывать к себе уважение. Может быть, именно за этим отец отправил меня на «Эхо» — чтобы я сама почувствовала себя взрослой. А может быть, он был последователем американского подхода к воспитанию: в США работают практически все подростки старшего возраста.

1999 год закончился для нашей семьи тем же, чем и, думаю, для всех остальных семей России (и не только России). В новогоднем обращении 31 декабря Борис Ельцин произнес знаменитую фразу: «Я ухожу. Я сделал все, что мог».

Эпоха Ельцина кончилась. Началась эпоха Путина.

Как бы то ни было, в 2000 году я решила, что хочу поступать в американский вуз. Откуда у меня появилась эта идея, я точно не помню, но я стала всерьез этим заниматься. Отец был против: он небезосновательно полагал, что это может негативно сказаться на его политической карьере.

Но почему-то в тот момент политическая карьера отца показалась мне менее значимой, чем моя мечта получить высшее образование в США.

Амбиции вели меня в вузы Лиги плюща, поэтому я занималась как одержимая. Экзамен по английско-

му для иностранцев, TOEFL, я сдала на максимальный балл.

Потом была очередь SAT (Scholastic Assessment Test) — экзамена, который сдают все американские (и не только американские) выпускники школ, планирующие поступать в университет. Фактически это ЕГЭ по-американски. Экзамен длится 6 часов и включает в себя задания по английскому и по математике. Еще нужно было написать эссе и заполнить стандартные формы. Самые престижные вузы требовали от абитуриентов сдавать и дополнительные тесты, так называемые SAT II.

До Лиги плюща я не дотянулась, но несколько вузов вполне достойного уровня, в том числе Фордхемский университет в Нью-Йорке, прислали мне письма о зачислении. Не Колумбийский университет, конечно, но тоже весьма неплохой вуз. Тем более у меня был знакомый: он тоже поступил в Фордхем, а через два года смог перевестись в Колумбийский. Я подумала, что ненамного глупее своего знакомого и тоже так смогу.

В 2001 году я уехала учиться в Америку.

Это было тяжело. Причем тяжело сразу по многим причинам. Я все-таки очень домашний человек, единственный эпизод, когда я жила совсем без родных — та самая поездка в американский летний лагерь, где все три недели шел дождь.

Поэтому в общежитии я ужасно скучала по родителям. Притом что на английском я говорила свободно, меня начало напрягать обилие иностранного языка. Очень хотелось услышать родную речь.

И учеба. В США она построена совсем не по такому принципу, как в России. На студента с первого же дня занятий обрушивают лавину заданий. Не лекций, а именно заданий, которые он должен подготовить самостоятельно. Приходилось целыми днями читать тонны текста и готовить письменные работы.

Утром 11 сентября 2001-го я вышла из общежития и увидела пустой и задымленный центр Нью-Йорка. Меня это шокировало, и вскоре я узнала (не помню, как), что самолеты врезались в башни-близнецы — небоскребы в нижней части Манхэттена, которые были символом экономической мощи Америки.

Люди вели себя так, как если бы началась война. Собственно, это и была война — крупнейшая в истории террористическая атака на США.

По всему городу появились объявления: нужна кровь. Любая кровь. Очень много раненых, банк крови не справится с теми объемами, что у него есть сейчас.

В 2001 году у меня уже был мобильный телефон. И мы иногда созванивались с родителями. Связь была дорогой, деньги то и дело кончались, поэтому вариант «поболтать» не рассматривался. Если мы звонили друг другу, то коротко и по делу.

— Алло, привет, — я позвонила бабушке. — Какая у меня группа крови?

— Первая отрицательная, — ответила бабушка... и связь прервалась. У меня на телефоне кончились деньги.

НИКОМУ НЕ ПОЖЕЛАЮ
ПЕРЕЖИТЬ ТО, ЧТО
ПЕРЕЖИЛА МОЯ БАБУШКА:
ОНА ПОДУМАЛА, Я СТАЛА
ЖЕРТВОЙ ТЕРАКТА,
Я РАНЕНА И ПОЭТОМУ
ЗВОНЮ ЕЙ УЗНАТЬ СВОЮ
ГРУППУ КРОВИ. С НЕЙ
СЛУЧИЛАСЬ ИСТЕРИКА —
ДО ТЕХ ПОР, ПОКА
Я НЕ ПЕРЕЗВОНИЛА ЕЩЕ
РАЗ И НЕ ПОЯСНИЛА, ЧТО
СО МНОЙ ВСЕ В ПОРЯДКЕ.

Мобильные госпитали развернули в считанные секунды. Это вообще отличительная черта Америки: она умеет все делать быстро. В госпиталях брали кровь у добровольцев. Я простояла в очереди то ли три, то ли четыре часа. Иногда был порыв уйти, но я этого не сделала, главным образом потому, что люди с моей группой крови — универсальные доноры.

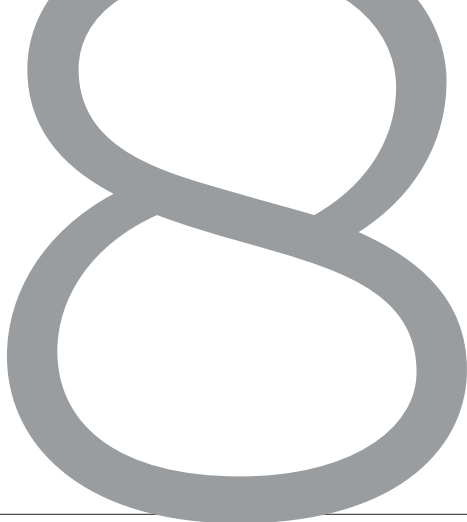
Крови взяли много — когда выходила из госпиталя, чувствовала, как меня качает. Зашла в первое попавшееся кафе, купила немного куриного бульона.

Я была в жутком состоянии. Не понимала, как жить дальше. Единственное, что понимала: я хочу отсюда уехать. Желание было абсолютно иррациональным, а потому не поддающимся никакой логике.

Позвонила родителям:

— Я больше не могу здесь. Я вернусь в Россию.

В «Комсомольской правде» вышла статья: «Жанна Немцова пролила кровь за Америку».

НУЖНО ПЕРЕОДЕТЬСЯ: ПОСТУПЛЕНИЕ В МГИМО И ПОЕЗДКА С ПАПОЙ В ИТАЛИЮ

То, что я училась в Фордхемском университете, дало мне возможность поступить на факультет международных экономических отношений МГИМО без экзаменов.

До сих пор не знаю, правильно ли я поступила, улетев тогда из Америки. Первый шок от обилия английского языка и непривычного стиля преподавания прошел бы, я бы освоилась в новой системе. И ужас от падения башен-близнецов тоже бы сгладился. Может, если бы я дала себе время на адаптацию, все пошло бы удачно?

Не знаю. Друзья моего отца говорили, это огромная ошибка — переводиться из американского университета в российский. Но это был мой выбор, кото-

рый определил мою жизнь на следующие пятнадцать лет.

В середине осени я пришла в МГИМО. Ощущение было, что я оказалась на другой планете, где совершенно иные ценности и правила.

Первое, что внушается человеку, оказавшемуся в Америке, — внешний вид не играет роли. Важны способности, желание работать и достижения. В спорте, в учебе, в танцах — не важно. Важно, чтобы эти достижения были.

Америка — это страна, которая мотивирует добиваться успеха, и вся система построена таким образом, чтобы выжать из человека максимум. В США неприлично не работать — даже если тебе всего 15 лет. Студенты не могут бездельничать во время летних каникул, они должны искать себе возможности для прохождения практики. Внешнему облику не придается особого значения. Я пришла в МГИМО абсолютной американкой: в джинсах, майке Banana Republic и с волосами, небрежно завязанными в хвост.

Студентки в МГИМО приезжали с маникюром. В джинсах со стразами (и это были не просто джинсы, а специальные ультрамодные джинсы), с макияжем и укладкой.

Они тусовались в большом холле МГИМО — там было средоточие всей светской жизни. У некоторых студентов было даже оружие.

Я очень хорошо владела английским языком и неплохо училась, но не выглядела как икона стиля, поэтому уверенности не чувствовала.

И ВСЕ-ТАКИ БЫТИЕ
ОПРЕДЕЛЯЕТ СОЗНАНИЕ.
ПОСЛЕ ГОДА УЧЕБЫ
Я ПОНЯЛА: БОЛЬШЕ
НЕ МОГУ ВНУТРЕННЕ
СОПРОТИВЛЯТЬСЯ НОРМАМ
ЭТОЙ СРЕДЫ. Я ТОЖЕ
ХОЧУ ОДЕТЬСЯ ГЛАМУРНО
И ЗАКРЫТЬ ДЛЯ СЕБЯ ЭТОТ
ВОПРОС РАЗ И НАВСЕГДА.

Мы с отцом тогда полетели вдвоем в Италию — отдыхать. И я сказала ему:

— Пап, раз уж мы будем в Милане, можно, я куплю себе нормальную одежду? Потому что то, что я ношу, — это не то, в чем можно ходить в МГИМО.

— Ну, покупай, — ответил он и дал мне свою карту, на которой было написано Boris Nemtsov.

Он улетал на день раньше. Поэтому последний день своего пребывания в Милане я оставила на шопинг. В расположении модных магазинов Милана я не слишком хорошо ориентировалась и поехала на площадь Дуомо, в универмаг Ринашенте. Десять этажей не самого дешевого шопинга.

Я купила себе «униформу» человека — студента МГИМО образца начала нулевых: ботиночки зеленоватого цвета «под крокодила» на десятисантиметровом деревянном каблуке, джинсы с низкой талией, кофточку и короткую дубленку. Непременно короткую, чтобы спину продувало. И нижнее белье.

Никаких проблем с тем, что на карте было написано не мое имя, не возникло. Я расплатилась в торговом центре и, совершенно счастливая, вернулась в отель. Там мне предстоял последний расчет — за номер.

— У вас не хватает средств на карте, — сказал портье.

Это был шок.

Я одна в Милане. Никаких денег, кроме карты отца, у меня нет. Почему я не спросила, сколько у него на карте? Почему он не сказал мне, сколько у него на карте? Как мы оба могли забыть такую важную деталь?

И главное — что мне делать? Все вещи с бирками и чеками, я могу сдать их в магазин, но... я не могу! Это же очень важные для меня вещи!

С вытаращенными глазами я помчалась в Ринашен-то сдавать нижнее белье. По правилам оно не подлежало обмену и возврату, но у меня был такой вид, что продавцы его все-таки приняли. И мне хватило денег заплатить за ночь в отеле.

Я старалась быть ближе к тому идеалу внешней успешности, какой царил в МГИМО, но так и не стала частью «золотой молодежи». Общалась со студентами, которые приехали из регионов и жили в общежитии. Лучшая моя подруга в институте Настя приехала в Москву из Якутии — и она действительно отлично училась. После окончания университета она стала работать в одной из крупнейших аудиторских компаний.

Боюсь, в МГИМО на меня обидятся, но все же скажу то, что думаю: никому бы не порекомендовала учиться в этом вузе. За пять лет учебы студентов не обучали критическому мышлению. Хотя считается, что в МГИМО сильная языковая школа, но за четыре года учебы я стала говорить по-английски хуже, чем на момент поступления.

Вторым моим языком был португальский. Это понятная и логичная политика МГИМО: если студент первым языком выбирает популярный и распространенный, вторым языком ему дают тот, который не входит в тройку лидеров.

На португальском говорит Бразилия, поэтому язык занимает шестое место по распространенности в мире. И я действительно очень хотела выучить португальский. У меня есть лингвистическое чутье, мне интересны языки, у нас была очень приятная молодая преподавательница португальского — она нравилась мне как человек... Но она, кажется, не слишком владела методикой преподавания. Однажды мы даже ездили в Португалию на летние курсы для иностранцев. Я неплохо говорила на португальском к моменту окончания университета.

Увы. В 2018 году я прилетела в Португалию и обнаружила, что не понимаю ничего. Язык исчез из моей памяти полностью. Я не могла сказать ни слова. И понять тоже не могла ни слова.

Экономику, пожалуй, нам преподавали лучше, чем языки. Россия перешла к рыночной экономике после распада СССР, и к началу 2000-х все учебники были обновленными.

Но все же по-настоящему интересных лекций было очень мало, а полезных семинаров, боюсь, не было вообще (исключения составляли лишь семинары по финансовой отчетности). И это неудивительно. Главное, что ценилось в МГИМО, — отсутствие своего мнения.

Поэтому на многих семинарах студенты зачитывали вслух свои рефераты, списанные с учебников. Полная чушь.

В принципе, можно понять такой подход. Скорее всего, благонадежных студентов вербовали спецслужбы (я к числу благонадежных никогда не относилась, поэтому меня это обошло стороной). Некоторые потом делали карьеру в МИДе. А в МИДе последнее, о чем тебя спрашивают, — это о твоем мнении. Причем так работают МИДы не только в России — во многих странах.

Я НИКОГДА НЕ ХОТЕЛА
БЫТЬ ДИПЛОМАТОМ
И В ПРИНЦИПЕ НЕ ХОТЕЛА
БЫТЬ ГОССЛУЖАЩИМ.
ЛОГИЧНЫЙ ВОПРОС:
ЗАЧЕМ ТОГДА Я ПОШЛА
В МГИМО?

Не могу дать ответ. Да, это были неплохие четыре года жизни. Да, мне было очень спокойно: я напрягалась только во время сессий, и мой диплом не стал красным из-за одной-единственной тройки по теории вероятности, хотя к экзамену я усиленно готовилась вместе со своим двоюродным братом-физиком Толей.

Могла бы я потратить четыре года своей жизни лучше? Могла бы.

Уже потом я стала глубоко изучать финансовые рынки, потому что этому предмету мало внимания уделялось в вузе. Пришлось очень много читать, чтобы достичь того уровня, который мне требовался.

На вопрос, правильно ли я сделала, что вернулась из Америки в Россию, я до сих пор не могу найти ответа. На вопрос, правильно ли я сделала, что поступила в МГИМО, могу ответить честно: нет. Нужно было выбирать другой вуз.

Самое неприятное, что случилось со мной в МГИМО, — я полностью расслабилась. Насколько целеустремленной и амбициозной я была в США, настолько же аморфной стала в МГИМО.

За годы учебы в МГИМО я перестала понимать, чего именно хочу. И хочу ли чего-то вообще.

После окончания вуза ничего принципиально не изменилось: я не понимала, где хочу работать. Ситуация усугубилась тем, что я встретила своего будущего мужа. Вообще, все было по классике: неглупый банкир, светский человек встречает выпускницу МГИМО. Считает, что она выглядит недостаточно гламурно. Одевает так, чтобы она выглядела достаточно гламурно. Ходит вместе с ней на светские тусовки, открытия магазинов и прочие скучные ме-

роприятия, где главная цель участников — попасть в светскую хронику журналов.

Эти тусовки казались мне ужасно скучными. Но поскольку ничего более интересного вокруг себя я не видела, посещала и их.

К реальной жизни меня вернули последующие неприятные события.

9

УЧАСТИЕ В ВЫБОРАХ В МОСГОРДУМУ, ЗАМУЖЕСТВО И РАЗВОД

В 2003 году прошли выборы в Госдуму, в которых принимали участие либеральные партии, в том числе и «СПС». Но «Союз правых сил» не преодолел пятипроцентного барьера.

Среди причин проигрыша были и объективные обстоятельства. В начале 2000-х в России начался бурный экономический рост. Никакой магии: росли цены на нефть — росла и экономика. Соответственно, после кризисных 1990-х люди стали ощутимо лучше жить.

Как говорил отец, о реформах люди задумываются не в периоды относительного процветания, а тогда, когда начинаются проблемы. Здесь же обстоятельства сложились так, что люди оказались в ситуации

«наконец-то жизнь налаживается», и многие считали, что основная причина не столько в благоприятной конъюнктуре на рынке энергоносителей, сколько в грамотном политическом управлении. Критическое отношение к властям не находило большого отклика, и, в принципе, в тот момент начиналась постепенная деполитизация.

СУТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО
ДОГОВОРА МЕЖДУ
ОБЩЕСТВОМ И ВЛАСТЬЮ
СВОДИЛАСЬ К ПРОСТОЙ
ФОРМУЛЕ: «МЫ ВАМ
ДАЕМ ЗАРАБАТЫВАТЬ,
А ВЫ НЕ ВЫДВИГАЕТЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ТРЕБОВАНИЙ».

Кроме того, думаю, в 2003 году Кремль уже не был заинтересован в том, чтобы либеральные партии попали в парламент.

Но и сам «Союз правых сил» допустил ряд ошибок в своей избирательной кампании.

На мой взгляд, серьезной ошибкой было то, что в тройке лидеров «СПС» на выборах оказался Анатолий Чубайс.

В принципе, с этого момента победа уже была под большим вопросом. Чубайс в глазах российского общества — абсолютный антигерой. Еще в 1990-е годы к нему сложилось крайне негативное отношение в стране, и в начале 2000-х это отношение ничуть не изменилось.

Невозможно сделать героя из антигероя. Наоборот — можно, и запросто. А героя из антигероя — нет. Увы.

То же самое, кстати, случилось с Ксенией Собчак, когда она баллотировалась на президентских выборах в 2018 году. Несмотря на почти стопроцентную узнаваемость, она в итоге набрала крайне мало голосов, можно сказать, в пределах статистической погрешности — именно потому, что она в глазах россиян антигерой.

Вторая ошибка была тактической. «СПС» запустил очень странный агитационный ролик, который оттолкнул многих избирателей. В нем мой отец, Ирина Хакамада и Анатолий Чубайс, сидя в шикарных креслах частного самолета, рассуждают о будущем России.

Я уже тогда говорила отцу, что эта реклама совершенно не соответствует нашей стране. Он приводил мне в ответ мнение западных политтехнологов, которые считали, что целевая аудитория «СПС» — это средний класс, и ролик ориентирован на них. Но мне показался этот довод сомнительным.

— Ну почему ты идешь на поводу у технологов? — возмущалась я. — Они ничего не понимают в российских реалиях. А у тебя такой огромный опыт, ты так хорошо чувствуешь людей.

Но, видимо, в тот раз отец решил сделать ставку на мнение политтехнологов.

А вот третий момент я не могу назвать ошибкой. Скорее, это стечение неблагоприятных обстоятельств.

Буквально за полтора месяца до выборов был арестован Михаил Ходорковский. И лидерам партий нужно было высказать свое отношение к этому событию. Все понимали: в обществе в целом его арест был воспринят как борьба с политическим влиянием олигархов и в основном поддерживался.

Но за арестом Ходорковского явно прослеживался политический мотив. Он в те годы стал одним из публичных критиков Путина, и это для Путина было фактором сильнейшего раздражения.

Отец и другие лидеры «СПС» публично осудили этот арест, понимая, что они рискуют потерять часть го-

лосов избирателей, а главное — навлечь гнев Кремля, потому что решение об аресте принималось там. Я уверена, что с моральной точки зрения руководство «СПС» тогда поступил правильно.

Однако все эти обстоятельства привели к тому, что «СПС» не преодолел пятипроцентный барьер. И с 2003-го либеральные партии не были представлены в Госдуме, в последнее десятилетие оппозиционные партии даже не допускались до участия в выборах (я пишу эту книгу в конце 2020 года — надеюсь, в будущем ситуация изменится).

Отец после поражения на выборах принял решение, которое соответствует западным политическим стандартам: если партия не преодолела 5%, ее лидер должен взять на себя ответственность за провал и покинуть свой пост. На съезде партии новым председателем был избран Никита Белых — не очень известный политик из Пермского края, который впоследствии стал губернатором Кировской области, а после оказался в тюрьме по делу о получении взятки. На мой взгляд, Никите Белых не хватало харизматичности и узнаваемости для того, чтобы вернуть «СПС» утраченную поддержку.

Отец решил уйти из политики и заняться бизнесом.

Он не сразу нашел работу: некоторые отказывали ему — опасались, что Немцов молчать не будет. И, надо сказать, правильно опасались. Очень трудно оставаться в стороне, если осознаешь, что Россия возвращается к авторитаризму.

На мой взгляд, это удалось только Олегу Сысуеву. В 1990-е годы он был мэром Самары, потом входил в «правительство младореформаторов», как его тогда называли, был вице-премьером. После отставки правительства Олег Николаевич ушел в «Альфа-банк». Начинал он работу как специалист по связям с госорганами, а недавно стал президентом «Альфа-банка».

Но даже он иногда выступает на «Эхе» — и я вижу, как тяжело ему подбирать формулировки, чтобы не переступить грань.

ОТЕЦ ЖЕ БЫЛ ДРУГИМ.
И ОН ТОЧНО НЕ СМОГ БЫ
СДЕРЖАТЬСЯ. ЭТО ПОНИМАЛ
КРУПНЫЙ БИЗНЕС —
А ПОТОМУ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
О РАБОТЕ НЕМЦОВУ
НЕ ПОСТУПАЛО.

В итоге он начал работать в банке «Нефтяной» — был такой банк средней руки с центральным офисом на Земляном Валу. Отец занимался тем, что хо-

рошо умел, — GR (то есть связями с госорганами). Но работа его в банке продлилась недолго. И, надо сказать, политику он никогда не выпускал из своего поля зрения.

* * *

В 2005 году в России сформировалось новое движение, связанное с приходом в оппозиционную политику молодежи — Ильи Яшина, Марии Гайдар и Алексея Навального.

Молодые политики не находили широкой поддержки: высокие цены на нефть по-прежнему «покупали» действующей власти высокую лояльность населения. Впрочем, я до сих пор не уверена, что лояльность россиян была настолько высокой. Возможно, если бы политическая система тогда была в полной мере демократической, мы бы увидели другие результаты выборов.

Более того, мои ощущения базируются на фактах.

Отца ужасно беспокоило то, что со мной происходило в МГИМО. Он пытался меня чем-то занять, разбудить.

— Я думаю, тебе нужно принять участие в выборах в Мосгордуму, — сказал мне однажды.

— Мне?! — совершенно не ожидала от него такого предложения.

— Тебе. Не думаю, что ты выиграешь, но попробуй. Главный минус — у тебя нет никакой биографии. А политику она нужна. Вся твоя биография связана с моим именем — сама ты пока еще ничего не сделала.

Отец был прав: в политику нужно идти, имея бэкграунд. Когда он в 32 года стал губернатором Нижегородской области, у него был бэкграунд — успешная борьба против строительства АСТ, участие в диссидентском движении и работа депутатом.

А у меня этого бэкграунда действительно не было.

Но я все-таки пошла на выборы — отец смог меня зажечь.

Более опытные молодые политики — Илья Яшин и Мария Гайдар смотрели на меня чуть свысока: думали, я мало на что способна. Но вслух свое неодобрение не высказывали.

Илья Яшин создал движение социал-демократического толка «Оборона» и пригласил меня выступить в их офис. Видимо, он хотел меня проверить. Но я согласилась и выступила. И, судя по реакции собравшихся, выступила явно лучше, чем они от меня ожидали.

Думаю, ни для кого не секрет: округа в Москве делятся на перспективные и неперспективные. Перспективные — это центр и университетские округа.

Там живет средний класс, и они чаще голосуют за либеральных кандидатов.

Округа неперспективные (а точнее, депрессивные) — это окраина. Мне достался округ № 3. Север Москвы — Ховрино, Левобережный... и Зеленоград. Территориально он находится за МКАДом, но юридически считается частью Москвы.

Решила, что мне такой подходит — в принципе, особого выбора у меня не было. Но, чтобы иметь хоть какие-то шансы на хороший результат, я должна была заручиться поддержкой других демократических сил. Поддержка состояла в том, что оппозиционные партии не выставляли на этом округе своего кандидата — то есть голоса тех, кто был готов проголосовать против действующей партии, не распылялись бы. Я стала единым кандидатом от оппозиционных сил.

Создала свой штаб. Очень забавно выглядел его состав: мамы подруги, дальние родственники, близкие друзья... Словом, все, кто был готов поддержать меня практически бесплатно: денег на зарплату у нас почти не было.

А вот деньги на регистрацию меня как кандидата были нужны. Точнее, имелось два варианта: либо я предоставляю в избирком довольно большой пакет подписей в мою поддержку (сейчас уже не могу сказать, какое именно количество требовалось, но оно было немаленьким), либо вношу избирательный за-

лог. Если на выборах наберу более 5% избирателей, залог мне вернут. Нет — значит, нет.

Денег на залог у меня не было — я взяла кредит. Поручителем попросила быть отца.

— Только попробуй не набрать 5%, — сказал он, подписывая бумаги.

И я начала избирательную кампанию.

В принципе, могла бы провести ее с большим размахом. Один весьма небедный человек (не буду называть его фамилию) сказал мне:

— Я дам тебе деньги на выборы, не проблема! Но ты пойдешь по другому округу, где баллотируется единокорс, которого я тоже поддерживаю.

— Зачем?! — я поначалу даже не поняла логику.

— Ну, мне это интересно, — улыбнулся тот человек.

На самом деле некоторые состоятельные люди в середине нулевых поддерживали кандидатов от разных партий, потому что последние могли лоббировать их интересы. А в моем случае человеку захотелось поиграться и одновременно показать фавориту гонки, что он может поддерживать и соперников. Да, они, кстати, доигрались — это стало очевидно спустя несколько лет.

От этого предложения я отказалась и провела свою предвыборную кампанию с минимальным бюджетом. Напомню, в 2005 году социальные сети только начинали появляться, и самой популярной платформой был «Живой журнал». Его аудиторию было не сравнить с сегодняшней аудиторией YouTube, TikTok и «ВКонтакте». Поэтому агитировать без затрат можно было только через личные встречи.

Я ПРОВЕЛА БОЛЕЕ
50 ВСТРЕЧ. ХОДИЛА
ПО ДВОРАМ. ОБЩАЛАСЬ
С ЛЮДЬМИ. ЕЗДИЛА
В СОВЕТЫ ВЕТЕРАНОВ –
ТАМ СОБИРАЛИСЬ ЛЮДИ
С ОТЛИЧНЫМИ ОТ МОИХ
ПОЛИТИЧЕСКИМИ
ВЗГЛЯДАМИ. НО Я СО
ВСЕМИ СТАРАЛАСЬ НАЙТИ
ОБЩИЙ ЯЗЫК.

Я договорилась с руководством предприятий в Зеленограде — мне разрешили выступить там перед трудовыми коллективами.

Пожалуй, чаще всего я слышала в свой адрес такой упрек: «Слишком молодая!» Мне был 21 год. И я знала, что ответить.

— Маргарет Тэтчер впервые принимала участие в выборах, когда ей было 25 лет, а политикой стала заниматься еще в университете, — отвечала я.

Тэтчер те выборы проиграла. Но она же участвовала! Почему я не могу?

Еще одним предвыборным ходом я искренне горжусь. Могу рассказать о нем в деталях: сегодня уже такое невозможно.

Я договорилась с хозяином сети ресторанов «Росинтер» Ростиславом Ордовским-Танаевским Бланко о том, что его компания бесплатно сделает рассылку по адресам жителей моего округа, которые были в их базе. На тот момент рестораны этой сети были довольно популярными, и у постоянных клиентов были карты лояльности.

Я отправила тысячи писем со вложенными в них оплаченными конвертами и просьбой написать, какие проблемы волнуют жителей моего округа больше всего. Писем, конечно, вернулось меньше, чем я отправляла. Но они пришли! И очень помогли мне в работе.

Я пользовалась всеми бесплатными возможностями агитации, какие мне были положены по закону. Мне дали определенное количество минут на районном ТВ (не знаю, кто его смотрел) — я пошла. Очень надеялась поучаствовать в дебатах с кандидатом от «Единой России». Более того, была уверена, что я одержу победу. Но кандидат по фамилии Иванов, на тот момент действующий депутат Мосгордумы, просто не пришел. Наверное, побоялся, что его выступление не будет слишком убедительным и может навредить ему.

Вообще, кандидат Иванов почти не вел избирательную кампанию и никак себя не проявлял как депутат Мосгордумы (никого же не удивляет, что был выбран именно он?). Он оказался одним из сотен «мертвых душ», который разве что нажимает на нужные кнопки во время голосования. Единственным сколь-либо примечательным фактом его биографии была его профессия до политической карьеры — он работал тренером по американскому футболу.

Я набрала на тех выборах 9,8% голосов и заняла 3-е место из восьми кандидатов.

Мне вернули залог, чем я очень гордилась. Я поняла тогда, что политическая деятельность — довольно изнурительный труд с не очень понятным результатом, и поэтому решила впредь не участвовать в политике.

Но что я теперь знаю точно: запрос на демократических представителей в органах власти был в обществе даже в годы бурного экономического роста. Ина-

че я не набрала бы свои почти 10%. Я действительно была не самым сильным кандидатом от оппозиции: 21-летняя выпускница МГИМО с известной фамилией, но без собственной биографии. Но даже такому кандидату москвичи отдали 9,8% голосов в одном из самых депрессивных округов Москвы. Интересно, что в самом бедном районе округа «Молжаниново» я заняла второе место. Вполне возможно, что более мощный кандидат от оппозиции мог бы тогда выиграть выборы в моем округе.

Меня все больше начал увлекать фондовый рынок. Этот интерес в основном связан с тем, что мой будущий муж Дмитрий Степанов возглавлял инвестиционный департамент банка «Петрокоммерц».

Он мне очень много рассказывал о том, как функционирует фондовый рынок, что такое ценные бумаги и почему инвестиции в акции, облигации и другие инструменты финансового рынка могут потенциально приносить больший доход, чем депозиты. Я стала смотреть выпуски программы «Рынки» на телеканале РБК и читать газету «Ведомости». Когда Дмитрий ушел из «Петрокоммерца» и создал собственную инвестиционную компанию, я стала работать вместе с ним. Я мечтала, что когда-нибудь тоже буду вести экономическую программу на РБК, но мечта эта казалась совершенно несбыточной.

В 2007 году я вышла замуж. Отец был невероятно счастлив. Он всерьез переживал, что со своей прямолинейностью я никогда не найду мужа.

Отец же был абсолютно уверен: счастье женщины — это семья и дети. И если девушка не вышла замуж, она не может чувствовать себя полностью счастливой.

ПРИ ВСЕЙ СВОЕЙ БУРНОЙ
ЛИЧНОЙ ЖИЗНИ ОТЕЦ
ПРИДЕРЖИВАЛСЯ
СОВЕРШЕННО
ПАТРИАРХАЛЬНЫХ
ПРИНЦИПОВ: ДОЛЖНА БЫТЬ
ОФИЦИАЛЬНАЯ СЕМЬЯ
И ИЗМЕНЫ СО СТОРОНЫ
ЖЕНЩИНЫ НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫ.
ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, ЭТО ТО,
ЧТО ОН ГОВОРИЛ МНЕ.

Его сводный брат Юра, увидев меня с женихом, сказал ему:

— Не надо жениться.

— Что?! — я ужасно возмутилась.

— У вас нет любви, — объяснил Юра. — Вам просто хорошо друг с другом. Этого мало для семьи.

Я так обиделась, что даже не пригласила Юру на свадьбу. Но жизнь показала: он был прав.

Жизнь с мужем у меня была хорошая: он был веселым, не очень требовательным и мало к чему меня принуждал. Конечно, навязывал свой образ жизни, но с этим можно было смириться.

Я с ним посмотрела много хорошего кино и послушала много хорошей музыки, в основном джаз. Джаз меня раздражал, но объективно это хорошая музыка. Мне были неприятны некоторые его поступки: он неоднократно сталкивал людей друг с другом, причем без какой-либо внятной цели, скорее его это забавляло. Этакий перфоманс.

Но наши отношения напоминали жизнь соседей. Знаете, так бывает: люди снимают вдвоем квартиру и живут как соседи. Мирно, спокойно, но — по-соседски. У нас было так же. И постепенно мы все отдалялись и отдалялись друг от друга, а наша хорошая соседская жизнь становилась все хуже и хуже.

Через пару лет брака я поняла, что нас больше ничего особо не связывает и стоит расставаться. И почувствовала, как это сложно. Я жила в квартире мужа.

Я работала в фирме мужа. У меня фактически не было ничего своего! И счастье, что у меня не было детей.

Я все-таки попыталась. В мае 2010 года я хотела уйти, но прежде поговорила с отцом.

— Даже не думай! — отрезал он. — Живи с мужем, все у вас хорошо!

Мой муж оказался смелее. В сентябре 2010-го он сам меня бросил. Как выяснилось, прямо под моим носом у него развивался бурный роман с сотрудницей. Я даже видела, как они вместе ходят обедать, — и не заподозрила ничего плохого.

Может быть, сказался и еще один фактор: партнер по бизнесу моего мужа считал, что я создаю большой риск для их компании — мой отец уходил во все более радикальную оппозицию, и то, что дочь Немцова работает в компании на одном из ключевых постов, могло негативно повлиять на бизнес. Однако утверждать я этого не могу.

Как бы то ни было, муж сообщил мне новость: мы разводимся, и я должна уйти из его квартиры. В фирме я больше не работаю.

Наверное, я могла бы затеять долгую ссору и чего-то требовать. Мне и правда было обидно: в кризис 2008 года, когда доходы моего мужа упали почти до нуля, я предложила ему — давай мы с мамой будем

сдавать нашу квартиру и жить на доход от аренды. Он согласился. Я была уверена: только так и можно поступать, мы же семья!

Но в 2010 году мы уже оказались не семьей. Я собрала чемоданы и уехала в отель. К этому моменту мы с мамой уже продали нашу квартиру в Москве.

Мой бывший муж отель мне потом оплатил. И на работе тоже выплатил компенсацию. Потому что иначе было слишком некрасиво: я одновременно теряла и жилье, и мужа, и работу.

Это стало мне хорошим уроком: даже если в отношениях с партнером все безоблачно, нельзя ставить себя в финансовую зависимость. Нужно работать, иметь собственный источник дохода — так жить намного спокойнее.

Долго жить в отеле я не собиралась — нужно снимать квартиру. Но какую?

Помог случай и Нина Зверева. Одновременно с моим разводом младший сын Нины Зверевой расстался со своей девушкой Анжеликой.

Мы с Петей были давно знакомы. Созвонились, обсудили нашу тяжелую жизнь.

— Анжелике надо найти какое-то жилье, — говорил Петя. — Пока ее позвала к себе моя мама, но она же не может жить у мамы вечно.

Я знала: Анжелика из бедной семьи, и у нее точно не хватило бы средств на то, чтобы самостоятельно снимать квартиру в Москве.

— Дай-ка ее телефон, — попросила Петю.

Позвонила ей (до этого мы виделись два раза), сказала:

— Привет! Давай снимать квартиру вместе?

— Привет! — Анжелика очень обрадовалась. — Но, боюсь, мне не потянуть ту квартиру, какую ты выберешь.

— Да не переживай! Я как раз нашла одну квартиру на Комсомольском проспекте. Съезди, посмотри ее. Если и тебе тоже понравится, тогда берем!

Так мы стали снимать с ней квартиру в пятиэтажной хрущевке на Комсомольском проспекте. Анжелика потом признавалась: она сама бы не обратила внимания на такое скромное жилье.

Но мы отлично с ней жили в нашей квартирке. Так в 2010 году у меня появились свобода выбора и соседка Анжелика — совсем другая, гораздо более подходящая мне жизнь.

10

Я НАЧИНАЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ: ПОЧЕМУ ОТЕЦ СТАНОВИТСЯ ЛИДЕРОМ ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

В банке «Нефтяной» отец проработал пару лет. Это было очевидно: он не сможет молчать относительно того, что происходит в стране. А участие топ-менеджера коммерческого банка в оппозиционном движении несет в себе значительные бизнес-риски.

В 2007-м была опубликована книга моего отца «Исповедь бунтаря», которую он написал совместно с Павлом Шереметом.

Шеремет, известный российский и белорусский журналист, тогда еще продолжал работать на Первом канале. Сегодня Павла, как и моего отца, уже нет в живых. Он был убит в 2016 году в Киеве. Павел ехал на автомобиле по улице Богдана Хмельницко-

го — и взорвался. Под машиной оказалась заложена взрывчатка.

Убийство до сих пор не раскрыто.

Но вернемся к книге. «Исповедь бунтаря» — это манифест моего отца, в котором он дал точное определение того пути, который избрал для страны Владимир Путин, и одновременно объяснил причины своего возвращения в политику. Вот что он написал в предисловии: «Я начинаю политическую борьбу, потому что не согласен с курсом, который проводит президент России. Не согласен с суверенной демократией, с ее цензурой, холуйством, жестокостью и цинизмом. Не согласен и с латиноамериканским капитализмом, где главные действующие лица — это алчные монополии и наглые чиновники. Все это делает Россию крепостной и жестокой. А нам нужна Россия свободная и гуманная». Мне было приятно, что он упоминает и меня с надеждой, что мое поколение может избавить Россию от авторитаризма. Сейчас уже предполагаю, что таким поколением может быть следующее за моим. В этой же книге отец писал об угрозе лукашизации России, которая, по его словам, смертельно опасна для страны.

В 2006 году такие прогнозы казались ну слишком уж мрачными, а в 2021 году никто не удивляется сравнению России с Беларусью. Отец был одним из немногих, кто смог увидеть тенденцию — и верно ее интерпретировать. Он обладал прекрасной политической интуицией, был визионером — и смог

предсказать, как будет развиваться ситуация через 10–15 лет.

Кстати, одним из моментов, которые отец считал показательными, был факт того, что в России поменялся гимн. Вместо «Патриотической песни» Михаила Глинки в 2000-е годы страна вернулась к «советскому» гимну Александра Александрова. Стихи для «нового» гимна написал Сергей Михалков, который писал стихи и для его советской версии.

Отец рассказывал, что он обсуждал возвращение старого-нового гимна с Путиным. И тот ему ответил:

— Какой народ, такие и песни.

Эти слова ярко демонстрируют отношение Путина к российскому народу.

В 2008 году отец участвовал в создании движения «Солидарность». Название не случайно. В 1980 году в Польше объединились независимые профсоюзы, движение назвали «Солидарность». Его лидером был Лех Валенса, который впоследствии стал первым президентом независимой Польши.

В 2008 году президентом России стал Дмитрий Медведев — многие восприняли это с воодушевлением. На самом деле Владимир Путин не собирался отдавать власть, он занял пост премьер-министра, и все важнейшие решения принимались не в Кремле, а в Белом доме.

Примерно в то же время стартовала бессрочная акция «Стратегия 31», которую инициировал Эдуард Лимонов. Ее целью была защита 31-й статьи Конституции, которая гарантирует свободу мирных собраний и шествий, в том числе и по новой Конституции. Каждое 31-е число месяца (разумеется, в те месяцы, где было 31-е число) активисты собирались на Триумфальной площади. Лимоновцы были под сильным давлением властей, поэтому инициативу поддерживали правозащитники, в том числе Людмила Алексеева. Отец также периодически принимал участие в акциях «Стратегии 31».

Акции «Стратегии 31» были несогласованными, власти к ним относились крайне негативно. Несмотря на относительно небольшое количество участников, на Триумфальную площадь стягивались непропорционально большие силы ОМОНа, очень многих задерживали.

31 декабря 2010 года я уже развелась со своим мужем и жила с подругой Анжеликой в съемной квартире на Комсомольском проспекте. Встречать Новый год нам было, в общем-то, не с кем.

— Давайте встречать вместе, — предложил мне отец. — Только ранним вечером ходим на Триумфальную площадь, я выступлю на митинге — и потом поедем праздновать.

Я согласилась. Я ни разу до этого не была ни на каких митингах. Мы пошли вместе с Анжеликой.

Отец поднялся на импровизированную трибуну, выступил — как всегда, зажег своей речью всех собравшихся. Впрочем, собравшихся было немного, максимум 300 человек.

После он общался с участниками акции и журналистами. Неожиданно отца окружил ОМОН, оттеснив от него всех сторонников. Я поняла: они собираются арестовывать.

БОЛЬШЕ ВСЕГО НА СВЕТЕ
Я БОЮСЬ НЕСВОБОДЫ.
СТРАХ СМЕРТИ ТОЖЕ
ПРИСУТСТВУЕТ, НО СТРАХ
ЛИШИТЬСЯ СВОБОДЫ
СИЛЬНЕЕ.

Я страшно напугалась, что меня тоже могут арестовать. Вместе с Анжеликой мы спрятались за киоск «Союзпечати». А спустя минуту бросились бежать. Кажется, от «Маяковской» до «Белорусской» мы пробежали за пять минут — и только там уже остановились, чтобы отдышаться.

Я набрала отца, когда он уже ехал в автозаке в ОВД. Мы коротко поговорили, потом у него отобрали телефон. Новогоднюю ночь он провел в холодной камере в ОВД. Для моего отца это был первый в жизни арест. Суд назначили на 3 января.

Скажу сразу: я не рассчитывала, что на этом суде будет вершиться правосудие. Но и не ожидала, что все будет настолько плохо. Суд длился 5–6 часов. Все это время отец был вынужден стоять — судья Боровкова отказалась дать ему стул. Попробуйте простоять 5 часов — это похоже на пытку.

Судья Боровкова, на тот момент — 27-летняя девушка, не скрывала своего негативного отношения к моему отцу. В какой-то момент я поймала себя на мысли: «Да что ж она злая как собака?!»

Отцу вменяли в вину то, что он якобы хотел инициировать беспорядки и вести людей на Кремль. Я точно знала: никуда и никаких людей он вести не собирался. А собирался — отмечать Новый год у себя дома вместе со мной и Анжеликой.

Сторона защиты вызвала меня как свидетеля, я выступила, рассказала об этом. Судья Боровкова отвела мои показания: я дочь, а значит, мои показания не беспристрастны. На суде выступила и Анжелика, но и ее показания не сыграли никакой роли — отцу дали 15 суток административного ареста.

Отбывал он их в спецприемнике № 1 на Симферопольском бульваре. Мы приезжали к нему, передава-

ли еду. Иногда даже его выводили к нам — увидеться. Каждый день давали возможность воспользоваться телефоном. Вообще, понятия «можно и нельзя» в спецприемниках сильно зависят от администрации. Руководители спецприемника на Симферопольском бульваре относились к отцу очень хорошо — даже разрешали ему ежедневно принимать душ.

Я поняла степень их лояльности, когда он позднее попал в другой спецприемник, где внешне все выглядело значительно лучше, но при этом действовали невероятно строгие и местами иррациональные правила. Был четкий список продуктов, которые принимались, и, например, некоторые овощи передавать было можно, а другие нельзя. Возможность свидания с задержанным была исключена.

Тогда, в первые дни января 2011-го, я думала, как отец себя ощущает: в 1998 году он был первым вице-премьером правительства России, а сейчас сидит в изоляторе временного содержания по сфабрикованному административному делу. В это время он уже находился в радикальной оппозиции к Путину, и его, как и других противников действующего в России политического режима, постоянно дискредитировали, в том числе через госканалы.

А 10 декабря 2010 года премьер-министр Путин в ходе прямой линии обвинил моего отца, Владимира Милова и Владимира Рыжкова в воровстве миллиардов в 1990-е годы, он тогда сказал свое знаменитое «поураганили в 1990-х». Все трое подали на Путина

в суд иск о защите чести, достоинства и деловой репутации. Дело было проиграно, адвокат Путина говорил, что фамилии Немцова, Рыжкова и Милова им употреблялись как имена нарицательные. А суд, что неудивительно в России при Путине, принял его точку зрения. Возможно, это высказывание стало сигналом не к риторическим, а к реальным репрессиям в отношении оппозиции.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИ
ОТЦУ БЫЛО ТЯЖЕЛО
СПРАВЛЯТЬСЯ СО ВСЕ
ВОЗРАСТАЮЩИМ
ДАВЛЕНИЕМ, ДУМАЮ,
ЧТО ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ,
ХОТЬ И КОРОТКОЕ,
СТАЛО ДЛЯ НЕГО КАК
МИНИМУМ НЕПРИЯТНОЙ
НЕОЖИДАННОСТЬЮ.

Борьба становилась все более опасной, а перспективы возвращения демократических процедур — туманными. Думаю, отец осознавал риски, недаром он говорил в одном из своих интервью: «Я наивно думал, что пассионарных людей в стране много. Это абсолютная ерунда. Людей, которые готовы рисковать своей свободой и благополучием, ничтожно мало, мы все в Красной книге».

Отцу, конечно, помогло его умение сходить с людьми. В камере не было никого из «политических», кроме него. Очевидно, что Илью Яшина, Алексея Навального и Бориса Немцова никогда не сажали в одну камеру, это слишком большая роскошь.

Вместе с отцом сидели мелкие жулики и водители, управлявшие автомобилем в нетрезвом виде. И он очень быстро выстроил со всеми отличные отношения. Более того, он настойчиво предлагал мне познакомиться с одним из его сокамерников, уверяя, что это потрясающий человек. Правда, я проявила твердость и знакомиться не стала.

Все 15 дней своей «отсидки» он был оптимистичен и, кажется, подбадривал меня, чтобы я не расстраивалась.

15 января его выпустили. Я встретила его в спецприемнике — у него был землистый цвет лица от недостатка кислорода, он был простужен. Мы пошли в кафе, посидели... На выходе активисты одного из пропутинских движений попытались набросить на

нас сачок, но безрезультатно. Тогда почему-то за отцом часто гонялись с сачком, это такая форма унижения человеческого достоинства.

В 2011 году в России усилились протестные настроения: фальсификации на парламентских выборах были столь очевидны, что очень многие не верили официальным результатам, объявленным по телевизору.

Тогда же появился известный мем про партию «Единая Россия», набравшую 146% голосов.

Волна митингов прокатилась по России. Люди выходили на улицы не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в других городах. Следующий, 2012 год стал не менее протестным: в этом году Владимир Путин вновь стал президентом (теперь на 6-летний срок, продление срока президентских полномочий уже было закреплено в Конституции), что привело к новым митингам.

Удивительно, но эти митинги тогда даже показывали по Первому каналу. Но 6 мая 2012-го на Болотной площади были массовые задержания, несмотря на то что митинг был согласован. Тогда же было открыто так называемое «Болотное дело», многие из его фигурантов получили реальные тюремные сроки по ложным, на мой взгляд, обвинениям в организации и участии в массовых беспорядках.

Впрочем, митинги случились позднее. В январе 2011 года я встречала отца из спецприемника и ду-

мала, что мне делать дальше — без работы и съемным жильем.

Надо сказать, что еще в декабре 2010 года я сдавала первый этап экзамена на сертификат Chartered Financial Analyst. Дословно это переводится «сертифицированный финансовый аналитик».

Экзамен этот считается одним из самых престижных в мире финансов. Для того чтобы получить сертификат, нужно сдать экзамены трех уровней. Я посчитала: будет классно, если я сдам хотя бы первый уровень. Это уже своеобразный знак качества.

В конце января пришло письмо, что я успешно сдала 1-й уровень. Это вселило в меня уверенность в собственных силах.

В этот момент я начинала свою карьеру на РБК, и мне казалось, что успешная сдача экзамена будет восприниматься моим работодателем как преимущество.

После экономического кризиса 2008 года владельцем холдинга РБК стал Михаил Прохоров, российский бизнесмен и, если называть вещи своими именами, олигарх. Он купил холдинг за символический 1 доллар.

Из-за безумной инвестиционной политики прежних владельцев РБК был на грани банкротства. Талантливые руководители (они сделали действительно классное медиа!) оказались недальновидными инвесторами: они брали кредиты и вкладывали их в ин-

струменты финансового рынка. Из-за обвала рынков в 2008 году в результате ипотечного кризиса в США основатели холдинга понесли огромные потери и не могли обслуживать долги РБК.

Не буду приписывать себе того, чего не было, — я воспользовалась знакомством отца с Прохоровым. И в декабре 2010 года попросила его:

— Пожалуйста, попроси Прохорова, чтобы он дал мне возможность пройти собеседование на РБК. Вдруг меня возьмут?

Меня действительно пригласили на собеседование и взяли на испытательный срок. Дальше все зависело от меня.

ТЕЛЕВИЗИОННАЯ КАРЬЕРА НА РБК: ОТ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ ДО ШОУ С УЧАСТИЕМ ДАНЫ БОРИСОВОЙ

Формально моя мечта сбылась: я стала работать ведущей программы «Рынки» на телеканале РБК. Моя первоначальная зарплата была 50 тысяч рублей, что вполне неплохо для начинающего. Но я понимала: для того чтобы добиться уважения коллег и доверия зрителей, придется много работать.

Я никогда до этого не была в кадре и не вела прямые эфиры. Да, я неплохо разбиралась в финансовых инструментах, у меня было несколько аттестатов Федеральной службы по финансовым рынкам и первый уровень CFA, но тем не менее отношение ко мне со стороны коллег было предвзятым, главным образом из-за известной фамилии. Более того, к кадровым решениям, принимающимся, фактически, собственни-

ком, отношение всегда настороженное, и это можно понять.

Главным челленджем для меня было научиться держаться в кадре. Мне опять помогла Нина Зверева — в 2011 году она уже ушла из журналистики и стала профессионально заниматься обучением риторике и публичным выступлениям. Я специально приехала в Нижний Новгород, чтобы пройти базовый тренинг телемастерства.

Вместе с Ниной и ее оператором Михаилом мы пробовали разные форматы и искали наиболее подходящий. Помню, мы репетировали интервью: я должна была задавать острые вопросы Алексею Кудрину, который на тот момент еще был министром финансов России. Роль Кудрина играла сама Нина Зверева. Тогда было ясно, что диалог у меня получается лучше, чем монолог.

Позднее я занималась с главным режиссером РБК Вадимом Лисицыным — очень благодарна ему за то, что он помогал советами и всегда меня поддерживал, хоть был иногда и резок. Потом были занятия с главным стилистом Вероникой Шевченко. Иногда ведущим приходилось ходить вдоль ТВ-стены, на которой выводились разные графики. Стилист говорила, что ходить нужно красиво. Откровенно скажу: мне так и не удалось научиться изящной походке, поэтому я часто замирала во время эфира на одном месте.

Конечно, мне было страшно: прямой эфир. Никакого телесуфлера. Свободный разговор ведущих.

НЕСМОТРЯ НА
СКЕПТИЧЕСКОЕ КО МНЕ
ОТНОШЕНИЕ, НА РБК МЕНЯ
НЕ БРОСИЛИ В ХОЛОДНУЮ
ВОДУ – ПЕРВЫЕ ЭФИРЫ
Я ВЕЛА НЕ ОДНА, А В ДУЭТЕ
С ДРУГИМИ ВЕДУЩИМИ.

И знала: если что, меня подстрахуют. Комфортнее всего я себя чувствовала в паре с Дмитрием Волотовским, который с самого начала относился ко мне весьма доброжелательно.

Впрочем, рассчитывать все равно было нужно на себя: обычно перед эфиром ведущие договариваются между собой об основных темах и вопросах, которые будут задавать друг другу. Но не всегда.

Однажды я вела программу «Рынки» со звездой РБК Тимофеем Мартыновым. Он талантливый комментатор и очень увлеченный финансовыми рынками человек: еще когда я была «по ту сторону экрана», восхищалась тем, как он ведет — легко, динамично, интересно.

Но когда мы встали с ним в пару, он меня не пожалел. Устроил мне в прямом эфире экзамен, просил не просто пересказать корпоративные новости, а изложить свой аргументированный взгляд на перспективы обсуждаемых акций. Я точно помню, что мы подробно говорили об акциях угольной компании «Распадская». Все это было крайне неожиданно, довольно нервно, но в общем я справилась. Правда, потом долго думала, что могла бы лучше ответить на вопросы Тимофея.

Довольно скоро меня поставили вести пятничный выпуск программы «Рынки. Глобальный взгляд» — я должна была интервьюировать приглашенных экспертов.

А потом и в одиночку вести программу. Это, как я уже говорила, мой самый нелюбимый жанр.

Восемь минут монолога в прямом эфире без суфлера. Я люблю работать в диалоге, у меня быстрая реакция, и само общение меня вдохновляет. Тем не менее в какой-то момент я привыкла вести и соло-эфиры, хотя удовольствия от них получала меньше.

К концу 2011 года мнение обо мне на РБК явно улучшилось: они увидели, что я хочу работать и разбираюсь в том, о чем говорю. Я прошла испытательный срок, и мне продлили контракт — я стала уверенно себя чувствовать, подружилась со многими коллегами, а в какой-то момент и вовсе стала одной из основных ведущих РБК.

РБК-ТВ — это нишевый телеканал. Одним из главных критериев приема на работу был опыт работы в финансовом секторе. На канале работало довольно много бывших биржевых трейдеров и аналитиков. Аудитория канала — сотрудники банков и инвестиционных компаний. Кому еще интересно узнать, как открылись торги в Азии и как интерпретировать заявление главы Федеральной резервной системы США Бена Бернанке. Единственная ситуация, когда у РБК росла аудитория — это периоды обвала на финансовых рынках, сопровождавшиеся резкой девальвацией рубля. Перспективы рубля — самый часто задаваемый зрителями РБК вопрос. Он звучал в разных вариациях каждый день, в зависимости от ситуации на рынках. Когда рубль был максимально дешевым, спрашивали, а не время ли прикупить долларов; а когда рубль был крепким, хотели продавать доллар. Ну то есть большинство людей поддавались эмоциям и принимали ошибочные решения.

В 2013 году случилось важное для РБК событие. Генеральным директором РБК Михаил Прохоров назначил Александра Любимова, а главредом других ресурсов РБК (газеты, журнала, сайта) — Елизавету Осетинскую.

Назначение Любимова многим показалось очень спорным.

Он ничего не понимал в финансовых рынках. Его раздражало слово «волатильность». Он хотел сделать

из РБК не российский аналог «Блумберга», а Первый канал номер два.

Он переодевает ведущих и требует, чтобы мы выходили в эфир в сером, с гладко зачесанными волосами — как Екатерина Андреева. Что ж, хозяин — барин. Переоделись, зачесали (потом, конечно, весь этот дресс-код отменили).

Но цель Любимова мне была понятна: он хотел, чтобы РБК перестал быть нишевым и работал на более широкую аудиторию. И, оставаясь общеэкономическим, сократил бы специализированное вещание.

Как можно это сделать? Менять сетку, предлагая больше понятного контента и приглашая ведущих, которых никто и никогда не думал на РБК увидеть.

Не со всеми решениями Любимова я была согласна, но мне стало интереснее работать. Появился азарт придумать что-то новое. И, что важно, Любимов хорошо относился ко мне, а я к нему. Может быть, его хорошее отношение ко мне было связано с тем, что он давно знал моего отца — именно в студии у Любимова в 1995 году Жириновский плеснул соком в лицо моему отцу, и он ответил тем же.

В общем, я активно придумывала новые форматы для РБК. Но самый удачный мне подсказал отец.

— Надо, чтобы ты соревновалась с известной персоной, которая вообще ничего не понимает в финан-

совых рынках, — сказал отец. — Чтобы вы выясняли, кто из вас более успешен на рынке, и обсуждали свои стратегии каждый день в прямом эфире.

ИДЕЯ ОКАЗАЛАСЬ
ШИКАРНОЙ. ПРОГРАММУ
МЫ НАЗВАЛИ «ДНЕВНИК
СПЕКУЛЯНТА», И НАШ
КОММЕРЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
СМОГ НАЙТИ СПОНСОРА —
КОМПАНИЮ «ФИНАМ».
В КАЧЕСТВЕ МОЕГО
КОНКУРЕНТА ЛЮБИМОВ
ПРИГЛАСИЛ ДАНУ
БОРИСОВУ.

По просьбе «Финама» сражаться мы должны были на валютном рынке — на нем сложно сражаться в принципе.

По сценарию программы победить должна была Дана — но я знала, на что шла.

Зрители должны были сделать такой вывод: любой человек, даже ничего не понимающий в финансовых рынках, может успешно заниматься спекуляциями.

Сразу говорю: нет. Даже не пробуйте. Чудес не бывает.

Но программа действительно получилась классной. Дана умудрилась выучить огромное количество умных слов и убедительно рассказывала в эфире про числа Фибоначчи и отличия технического анализа от фундаментального.

Программа нравилась всем — и Любимову, и зрителям, и мне. Она действительно получилась классной: легкой, понятной, веселой.

Любимов настолько увлекся идеей «Дана Борисова + РБК», что сделал ее ведущей утренних новостей. На мой взгляд, это была ошибка: одно дело — развлекать зрителей в полусерьезном шоу, другое — вести новости. Дана вообще не понимала, о чем она говорила в новостях.

Более того, формат утреннего шоу был таким, что ведущий основного выпуска новостей регулярно перебрасывался фразами с ведущим выпусков «Рынок». Поэтому тем, кто вел «Утро» вместе с Даной Борисовой, сочувствовали — им приходилось трудно.

Эпопея с Даной Борисовой продолжалась недолго: к сожалению, у Даны были проблемы с алкоголем, из-за которых она периодически прогуливала утренние эфиры, и в какой-то момент ее уволили.

Но история, о которой я расскажу ниже, случилась в самый разгар ее работы на «Утре».

Как ни менялась эфирная сетка после прихода на РБК Александра Любимова, одно оставалось неизменным: ежедневная программа «Интерактивный выпуск». Она выходила днем, а поскольку канал РБК был включен в трейдинг-румах крупных банков, нас смотрела целевая аудитория.

Интерактивный выпуск мы вели втроем с Андреем Карабьянцем и Степаном Демурой.

Андрей Карабьянц — экспрессивный, эмоциональный, несдержанный; он отлично разбирался в рынке нефти. Прежде всего, в физическом рынке: знал сорта нефти, технологии ее производства, состояние дел на заводах по переработке нефти. Он считался одним из лучших аналитиков по нефти и газу.

Степан Демура слыл дельфийским оракулом экономики. Дело в том, что в 2000-х годах Демура безостановочно предсказывал экономический апокалипсис. И наконец в 2008 году разразился мировой финансовый кризис — и все вспомнили о Демуре: «А ведь он предсказал!»

Рейтинг доверия Степана Демуры вырос до невероятного уровня. Его авторитет был фактически непререкаем, и Степан явно наслаждался своим новым статусом.

ОТНОШЕНИЯ У КАРАБЬЯНЦА
И ДЕМУРЫ БЫЛИ КРАЙНЕ
НАПРЯЖЕННЫМИ.
КАЖДЫЙ СЧИТАЛ ДРУГОГО
ПЕРЕОЦЕНЕННЫМ
ЭКСПЕРТОМ. И ИМ
НЕ ПРИХОДИЛОСЬ СКРЫВАТЬ
СВОЕ РАЗДРАЖЕНИЕ —
ЧЕМ ЗАМЕТНЕЕ
В ИХ ОБСУЖДЕНИЯХ
ПРОСВЕЧИВАЛ ЭТОТ
ВНУТРЕННИЙ КОНФЛИКТ, ТЕМ
ОСТРЕЕ БЫЛА ПЕРЕДАЧА.

Я была между ними некой «буферной зоной». Меня забавляли конспирологические теории Демуры (он был большим любителем теорий заговора и периодически рассказывал про рептилоидов), я видела, как пытается сдержаться и не сдерживает Карабьянц...

Трейдеры веселились вовсю, когда во время обеда смотрели наш «Интерактивный выпуск». Важная деталь: отличительной чертой передачи было то, что она действительно оправдывала статус интерактивной — нам в студию можно было позвонить (или написать письмо на электронную почту) и получить ответ в прямом эфире. На самом деле мы делали стендап на тему финансовых рынков.

Итак, однажды мы вели очередной «Интерактивный выпуск», и Демура и Карабьянц опять спорили, кто умнее. Степан предложил положить конец дискуссиям на эту тему и сразиться на фондовом рынке. Они должны были торговать в течение месяца любимыми финансовыми инструментами, и тот, кто выиграет, как бы на деле докажет свою компетентность.

— А что же должен будет сделать тот, кто проиграет? — подначила их.

И Демура, не моргнув глазом, ответил:

— А проигравший пойдет вести «Утро» с Даной Борисовой.

Они довольно долго проходились на тему Даны и неудачной судьбы тех, кому все-таки пришлось вести с ней «Утро»... И вдруг в нашей студии раздался звонок.

— Здравствуйте! — произнес голос по громкой связи. — Это Александр Любимов. Вы все уволены.

Никто из нас не смог отреагировать в ту же секунду — это был шок. Мы собрались через две секунды и продолжили вести передачу. Голос был не Любимова. Потом мы узнали: звонил его заместитель.

И Демуру действительно уволили — скорее всего, по совокупности причин. Правда, через какое-то время нам удалось уговорить руководство: Степана Демуру все-таки стали иногда приглашать на РБК в качестве эксперта.

Параллельно с «Интерактивным выпуском» я вела тематическую авторскую программу «Немцова. Взгляд». Этот эфир я вела совместно с Ян Янычем Мелкумовым (его все так и называли: Ян Яныч) — очень эрудированным и интересным человеком. Наши выпуски были посвящены не новостной повестке, а более общим вопросам. В частности, у нас была целая серия, где мы рассказывали об экономике разных стран, и цикл программ о странах, которые вступили в ЕС одними из последних.

8 апреля 2013 года умерла Маргарет Тэтчер. Мне казалось правильным сделать передачу о ней как об основоположнице экономической политики «тэтче-

ризма». Ее суть — монетаризм, приватизация госпредприятий, снижение налогов для малого бизнеса, борьба с профсоюзами и сокращение социальных программ. В России не так много людей, которые были хорошо знакомы с Тэтчер. Один из них — мой отец. В начале 1990-х баронесса — так он ее называл — приезжала в Нижний Новгород, позже мои родители были у нее в гостях в Лондоне. Отец был одним из немногих россиян, кто был приглашен на 80-летний юбилей Тэтчер. Я решила позвать его в эфир. Перед этим согласовала кандидатуру отца у руководства канала.

— Конечно, приглашай, — ответили мне.

Вторым гостем был Владимир Мау, ректор РАНХиГС.

Отец тогда не поехал в нашу основную студию на Калужской — и вышел в эфир из удаленной студии в «Хайятте». Мау должен был приехать на Калужскую, от РАНХиГС не так далеко ехать.

Однако Мау застрял в жуткой пробке — и в студию влетел то ли за секунду до начала эфира, то ли через секунду после. Как бы то ни было, сначала Мау увидел видеокамера РБК, а уже потом Мау увидел, что в эфир он выходит в одной программе с Немцовым.

Он ужасно разозлился.

— Какого черта ты пригласила Немцова?! — зашипел на меня.

Я сказала, что мне крайне странно слышать такой вопрос. И мы провели отличный эфир: отец рассказывал про визиты Тэтчер в Нижний Новгород, говорил о ее экономической программе и отношении к общему европейскому рынку, против которого Тэтчер активно выступала.

ЕДИНСТВЕННОЕ, ЧТО
МЕНЯ ТРЕВОЖИЛО, —
Я НЕ МОГЛА ПОНЯТЬ,
КАК НЕМУ ОБРАЩАТЬСЯ.
НАЗЫВАТЬ ЕГО В ЭФИРЕ
«ПАПА» — СМЕШНО,
«БОРИС ЕФИМОВИЧ» —
СТРАННО. В РЕЗУЛЬТАТЕ
Я НЕ ОБРАЩАЛАСЬ НИКАК.

Просто представили зрителям: «наш сегодняшний гость — Борис Немцов, сопредседатель партии «ПАРНАС» («Партия народной свободы»). И до сих пор вспоминаю тот «семейный эфир».

Кстати, через несколько месяцев мой отец попал в неформальный «черный список» РБК в связи с выходом его доклада «Зимняя Олимпиада в субтропиках», который был посвящен фактам масштабной коррупции в ходе строительства олимпийских объектов в Сочи. Его пригласили на РБК рассказать о своем докладе — отец со свойственной ему прямоотой назвал Путина каким-то оскорбительным словом, по-моему, земляным червяком, — в общем, вышел страшный скандал, потому что РБК был информационным спонсором Паралимпиады.

В 2014 году, во время Гайдаровского форума, Любимов отправил меня и Юрия Таманцева брать интервью об экономической политике у Дмитрия Медведева. Интервью шло в прямом эфире, было ожидаемо скучным — Медведев ничего прорывного не заявил, у моего соведущего от страха тряслись руки, и в какой-то момент у него выскользнула папка с вопросами и с грохотом упала на пол. Но тем не менее брать интервью у Медведева считалось престижным. Это было в январе, за два месяца до перехода Крыма под контроль России.

Мой взгляд и на Крым, и на российскую агрессивную политику в Украине отличался от мнения Любимова и многих моих коллег, да и в принципе от отношения к этому всему большинства россиян, которые с восторгом восприняли весть о том, что Крым стал де-факто российским.

Я почувствовала, насколько это сложно: быть в меньшинстве. Я с детства была склонна к тому, чтобы за-

жигаться идеями, которые пропагандирует ближайшее окружение, — достаточно вспомнить, как я чуть не стала адвентисткой, прожив пару недель в семье американских адвентистов.

Здесь же мне пришлось идти против своего окружения. Причем против людей, которых я знала и с которыми была в хороших отношениях. Я не поддерживала переход Крыма. Мне была чужда эйфория, которая охватила всю страну. Я понимала, что Крым обернется для России тяжелыми экономическими последствиями и имиджевыми потерями.

Я не поддерживала войну в Донбассе. Мы долго спорили, как называть регулярную армию, которая воевала в Донбассе, — повстанцы или сепаратисты. И я все равно называла их в эфире сепаратистами, как бы на меня ни давили.

Однажды прямо в эфир мне позвонил рассерженный зритель и буквально прокричал в трубку:

— Какого черта вы называете их сепаратистами?

— А когда шла война в Чечне, как вы называли воюющих чеченцев?

Он ответил:

— Боевики.

И наш разговор закончился.

После ко мне в студию ворвался Карабьянц с той же претензией. Люди на время потеряли способность мыслить здраво.

Я чувствовала себя неуверенно и некомфортно — психологически оказалось тяжело противостоять точке зрения большинства.

В сентябре 2014-го мне по странному стечению обстоятельств доверили провести политическую программу «Обозреватель» — она была посвящена минским соглашениям, которые, по замыслу, должны были обеспечить мир на востоке Украины. Я готовилась к эфиру и не могла понять: как мне выстроить его таким образом, чтобы программа была содержательной.

Я позвонила отцу:

— Пап, мне доверили провести политическую программу. Надо подумать, как это сделать...

Я даже не успела договорить.

— Главная проблема политических программ на РБК, — сказал сразу отец, — в том, что вы зовете экспертов. И поэтому программы получают непопулярными. А нужно звать людей, принимающих решения. Причем все стороны.

Он был прав.

Я пригласила в программу Франца Клинецевича, заместителя председателя комитета по обороне Госдумы,

и одного из лидеров сепаратистов Павла Губарева. Взгляд оппозиции представлял Владимир Кара-Мурза мл., один из организаторов марша мира в Москве.

Приглашение приняли и Клинецевич, и Губарев, видимо потому, что были уверены: РБК — абсолютно беззубый канал, и бояться им нечего. Но передача получилась по-настоящему острой. К тому моменту уже появились доказательства, свидетельствующие о том, что российские регулярные части все-таки воювали в Донбассе.

— Они просто поехали туда в отпуск, — уверял Клинецевич.

— Взяли танки и поехали на них в отпуск? — парировала я.

После того выпуска заместитель главного редактора РБК сказал, что ценит меня как экономического журналиста и политические программы — не совсем мое. А программу до сих пор можно найти на YouTube, под ней комментарии удивленных зрителей: «Что, опять правду разрешили?»

ОТЦА УБИЛИ

Я крайне эмоционально воспринимала все, что происходило в 2014 году. Говорила отцу:

— Тебе нужно уезжать из России.

— Я сам тебе скажу, когда нужно уезжать. Не мохай (это одно из фирменных слов отца, оно означает «не бойся». — *Прим. авт.*), — отвечал он.

26 марта 2014 года мне исполнилось 30 лет. Моего отца не было на этом празднике. Он позвонил мне, сказал:

— Я в Израиле, ты должна ко мне приехать.

Я прилетела. Мы долго и серьезно говорили с ним обо всем. Он тогда колебался — возвращаться в Рос-

сию или нет? Я обещала ему, что ничего не скажу на РБК относительно его раздумий.

Первое, о чем меня спросил Любимов, когда я вернулась:

— Твой отец решил остаться в Израиле?

— Откуда такой вопрос? Я ничего об этом не знаю, — ответила ему.

Но о планах моего отца остаться в Израиле публично рассказала Ксения Собчак. Причем она сообщила об этом как о свершившемся факте, хотя окончательного решения не было. Отец не скрывал своего местонахождения, встречался со многими своими знакомыми и советовался с некоторыми из них. Известный писатель и советский диссидент Владимир Буковский рекомендовал отцу остаться за границей, но на прямой вопрос: «А сам бы ты вернулся в Россию?» — ответил: «Да, вернулся бы».

Отец вернулся в Россию. Не знаю, что его вынудило. Но уверена: одной из причин было — он боялся, что его сочтут трусом, который покинул страну и, главное, оставил своих соратников.

По прилете он сфотографировался перед аэропортом «Домодедово». И выложил фотографию с подписью: «Специально для Ксении Собчак: я вернулся».

Я ТОЖЕ ВСЕРЬЕЗ ДУМАЛА
О ТОМ, ЧТОБЫ УЕХАТЬ
ИЗ РОССИИ. ЧУВСТВУЯ
БОЛЬШУЮ СОЛИДАРНОСТЬ
С УКРАИНЦАМИ, ПОДУМАЛА,
ЧТО ХОЧУ ЖИТЬ В КИЕВЕ.

— Пап, я решила уехать в Украину, — сказала отцу.

— Знаешь что? — ответил он. — Ты сначала работу там найди, а потом переезжай.

Я поехала в Киев. Встретилась со знакомыми, поговорила о ситуации в стране и поняла, что, не зная украинский язык, работу я не найду. Вернулась в Россию.

— Работай на РБК до тех пор, пока тебя не уволили, — сказал отец.

И я работала. Казалось странным, что всего год-полтора назад мы говорили о совсем других, гораздо более приятных делах: в 2013 году отец стал депутатом Ярославской областной Думы.

Незадолго до этого в Ярославле арестовали мэра Евгения Урлашова за покушение на получение взятки (впоследствии его приговорили к 12,5 лет колонии строгого режима и штрафу).

В 2011-м он вышел из партии «Единая Россия», а в 2012 году победил на выборах мэра как независимый кандидат, набрав почти 70% голосов и разгромив своего соперника из «Единой России». Очевидно, что в Ярославле были сильны протестные настроения. После ареста Урлашова горожане вышли на митинг в его поддержку. В это же время отец принял решение участвовать в выборах в областную Думу региона, возглавив региональный список партии «РПП-ПАРНАС».

Я очень удивилась, узнав о таком решении. Но подумала: что ж, Ярославль так Ярославль.

Началась предвыборная кампания. Начальником штаба отец взял Илью Яшина. И они выкладывались по максимуму. Я в очередной раз поражалась, как тонко отец чувствует людей и настроения в обществе. Например, одним из направлений его предвыборной программы был призыв к здоровому образу жизни.

Он говорил, что построит спортплощадки на открытом воздухе. Но лозунгом, под которым он говорил о ЗОЖе и спортплощадках, было: «Мужики, хватит бухать!» — такой призыв запоминался мгновенно. А отец еще и выпустил футболки с такой надпи-

сю — и, именно надев такую футболку, устраивал пробежки в парке.

Однажды местная телекомпания сняла сюжет о том, как мы с отцом бегаем в парке 1000-летия Ярославля. Конечно, я не жила в этом городе, но приехала поддерживать отца.

Отец, как всегда, ярко и образно объяснил, в чем суть его призыва к ЗОЖ и почему именно мужикам надо прекращать бухать. Потом журналистка спросила о чем-то меня — и я почувствовала, как отец внутренне напрягся. Он был вовсе не уверен, что я скажу о нем только хорошее. Он знал: от меня можно ждать что угодно — я запросто могу покритиковать даже тех, кого люблю и уважаю. Он был прав. Но я ответила так, как хотелось бы отцу, и он выдохнул.

После этой пробежки мы съездили с ним вместе на несколько встреч. Вечером возвращались в Москву — тоже вдвоем.

— Ты победишь на этих выборах, — сказала я ему.

— С чего ты взяла? — удивился отец.

— Я это вижу по реакции людей. Они принимают тебя. И при этом никакого противодействия.

В то время губернатором области был слабый даже по меркам Кремля Сергей Ястребов — он занимал нижние строчки кремлевского рейтинга эффектив-

ности. Может быть, отчасти поэтому партии «РПР-ПАРНАС» удалось провести успешную кампанию.

Он победил. И он действительно работал на благо Ярославской области. Отец оказался единственным оппозиционным депутатом в Законодательном собрании. Он смог сократить расходы правительства на автопарк, он смог отстранить от должности вице-губернатора Александра Сенина из-за воровства на госзакупках жизненно важных лекарств для онкологических больных.

Отец был в Ярославле действительно популярным человеком. Уже после его убийства Ярославль оказался первым городом, в котором установили мемориальную табличку в его честь. Казалось бы, родной и близкий ему, Нижний Новгород решился на это только через несколько лет.

Когда отец победил на выборах в Ярославле, это для многих стало шоком. Почему-то многие вбили себе в голову, что Немцов — это политический труп, что его популярность навсегда осталась в прошлом.

На волне радостного удивления Любимов даже предложил отцу делать еженедельную программу на РБК о том, как он работает в Ярославле. Ему хотелось сделать из этого что-то вроде политического реалити-шоу: бывший вице-премьер начинает политическую карьеру заново, и опять — с самых низов.

Договорились сразу: отец не будет трогать Путина в своих программах.

Он сделал первый выпуск. Его показали по РБК.
И больше программа не выходила.

ЛЮБИМОВУ ОБЪЯСНИЛИ:
ВЛАСТИ НЕ НУЖНА
ПРОГРАММА, КОТОРАЯ
ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО
ОППОЗИЦИЯ МОЖЕТ
ЭФФЕКТИВНО РАБОТАТЬ,
А НЕ ТОЛЬКО КРИТИКОВАТЬ
ВЛАСТЬ.

Так бесславно закончилась карьера моего отца на канале РБК, а жаль. Как бы то ни было, РБК был очень популярен в Ярославле. Однажды даже бизнес-сообщество региона обратилось к отцу с просьбой о том, чтобы он организовал для них встречу со мной.

Это был первый и последний раз в моей жизни, когда мы с отцом поменялись ролями: я выступала с трибуны, а он сидел в зрительном зале.

Последний раз мы приезжали в Ярославль за неделю до убийства отца.

Я позвонила тогда ему:

— Мы с мамой хотим съездить в Ярославль, погулять. Можно, остановимся в твоей квартире?

— А поехали вместе! — предложил он. — Я пробуду там день, потом уеду — а вы оставайтесь, сколько хотите.

Мы действительно отлично провели день. Никто не знал, что мы видимся в последний раз.

...Мои родители расстались в начале двухтысячных. Мама стала много времени проводить в Нижнем Новгороде. Я осталась в Москве — сначала жила с мужем, потом — на съемных квартирах. Но был в моей жизни короткий период, когда я жила вместе с отцом.

После нашей съемной квартиры на Комсомольском проспекте мы с Анжеликой переехали в другую, недалеко от метро «Калужская». Сдавала квартиру мама моего тогдашнего бойфренда за полную стоимость, не делая никаких скидок на наши романтические отношения.

Но за счет того, что квартира находилась не в самом престижном районе, стоимость аренды более про-

сторной квартиры оказалась такой же, как и у нашей более тесной на Комсомольском.

Поначалу я радовалась: до работы всего 20 минут пешком.

Но потом поняла, что моя радость преждевременна: пешком приходилось идти через гаражи и промзону, а когда на работе нужно быть в половине пятого утра, за окном — зима, такие походы доставляли минимум удовольствия.

Анжелика через какое-то время сняла себе отдельное жилье. Мама бойфренда решила повысить стоимость аренды, с чем я была не согласна. Но к этой ситуации я отнеслась крайне легкомысленно — и в какой-то момент осознала, что мне нужно выезжать из квартиры, а новое жилье я себе даже не начала искать.

И тогда я попросила отца: «Можно, я какое-то время поживу с тобой?»

Не скажу, что отец очень обрадовался, но он и не отказался меня приютить. И оказалось, что жить на станции метро «Третьяковская» намного удобнее, чем на улице Обручева. Прямая ветка метро до работы — я тратила те же 20 минут, что и пешком. В результате я нашла жилье недалеко от отца, на улице Пятницкой. Но когда сказала ему: «Большое спасибо, я съезжаю», — услышала в ответ: «А зачем? Так хорошо живем вместе, оставайся!»

Ему со мной оказалось очень удобно: я более-менее вела быт, иногда что-то готовила, а главное, когда он возвращался, ему было с кем обсудить день.

Но все-таки у каждого из нас была своя жизнь.

Не скажу, что моя отличалась большой насыщенностью. Работа, дом, небольшой круг друзей (я не была человеком, стремящимся к общению), редкие бойфренды.

Отец ужасно переживал из-за этого. Он то и дело предлагал мне сходить на курсы по воспитанию женственности, говорил, что я слишком жесткая и прямолинейная — и поэтому не могу удержать рядом с собой мужчину. Он мечтал о внуках... И в какой-то момент я сказала: «Пап, хватит. Я больше не хочу об этом говорить».

К его чести надо сказать, он действительно больше об этом не заговаривал.

В целом же годы работы на РБК стали моим личным периодом стабильности. Я хорошо зарабатывала (параллельно с РБК делала проекты для одной инвестиционной компании), полностью себя обеспечивала и жила ровно той жизнью, какая меня устраивала.

РАЗДЕЛ II

ПОСЛЕ УБИЙСТВА

Фото Жанны Немцовой

13

САМАЯ СТРАШНАЯ НОЧЬ В МОЕЙ ЖИЗНИ

Мне трудно писать эту главу. Поэтому начну почти телеграфно — каким был последний год жизни отца.

Летом 2014 года Юра, брат моего отца, отмечал свой день рождения. Собрались родственники и друзья — много гостей, но так или иначе все со всеми были знакомы.

Я уехала раньше, а отец остался почти до конца. И в какой-то момент речь, конечно, зашла о переходе Крыма под контроль России. Друзья Юры были сторонниками этого, не осознавая, какие плачевные последствия ждут экономику и имидж страны и насколько усилятся давление на оппозицию и независимую прессу. Сам Юра тоже не воспринимал этот шаг Путина как однозначно плохой.

Отец с пеной у рта доказывал им очевидные вещи, приводил аргументы — и рациональные, и эмоциональные. И не нашел понимания.

ПОСЛЕ ТОГО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ОН НАПИСАЛ
ГРУСТНЫЙ ПОСТ
В ТВИТТЕРЕ, КОТОРЫЙ
ЗВУЧАЛ ПРИМЕРНО ТАК:
«ЕСЛИ УЖ Я НЕ МОГУ
УБЕДИТЬ СОБСТВЕННОГО
БРАТА И ЕГО ДРУЗЕЙ,
КАК Я МОГУ УБЕДИТЬ
ЖИТЕЛЕЙ РОССИИ?»

Это стало колоссальным ударом для отца. Он мог общаться с совершенно разными людьми на совершенно разные темы — и убеждать их. Он мог выступать перед враждебно настроенной публикой — и менять ее отношение к себе и к тому, что он говорил.

И вдруг он почувствовал, что его не слышат его же родственники и знакомые! Какая политическая карьера может быть у человека в стране, где его не понимают даже близкие?

В обществе была очень сильна эта короткая «крымская эйфория». Не очень правильная параллель, но все же ее приведу: убедить россиян в 2014 году в том, что Крым не нужно присоединять, — это как убедить россиян в 1914 году, что не нужно вступать в Первую мировую войну.

Почти любая война и захват новых территорий на первом этапе поддерживаются обществом. Кажется, это будет блицкриг, который приведет к стремительной победе. В стране резко повышаются патриотические настроения — но так же резко и падают. В 1917 году уже никого нельзя было убедить в том, что России стоит продолжать вести войну.

В начале января 2015 года вышел очередной номер еженедельной французской сатирической газеты Charlie Hebdo, где была опубликована карикатура на пророка Мухаммеда. Это вызвало гнев исламистов и привело к штурму редакции исламскими боевиками: погибли 12 человек, в том числе главный редактор и карикатурист Стефан Шарбонье.

Отец тогда написал пост на «Эхе Москвы» под заголовком «Исламская инквизиция», привожу выдержку из него: «Испокон веков людей убивали за веру.

Римляне распяли Христа и преследовали христиан, в Средние века сотни тысяч людей сгорели заживо в кострах инквизиции. Преследовались и ученые (Галилей), и священники (Джордано Бруно), и писатели, и поэты. Инквизиция свирепствовала во Франции, Испании, Италии, Португалии и Германии на протяжении многих веков, начиная с XII века и вплоть до начала XIX. Ее расцвет пришелся на XVI и XVII века. Закончилась она с победой Французской революции и с созданием европейских светских государств. Ислам — молодая религия. Возникла она в VII веке, то есть ислам моложе христианства примерно на 600 лет. И если христиане живут в XXI веке, то мусульмане — в XIV–XV. Замечу, XIV–XV века — расцвет инквизиции, судов над еретиками и костров с заживо сожженными. Сейчас мы — свидетели средневековой исламской инквизиции. Пройдут века, и ислам повзрослеет, а терроризм уйдет в прошлое. Но сидеть и ничего не делать тоже не стоит. История инквизиции многому нас учит».

Пост вызвал бурную дискуссию в социальных сетях. Я упоминаю здесь о нем, потому что уже осужденный сейчас Заур Дадаев, один из исполнителей убийства, утверждал сразу после ареста, что организовал покушение на Немцова из-за его негативных высказываний о мусульманах, проживающих на территории России. Следственный комитет отверг религиозный мотив убийства отца.

Я уже рассказывала: в феврале 2015 года мы вместе с мамой и отцом поехали в Ярославль. Отец тогда не-

важно себя чувствовал, был простужен. Ему в Ярославле нужно было представлять свою антикризисную программу, а мы хотели просто погулять.

МЫ ЕХАЛИ В ПОЕЗДЕ,
РАЗГОВАРИВАЛИ... ОТЕЦ
БЫЛ В НЕ СВОЙСТВЕННОМ
ЕМУ СОСТОЯНИИ АПАТИИ.
УСТАЛОСТИ И АПАТИИ.
ПРИЧЕМ УСТАЛОСТИ
НЕ ФИЗИЧЕСКОЙ,
А МОРАЛЬНОЙ, СВЯЗАННОЙ
С БЕСКОНЕЧНЫМ
ДАВЛЕНИЕМ НА НЕГО.

Он чувствовал, что многие его не понимают. Он постоянно боролся за возможность выступить — в том же Ярославле до последнего момента было непонятно, найдется ли хотя бы одна площадка, на которой ему дадут возможность презентовать свою программу.

Мы говорили... и у меня возникло ощущение, что у отца есть желание вернуться в семью. Не знаю, согласится со мной мама или нет, но я точно почувствовала: он хотел бы. Может быть, даже сам до конца не отдавая себе в этом отчет. В принципе, это логично: когда тебе плохо, ты идешь к близким людям, проверенным годами. К тем, кто тебя знает десятки лет, с кем ты провел жизнь.

Может быть, это его желание и реализовалось бы, если история развивалась бы по-другому.

После развода родители не прекратили общаться. Да, были сложные моменты, но они их пережили и стали относиться друг к другу как близкие родственники. Я нередко встречала такое в других парах: люди расстаются, но в какой-то момент замечают, что становятся даже ближе друг к другу.

Впрочем, и это не догма — немало пар даже через десять или двадцать лет после расставания слышать не хотят друг о друге.

Мы вместе приехали в Ярославль. Отец выступил. Все прошло хорошо, его настроение стало более приподнятым. После мы с мамой пошли гулять по Ярославлю, он — на деловые встречи. Договорились поужинать вместе.

Ближе к вечеру идем по центру Ярославля — и вдруг навстречу он!

Говорит:

— Не получается с вами поужинать. У меня скоро обратный поезд, а еще не все дела сделал. Давайте уж в Москве.

— Давай! — сказали мы.

Отец пожелал нам хорошего отдыха.

И это был последний раз, когда мы видели его живым.

1 марта 2015 года должен был состояться марш «Весна». Шествие против войны на востоке Украины. Отец не мог получить согласование на то, чтобы провести марш в центре Москвы. Все, что ему готовы были согласовать, — Марьино. Район на юго-востоке столицы.

Значит, Марьино. Отец согласился перенести место проведения антикризисного, антивоенного марша, чем вызвал сильную критику многих оппозиционеров, например Гарри Каспарова.

— Ну, Гарри, конечно, с Манхэттена виднее, где проводить митинг, — парировал тогда он.

Отец не стал выводить людей в центр Москвы на несанкционированный митинг: было непонятно, чем для каждого участника митинга могло бы это закончиться. Как минимум — административным арестом. Как максимум? Никто не знал.

Отец не считал себя вправе рисковать здоровьем и свободой людей, поэтому и согласился провести

согласованный с правительством Москвы митинг в Марьино.

Тогда же, в двадцатых числах февраля, отец написал в «Фейсбуке» пост о том, что Украине нужен свой Гайдар — сильный, волевой реформатор, который будет способен провести болезненные, непопулярные, но необходимые реформы. И что такого человека в Украине пока нет.

Этот пост понравился многим из постоянных критиков Бориса Немцова из-за его позиции по Украине. Понравился настолько, что ко мне даже подошел ведущий программы «Обозреватель» на РБК, Игорь Виттель, и сказал:

— Борис Ефимович так хорошо написал про Украину... Ты не могла бы позвонить ему и пригласить к нам на программу?

Я удивилась (на РБК мой отец был если не персоной нон грата, то максимально приближенным к этому статусу), но позвонила.

— Да ну вас на фиг, — я слышала, как он поморщился. — У меня важное выступление на «Эхе Москвы» по поводу предстоящего марша. Не буду к вам приходить. Не до вас.

И это был последний раз, когда я разговаривала с отцом.

27 февраля Платон Лебедев пригласил журналистов на неформальную встречу, в их числе была и я. Один из партнеров Ходорковского, он долго сидел в тюрьме, а через год после освобождения организовал встречу со СМИ. Такие встречи называют «off the record» — спикер и журналисты просто общаются между собой без права публикации содержания разговора.

Честно скажу: не помню, о чем мы тогда говорили. Встреча закончилась поздно, я вернулась домой уставшей... Вскоре из Нижнего Новгорода приехала мама: 1 марта у меня начинался отпуск, и мы решили с ней улететь на неделю в Италию.

Моя съемная квартира на Пятницкой — это спальня и гостиная, совмещенная с кухней. Я ушла в спальню, мама легла в гостиной... Телефон я выключила после 22:00 — всегда отключаю его на ночь, чтобы была возможность выспаться.

В ту ночь мама свой телефон не выключила.

Это был страшный крик. Очень страшный.

Мама вбежала ко мне в комнату:

— Отца убили!

Ей позвонила подруга — прочитала в новостях.

— Это какой-то бред! — я включила телефон.

Руки тряслись, но я была уверена: это глупость, фейк, обман — что угодно, но не правда.

НА МЕНЯ ОБРУШИЛОСЬ
МНОЖЕСТВО СООБЩЕНИЙ —
СОЧУВСТВУЮЩИХ,
ПУГАЮЩИХ, ШОКИРУЮЩИХ.
Я НЕ ПОВЕРИЛА НИ
ОДНОМУ. ОТКРЫЛА CNN —
ПОЧЕМУ-ТО В ТОТ МОМЕНТ
МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО
ТОЛЬКО ПО CNN Я УЗНАЮ
ПРАВДУ.

И прочитала: это правда. Моего отца убили.

Мы с мамой оделись, вышли на улицу. Моросил дождь.

Большой Москворецкий мост — место гибели отца — совсем недалеко от Пятницкой. Но мы взяли такси: не было сил идти пешком.

В такси работало радио — выпуск новостей. Диктор сообщал, что Борис Немцов убит.

— Ну и что? — словно сам себе проворчал таксист. — Невелика потеря.

— Вам «ну и что», — словно сама себе ответила я. — А это мой отец.

Я запомнила этот мимолетный разговор. Он слишком показательный, чтобы его забыть. Какая-то часть людей, и совсем немаленькая, уверена, что «это их не касается». Подумаешь, какая-то борьба между политиками... Это вообще «не из моей жизни».

Вокруг моста — оцепление. Мы пришли слишком поздно: многие, кто приехал раньше, уже разошлись. Нас уже не пустили к месту гибели. Тело накрыли черным целлофановым пакетом, рядом стояла машина «скорой помощи»... Я встретила Владимира Кара-Мурзу.

Было странное состояние, которое я не могу описать словами. Просто нет таких слов.

Мы постояли с мамой на мосту.

— Пошли, что ли, выпьем, — сказала я маме.

— Ну пошли, — бесцветно отозвалась она.

Ближайшим кафе оказался грузинский ресторан. Мы зашли, заказали себе вина. Был вечер пятницы. Рядом с нами веселились за столиками компании мужчин и женщин. У них все было хорошо: закончилась рабочая неделя, и даже зима уже заканчивалась.

А мы с мамой смотрели друг на друга.

Мы говорили о том, как сказать бабушке, что ее сын убит. Боялись, что она утром включит радио, услышит страшную новость и не переживет.

Звонили и не могли дозвониться до моего брата Толи, тети Юли, ее мужа, чтобы кто-нибудь пришел к бабушке утром и сообщил ей страшную новость. Чтобы был рядом с ней.

Дозвонились. Договорились. Ушли домой.

Дома я открыла «Фейсбук» — на меня полетели сообщения от незнакомых мне женщин. «У меня ребенок от вашего отца». Одно, второе...

— Хватит, — я хлопнула крышкой ноутбука. Выносить еще и это у меня не было сил.

Дни до похорон скомкались в сумбурный ком.

Позвонил Юра — он был на горнолыжном курорте.

Утром пришли подруги — мы сходили с ними на мост, положили цветы.

Бабушка оказалась самой стойкой. Утром 28 февраля к ней действительно пришли моя тетя Юля и брат Толя и сказали ей:

— Боря убит.

Бабушка секунду молчала, а потом произнесла спокойно и твердо:

— Мы собираемся и едем в Москву.

УЖЕ БЫЛО ПОНЯТНО,
ЧТО 1 МАРТА ПРОЙДЕТ
НЕ МАРШ «ВЕСНА»,
А МЕМОРИАЛЬНЫЙ МАРШ
НЕМЦОВА. И ЧТО БУДЕТ ОН
НЕ В МАРЬИНЕ, А В ЦЕНТРЕ
ГОРОДА – ОФИЦИАЛЬНЫЙ,
СОГЛАСОВАННЫЙ. МОЕЙ
БАБУШКЕ БЫЛО 87 ЛЕТ.
ОНА ПОШЛА НА МАРШ.

Мы шли все вместе: бабушка, мама, я, мой брат, тетя... Шли семьей. Не знаю, как насчет новых членов семьи, которые в те дни как бы между делом сыпались мне на голову, но мы шли вместе.

Я даже не думала о том, сколько придет людей. Мне было важно пройти этот марш самой. Но когда мы пришли к метро «Китай-город», я была поражена: казалось, люди пришли со всей Москвы. Мы спустились от метро до набережной, прошли по ней до Большого Замоскворецкого моста.

Довольно длинный маршрут — особенно для женщины, которая в 87 лет потеряла своего сына. Но бабушка прошла его вместе с нами, от начала до конца. И держалась стойко. Может быть, это была ее реакция на стресс. Но она показала нам образец мужества. Это она поддерживала нас. Не мы ее, а она нас. Помню, у меня случилась истерика в морге — именно бабушка меня утешала и приводила в чувство.

Воспоминания о том марше у меня тоже остались обрывочными — как и о дне, когда был убит отец.

Помню, что на митинг вышло около 50 тысяч человек. Помню, что над нами летали вертолеты. Помню, что полиции было очень много, но она никого не задерживала и вела себя максимально корректно. Помню, что я встретила на марше Явлинского и сказала ему что-то неприятное. По-моему, я перепутала название его программы развития России: вместо «500

дней» сказала «300 дней». Его такие вещи задевают. Ощущение, что с тех пор он не слишком хорошо ко мне относится.

Помню, что были марши памяти и во многих российских регионах.

Отца похоронили 3 марта на Троекуровском кладбище. Это был день рождения моей бабушки. Гражданскую панихиду решили организовать в Сахаровском центре. Когда меня спрашивали, сколько времени займет панихида, я говорила: «Давайте возьмем максимальное — четыре часа. Уж за четыре часа успеют проститься все, кто хотел».

Нам не хватило четырех часов. Люди шли, шли и шли. Очередь в Сахаровский центр растянулась от Курского вокзала. Мой приятель, инвестиционный банкир, рассказывал мне:

— Я приехал, увидел — вот это очередь! А у меня ну совсем нет времени стоять. В общем... ты не обижайся, но я дал денег тем, кто стоял впереди, чтобы они пропустили меня вперед.

Я не обижалась. Я стояла в стороне, стараясь быть незамеченной, мне было больно, и в то же время сквозь боль пробивалось чувство, которое можно было бы назвать радостью — от того, сколько людей пришло к отцу. И история моего приятеля прозвучала настолько сюрреалистично, что, казалось, только ее и не хватало в этом безумном дне.

Перед началом гражданской панихиды меня спрашивали, пускать ли в Сахаровский центр прессу.

— Да, впустите всю прессу, какая приедет. Все же мой отец был политиком, — ответила я.

Когда я только зашла в Сахаровский центр, показалось, на меня смотрят все камеры мира.

Когда гроб с телом отца вынесли, его встретили аплодисментами.

Отпевание провели прямо на Троекуровском кладбище. Не могу сказать, что отец был верующим, но родственники все-таки решили провести этот обряд. После кладбища мы поехали на поминки в ресторан ВQ на Пятницкой — один из любимых ресторанов моего отца.

Поминки вел Павел Шеремет — журналист, которого в 2016 году убили в центре Киева.

МАМА, Я ОСТАНУСЬ В ГЕРМАНИИ

На марш Немцова 1 марта только в Москве вышли около 50 тысяч человек. А были еще и марши в регионах. Гражданская панихида в Сахаровском центре продолжалась более четырех часов — а люди все шли и шли...

Это стало поворотным моментом для власти.

В первые два дня после убийства отца все российские ТВ-каналы показывали о нем сюжеты. Причем говорили о нем вполне доброжелательно. Но когда власти увидели, сколько людей вышло на улицы, они страшно испугались.

Про отца продолжили снимать сюжеты и делать спецвыпуски. Только риторика их кардинально по-

менялась. Мне, кстати, очень понятна логика властей. Они испугались, что отец станет моральным авторитетом и символом сопротивления. Что нужно делать, чтобы это не произошло?

Дискредитировать.

Дискредитация шла по одной-единственной линии, за которую смогли уцепиться ТВ-каналы: по линии личной жизни. Они сделали ровно то, что делало НТВ в 1997–1998 годах, когда мой отец работал вице-премьером и боролся с залоговыми аукционами. По этой же схеме пытались приватизировать «Связь-инвест», но отец не дал этого сделать и провел честный конкурс. Тогда НТВ, которым в те годы владел олигарх Владимир Гусинский, и ОРТ, который фактически контролировался Борисом Березовским, начали масштабную кампанию по дискредитации отца. Для одного из сюжетов нашли даже каких-то девушек «с пониженной социальной ответственностью», работавших на Садовом кольце, — им заплатили за то, чтобы девушки сказали, что у них были контакты с моим отцом. История получилась смешная и довольно быстро забылась. В другом сюжете долго обсуждались белые штаны отца, в которых он поехал встречать в аэропорт тогдашнего президента Азербайджана Гейдара Алиева. Претензия сводилась к тому, что отец не соблюдает протокол — это говорит о его несерьезности.

Но в этот раз началась масштабная стирка грязного белья. По всем каналам начали выходить передачи

с участием женщин. Некоторые из них были теми самыми, что писали мне в ночь убийства отца.

Я не смотрела ни одной программы и до сих пор не смотрю, хотя знаю: они выходили и спустя пять лет после убийства. Но я знаю о них: мой дядя периодически пересказывает мне краткое содержание таких передач.

Здесь я, наверное, должна ненадолго остановиться и прояснить свою позицию. Звучит она предельно просто и состоит из трех тезисов. Первый тезис — каждый имеет право на личную жизнь. Второй тезис — святых среди нас нет. И третий тезис — у меня очень хорошая семья.

Я против морализаторства. Более того, восхищаюсь теми, кто не пытается лакировать собственную реальность и тем более не указывает, как нужно жить другим. Личная жизнь человека — это частное дело.

Да, у отца была бурная личная жизнь. Но все те женщины, которые ходили с одной передачи на другую (и даже подавали в суды на признание отцовства и порой выигрывали суды), все как одна говорили: у них была любовь. У кого-то самая сильная любовь, у кого-то — настоящая любовь... Никто из них не вступал в отношения с моим отцом по принуждению, все — по большой любви, и все были счастливы. Ну а раз счастливы, так что ж... Могу только за них порадоваться.

И кстати, я никогда не участвовала ни в этих передачах, ни в судебных тяжбах о признании отцовства. Это их дело. Не мое. Я предпочитала и предпочитаю заниматься работой и другими интересными мне вещами.

ДЛЯ МЕНЯ ЖЕ ЛИЧНАЯ
ЖИЗНЬ ОТЦА БЫЛА
ОБЪЕКТИВНОЙ
РЕАЛЬНОСТЬЮ. Я ДОВОЛЬНО
РАНО ПОНЯЛА: ЕГО
ОТНОШЕНИЯ С ЖЕНЩИНАМИ
ЕСТЬ И БУДУТ ВСЕГДА.
И Я МОГУ ЛИБО ПРИНЯТЬ
ЭТО КАК ФАКТ, ЛИБО
ВОЗМУЩАТЬСЯ – НО
РЕАЛЬНОСТЬ ОТ ЭТОГО
НЕ ИЗМЕНИТСЯ.

Я приняла. Я не приняла такой образ жизни для себя — но приняла отца с его образом жизни. Был лишь один неприятный момент, когда моей маме позвонила Катя Одинцова и сообщила, что у нее есть ребенок от моего отца и скоро родится второй... Тот звонок вызвал очень сильную мою реакцию (мне было 18 лет) и большое расстройство моей мамы. После того звонка и произошло расставание родителей.

Но период, когда родители почти не общались друг с другом, оказался недолгим. Да, у меня хорошая семья, а у моих родителей была крепкая... наверное, это можно назвать крепкая родственная связь.

Однажды моя мама участвовала в передаче Оксаны Пушкиной «Женский взгляд». Довольно сентиментальная передача, все героини обычно говорят, какая у них огромная, невероятная любовь с их мужьями.

Моя мама в ответ на вопрос Оксаны: «Какие у вас отношения с Борисом Немцовым?» — сказала:

— А у нас дружба!

И сразила всех своей прямоотой.

Да, у них действительно была дружба. Все обиды забылись, родители стали близкими людьми, родственниками. Мою маму считает своей родственницей вся родня моего отца, они часто встречаются и общаются.

Мои родители дали мне неплохое образование. Они уважали и любили меня. Они никогда меня ни к чему не принуждали и никогда не затыкали мне рот — я всегда могла высказать свое мнение и всегда была уверена, что это мнение внимательно выслушают.

Понятие «хорошая семья» вовсе не предполагает, что люди живут вместе. Точно так же факт совместного проживания не означает, что семья хорошая. Можно провести всю жизнь бок о бок и ненавидеть человека, переходя от одного скандала к другому. Хорошая семья — та, что смогла сохранить хорошие отношения. Мои родители это смогли.

Отец не скрывал от нас свою личную жизнь. Порой мама даже сочувствовала ему в его коллизиях. А иногда он советовался со мной, хотя и считал меня слишком жесткой и критичной к людям. И нередко знакомил со своими девушками. Он вообще со многими людьми меня знакомил, и я не видела в этом особых проблем.

Более того, в первые дни после убийства отца я и мой адвокат прилагали все силы, чтобы помочь Анне Дурицкой уехать в Украину. Дурицкая — та девушка, которая была с отцом в момент его убийства. И у нас были опасения, что ее каким-то образом попытаются обвинить в соучастии в убийстве. Это полная чушь. Я неоднократно встречалась с Анной. Она неспособна ни на какую организацию никакого убийства, она совершенно другой человек. Да, я не согласна с ее вы-

сказыванием в интервью украинскому журналисту Дмитрию Гордону относительно необходимости расследования (она тогда сказала, что ответ на вопрос, кто заказал убийство, уже не поможет ни Борису, ни следствию), но мы помогли ей вернуться в Киев и уйти от угрозы быть каким-то образом обвиненной в этом деле. Думаю, мой поступок должен объяснить мое отношение к «женщинам Немцова».

В любом случае, я не собираюсь никому давать никаких оценок и очень надеюсь, что тема личной жизни моего отца когда-нибудь закроется. Его политическая биография и взгляды намного более интересны для анализа.

После похорон я дала первое интервью английской газете «Таймс». Ситуация выглядела забавно (если можно применить слово «забавно» к такой ситуации). В 2015 году я продолжала работать на РБК. Да, в первые две недели марта у меня был отпуск, но я продолжала оставаться сотрудником ТВ-канала.

И когда на меня вышли журналисты «Таймс» и попросили об интервью, первое, что я сделала, — позвонила на РБК.

— «Таймс» просит меня об интервью, — сказала я. — Но как сотрудник канала думаю, я должна первое интервью дать вам. Я готова. У меня только одно условие: интервью будет в прямом эфире.

И мне ответили: нет. Прямой эфир — нет.

— На запись я не согласна, — ответила я и закончила разговор.

Вскоре мы с мамой улетели в Германию к другу отца Альфреду Коху. Не знаю, почему именно с ним мне захотелось общаться в тот момент: сейчас наши пути разошлись, и мы практически не общаемся.

Но тогда мы улетели к нему — человеку, с которым отец вместе работал в правительстве в 1990-е годы. Потом Кох, этнический немец, эмигрировал в Германию из-за сфабрикованного против него уголовного дела о контрабанде. Это было правильное решение: смена обстановки и возможность говорить об отце, вспоминая прошлое, помогли мне пережить острую боль от его потери.

Мы прожили у Коха недолго, около недели. За это время я дала несколько интервью немецкой прессе, но об этом расскажу позже.

После Германии мы с мамой полетели в Италию. Это не был отдых. Скорее это была потребность куда-то двигаться, невозможность усидеть на месте. Там, в Италии, я дала интервью ВВС. А через две недели я вернулась и в Россию, и в студию РБК.

В первые же дни после моего возвращения состоялся довольно странный разговор с топ-менеджментом РБК. Меня хвалили как экономического журналиста и намекали на то, что мне не нужно становиться чересчур политизированной. Речь в первую оче-

редь шла о моем активном участии в расследовании и публичных комментариях. Прямо интервью BBC никто не упоминал, но я уверена, что руководство холдинга очень напрягла фраза «Путин несет политическую ответственность за смерть моего отца» (https://www.bbc.com/russian/russia/2015/03/150311_janna_nemtsova_interview).

СОБСТВЕННО, ПОСЫЛ
СЧИТЫВАЛСЯ ДОВОЛЬНО
ЛЕГКО: МЕНЯ МОГУТ
В ЛЮБОЙ МОМЕНТ
УВОЛИТЬ, И НАДО ИСКАТЬ
СЕБЕ НОВУЮ РАБОТУ.

Не могу сказать, что у меня не было выбора. Формально выбор был. Я действительно могла не занимать активную публичную позицию и спокойно продолжать свою прежнюю жизнь.

Тем более что она меня вполне устраивала. Мне нравилось вести эфиры. Я любила экономику. Мне в целом было легко на РБК. Параллельно с этим я подрабатывала в еще одной компании (и, надо ска-

зять, второй работодатель не вел со мной никаких бесед о том, что я должна говорить и что не должна). Я вовсе не собиралась тогда участвовать ни в какой общественной деятельности, но не заниматься расследованием я не могла.

Я понимала: если не буду заниматься убийством отца — несправедливым, политическим убийством, — этого не сделает никто. Да, сейчас люди шокированы этим, они говорят об убийстве — но совсем скоро забудут. И никто не будет ждать никаких результатов расследования.

И хотя бы один член семьи отца должен бороться за то, чтобы расследование куда-то двигалось, и, по крайней мере, публично комментировать происходящее.

Кто будет тем членом семьи, который станет бороться? Я понимала: кроме меня никому.

У меня был выбор. Но у меня не было выбора. Оставить все как есть казалось абсолютно аморальным, это предательство отца. Я должна была сделать все, чтобы убийство отца как минимум не забылось.

Да, я понимала: никто не хочет расследовать это преступление. Максимум — найдут исполнителей. Поэтому я боролась. Подавала ходатайства. Говорила об этом везде, где только можно.

Главой следственной группы назначили следователя по особо важным делам Игоря Краснова, кото-

рый сейчас стал генеральным прокурором. Я приехала в Следственный комитет для оформления своего статуса потерпевшей, познакомиться с Красновым и задать волновавшие меня вопросы. Ехала, уже будучи уверенной: задачу Краснову поставили — спустить дело на тормозах, и он эту задачу будет выполнять.

Игорь Краснов оказался молодым умным следователем. Внешне он отдаленно напомнил мне Дэниела Крейга, хотя, когда сейчас смотрю на него по телевизору, мне уже так не кажется.

Я помню нашу встречу с ним так. Он поздоровался, сказал несколько общих фраз и стал нервно реагировать на мои вопросы, заметив, что я веду себя как журналист.

— Я здесь не в качестве журналиста, — оборвала его. — Я дочь своего отца. И хочу, чтобы расследование было проведено и дело было раскрыто.

Надо отдать ему должное: он сделал многое на первом этапе. Все, что было сделано в расследовании убийства, фактически было сделано группой Игоря Краснова. Правда, его очень быстро отправили на повышение, и он перестал вести дело моего отца. А дело по убийству моего отца передали другому следователю, генералу Николаю Тутевичу. Я встретила и с ним. И если после встречи с Красновым я как-то приободрилась, то встреча с Тутевичем произвела обратное впечатление.

— Он все спустит на тормозах, — сказала я тогда своим адвокатам Вадиму Прохорову и Ольге Михайловой.

Я знаю, что есть и другая оценка Николая Тутевича и причин его назначения. Дело в том, что он расследовал убийство командира спецбатальона ГРУ «Восток» Руслана Ямадаева, который был застрелен в центре Москвы в 2008 году. Убийство связывают с конфликтом с главой Чечни Рамзаном Кадыровым. Поэтому Тутевич хорошо представлял себе, как устроены современные чеченские кланы и кто там главный. Однако заказчик убийства Ямадаева так и не был найден.

Мы боролись. Мы подавали ходатайства о допросе главы Чечни Рамзана Кадырова, главы Росгвардии Виктора Золотова (на момент убийства он был главнокомандующим внутренних войск МВД России, а основной подозреваемый служил в чеченском батальоне «Север», который является частью внутренних войск. То есть фактически Дадаев — подчиненный Золотова), ближайшего окружения Кадырова. Почти все наши ходатайства отклонялись. Более того, убийство было квалифицировано по статье 105-й УК (убийство физического лица), а не по 277-й статье (посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля в целях прекратить его политическую деятельность). Статья 277-я автоматически предполагает политический мотив убийства. Наши ходатайства о переквалификации дела также отклонялись.

На текущий момент организаторы и заказчики убийства моего отца до сих пор на свободе, а политический мотив преступления отвергается следственными органами.

МОЕ СКЕПТИЧЕСКОЕ
ОТНОШЕНИЕ
К ОФИЦИАЛЬНОМУ
СЛЕДСТВИЮ ОКАЗАЛОСЬ,
К СОЖАЛЕНИЮ,
ОПРАВДАНЫМ. НОВЫЕ
ФАКТЫ МЫ УЗНАЕМ ТОЛЬКО
ИЗ ЖУРНАЛИСТСКИХ
РАССЛЕДОВАНИЙ.

Весной 2015 года мне позвонил глава московского представительства Фонда имени Фридриха Наумана Юлиус фон Фрайтаг-Лорингхофен.

Я понятия не имела, что это за фонд и кто такой Юлиус фон Фрайтаг-Лорингхофен. Изучила вопрос:

как выяснилось, у каждой политической партии Германии есть свой фонд. А Фонд Фридриха Наумана связан с либеральной партией Германии (FDP).

Она на тот момент не была представлена в парламенте, но в 2017 году им удалось набрать необходимые голоса, и они прошли в Бундестаг.

Немецкие партийные фонды не участвуют в политике, они реализуют просветительские программы. У них есть представительства за пределами Германии — в том числе в Москве. Фонд Фридриха Наумана также работал и работает в России.

— Каждый год мы проводим очень крупное мероприятие в Берлине, на котором известный человек произносит речь о свободе, — объяснял мне Юлиус фон Фрайтаг-Лорингхофен, балтийский немец, барон, настоящий аристократ.

— Мы хотим, чтобы в 2015 году речь о свободе произнесли вы, — закончил Юлиус и честно добавил: — Я предпочел бы, чтобы вместо вас с этой речью выступил Владимир Рыжков. Но руководитель нашего фонда, посмотрев ваш эфир на немецком телевидении, сказал: «Только Жанна».

Тот эфир случился совершенно неожиданно — в первую неделю после убийства отца.

Мы с мамой, напомним, тогда гостили у Альфреда Коха. В это время приятель Коха, журналист Борис

Райтшустер, помогал главному немецкому каналу ARD в организации ток-шоу, посвященного этому убийству.

Борис — необычный человек. Живой, взрывной, яркий. Он отлично говорит по-русски, с ним общаются многие россияне, живущие в Германии.

И Альфред сказал ему:

— А у меня сейчас гостит Жанна Немцова.

Борис уцепился за эту идею. Я согласилась. Немецкая сторона сразу же пошла мне на уступки: понимая, что я не в лучшем эмоциональном состоянии, мне предложили щадящий вариант — в начале ток-шоу я отвечаю на вопросы журналиста, но затем уже не участвую в дискуссии, просто смотрю на нее со стороны.

Организаторы опасались, что я могу излишне эмоционально отреагировать, услышав неприятные мне вещи. А неприятные вещи обязательно были бы: на дискуссию в Германии всегда приглашают две стороны, представляющие разные точки зрения. Это непреложное правило.

В качестве оппонентов были приглашены: Альфред Кох — с одной стороны, и Маттиас Платцек, председатель «Русско-немецкого форума» и «путинферштер» — с другой. Да, в Германии есть такое понятие «путинферштеер» — «человек, понимающий Пути-

на». Как правило, к «ферштеерам» относятся немцы, получающие выгоды от сотрудничества с российскими компаниями или полугосударственными структурами. Они абсолютно не глупые люди. И их риторика, например, относительно убийства моего отца сводится к вполне разумной формуле «да, дело нужно расследовать, но с Россией нужно вести диалог». Кто будет спорить, что с Россией нужно вести диалог? Но кого они подразумевают под Россией? И что — под диалогом? Думаю, ответ понятен. Фактически своими фразами вроде «нужно строить мосты взаимопонимания» они подменяют понятия. На самом деле эта история с мостами взаимопонимания всем набила оскомину, это уже какой-то штамп. Какие бы ужасы ни вытворяли российские власти, «путинферстееры» упорно твердят по немецкому телевидению об этих мостах.

Многие немцы склонны соглашаться с этой позицией. В Германии до сих пор распространена точка зрения, что возможны позитивные общественно-политические изменения через экономическое сотрудничество, хотя никогда такая политическая линия не была успешна. Этот концепт называется «остполитик», то есть политика в отношении восточных соседей.

Так вот, оппонентом Коху пригласили «путинферштеера» по фамилии Плацек и в дуэт к нему — путинского пропагандиста, спецкора канала НТВ в Германии Владимира Кондратьева. У Коха в команде была еще немецкая журналистка.

Я сидела в первом ряду и слушала их дискуссию. Альфред Кох говорил правильные вещи — но, на мой взгляд, его слова не звучали достаточно убедительно. А Плацек и Кондратьев завели традиционную пластинку про наведение мостов и про то, что нужно дождаться результатов исследования.

МЕНЯ ЭТО ЖУТКО
ВЫБЕСИЛО. ПРИЧЕМ
ВЫБЕСИЛО НАСТОЛЬКО,
ЧТО Я ВСТУПИЛА
В ПОЛЕМИКУ. ВЗЯЛА
МИКРОФОН И СКАЗАЛА
ОЧЕНЬ КОРОТКУЮ
И ЭМОЦИОНАЛЬНУЮ РЕЧЬ.

Но речь оказалась настолько точной и «бьющей», что, как мне потом говорили, из всей дискуссии запомнилась только она. После записи ко мне подошел Плацек и извинился. Кондратьев тоже попытался заговорить, но мне не хотелось с ним общаться.

А я после этого выступления оказалась известной на всю Германию. И спустя пару месяцев Юлиус фон Фрайтаг-Лорингхофен предложил мне выступить с речью о свободе.

А вслед за этим поступило предложение написать книгу в Германии.

Речь о свободе — это опять проблема выбора, а точнее, принятия важного решения. Ты не хочешь кардинальных перемен в своей жизни, но понимаешь: они будут. Если выступишь с речью, точно будут.

Если говорить на аудиторию в тысячу немцев и выступать в двух шагах от Бранденбургских ворот, нужно действительно говорить о политической ситуации в России. Нужно дать оценку того, что происходит. И это автоматически трансформирует тебя в общественного деятеля.

У меня не было колебаний. Это вновь была ситуация выбора — но без выбора.

Я приезжаю в Германию в конце мая.

За три часа до выступления я узнаю, что Владимир Кара-Мурза в коме. Тогда было непонятно, что с ним случилось, но сейчас я уже догадалась, что это была попытка убийства через отравление (в 2020-м мы часто будем вспоминать уже два случая отравления Кара-Мурзы — тогда в коме из-за отравления окажется Алексей Навальный). Конечно, эта версия расходится с официальной, но я считаю, что она правдива.

— Жанна, ты на нервах, — говорит барон Юлиус. — Давай отменим речь.

— Ну уж нет, — отвечаю ему. — Вот теперь я точно все скажу.

Я выступаю с речью против российской пропаганды.

Я говорю по-английски. Меня слушает тысяча немцев. В зале — ни одного свободного места.

После речи я провожу дискуссию с вице-спикером Европарламента графом Александром Ламбсдорфом. Он балтийский немец, немного знает русский язык, кажется, даже дальний родственник барона Юлиуса...

Наш градус выступления разный. Я эмоциональна — он сдержан, как это и принято в Германии.

Я понимаю, что подписала себе заявление на увольнение с РБК.

И понимаю, что не хочу возвращаться в Россию.

Потому что помимо сообщений формата «у меня ребенок от вашего отца» в последние месяцы мне сыпались и другие. Суть их сводилась к одному: «Если ты не заткнешься, мы убьем тебя на том же Москворецком мосту».

Вечером после выступления я говорю своей маме:

— Мам, я останусь в Германии.

— Как? — спрашивает она.

— Понимаешь, жить хочется. Постоянно находиться в страхе не хочется. Заниматься своим делом — хочется. Не понимаю, что я тут буду делать, — без знания немецкого, без работы, с одним чемоданом... Но я остаюсь.

— Это правильно, — отвечает мама.

БОНН, ДОЙЧЕ ВЕЛЛЕ И ДРУГИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Моя речь о свободе была очень эмоциональной и многих впечатлила. Сразу после нее ко мне подошел Юлиус, поздравил...

— Знаешь, думаю, сейчас я потеряла работу, — усмехнулась я в ответ. — И, кажется, не хочу возвращаться в Россию.

— Я тебя понимаю, — ответил Юлиус и предложил. — Я могу связать тебя с главным редактором русской редакции Deutsche Welle Инго Маннтойфелем.

— Отлично! — мне казалось, выход найден.

Все складывалось как нельзя лучше: РБК сотрудничало с Deutsche Welle. И мой переход из одной редак-

ции в другую оказался довольно быстрым — разумеется, по немецким меркам.

Deutsche Welle — это немецкая телерадиокомпания, которая вещает на тридцати языках. Организационно DW — часть ARD, главного немецкого телеканала, который финансируется за счет налогоплательщиков, то есть является общественным телевидением. Сам DW получает финансирование напрямую из бюджета Германии, есть даже закон о Deutsche Welle. Я, разумеется, претендовала на работу в русской редакции. Прислала резюме главному редактору Инго Маннтойфелю, он пригласил меня на собеседование в Бонн, где находится штаб-квартира компании.

Я прилетела. В аэропорту меня встретил сам Инго и отвез в отель. Меня это сильно удивило, но было приятно.

На следующий день пришла на собеседование.

Мы говорили очень долго. Сначала в кабинете Инго. Потом в кафе.

Наконец он спросил меня:

— Что ты сама хотела бы делать на DW?

— Интервью, — я ответила сразу, потому что уже много думала над этим вопросом. — У меня есть преимущество в том плане, что я смогу договорить-

ся со многими политиками и общественными деятелями, кто был бы интересен аудитории DW.

— Хорошо, — сказал он. — Но ты понимаешь, интервью — это большой проект. А тебе еще нужно как-то устроиться в Германии, понять, подходит ли тебе страна... Давай ты начнешь с чего-то другого, более простого. А потом уже перейдешь на интервью.

АВГУСТ 2015 ГОДА. МНЕ
31 ГОД. Я — СОТРУДНИК
DEUTSCHE WELLE. У МЕНЯ
ГODOVOЙ КОНТРАКТ.
Я НИ СЛОВА НЕ ПОНИМАЮ
ПО-НЕМЕЦКИ.

Меня знакомят с коллективом русской редакции. Все предельно вежливы, но чувствуется напряжение и еле улавливаемый скепсис в отношении меня. Официальный язык общения на DW — немецкий. Под него заточено все. Программное обеспечение — на немецком. Переговоры между различными службами — на немецком. Даже ежедневные редакционные летучки на немецком.

Да, найти журналистов, которые хорошо бы знали немецкий язык, — непростая задача. Поэтому в Deutsche Welle работают в том числе и германисты. Впрочем, отсутствие журналистского образования никогда не мешало настоящим журналистам стать профессионалами. В любом случае, я оказалась белой вороной: совсем без языка и даже без опыта работы с видео.

Смешно вспомнить: когда я работала на РБК, мне казалось, что я все делаю сама, без помощников. Когда стала работать на Deutsche Welle, поняла, что там, на РБК, у меня была их куча.

Журналист DW должен быть универсальным: в один день он ведет соцсети, в другой — готовит и монтирует блок новостей, в третий — пишет и монтирует сюжет... Я работала в видеоотделе и должна была не только продумать сюжет и написать его, но и договориться с экспертами об интервью (на РБК этим занимались продюсеры), договориться со студией, откуда можно выйти в скайп, если эксперт не рядом, подобрать в архивах и агентствах нужные кадры, грубо смонтировать сюжет (на РБК никому в голову бы не пришло загружать этим ведущих) и уже потом со своей грубой версткой прийти к технику, чтобы он уже сделал финальный продукт, который можно выпускать в эфир.

Напомню: я не знала немецкий и никогда не работала в монтажных программах (которые на DW были на немецком).

Я ХОДИЛА НА РАБОТУ
КАК НА КАТОРГУ. КАКОЕ
ТАМ «ОБУСТРОИТЬСЯ
В ГЕРМАНИИ»! В ТЕЧЕНИЕ
РАБОЧЕЙ НЕДЕЛИ
Я НЕ МОГЛА ДУМАТЬ
НИ О ЧЕМ, КРОМЕ РАБОТЫ.
ПРИЧЕМ Я ХОРОШО
ПОНИМАЛА: РАБОТА
ЭТА НЕСЛОЖНАЯ.

И я, конечно же, ее освою. Но два наложившихся друг на друга обстоятельства — незнание языка и монтажных программ — сделали так, что первые несколько месяцев работы я не могла расслабиться ни на минуту. Тебе дают задание — ты должен его выполнить. Эфир в 16:30. Ты обязан принести сюжет к эфиру. Что бы с тобой ни происходило — обязан!

К счастью, многие (но не все!) техники говорили по-русски и по-английски. К счастью, были и журналы-

сты, которые мне помогали. Если бы не они, я бы не справилась. А так... Я ходила на свою работу изо дня в день и думала только об одном: как можно скорее доказать главному редактору, что я уже «обустроилась» и что меня можно переводить на интервью. Я считала дни до этого момента.

Впрочем, буду честной: своим обустройством в Германии я тоже занималась, и тут не обошлось без забавных ситуаций.

Одна из главных проблем Бонна — нехватка жилья. В бывшей столице ФРГ расположены штаб-квартиры крупных корпораций: помимо нашего DW это еще и DHL, и ООН (то есть подразделения, которые занимаются охраной окружающей среды и проблемами климата). В Бонне, например, находится Секретариат по защите летучих мышей, и такой есть. В нем работает мой хороший знакомый.

При этом сам город небольшой, и жилья на всех не хватает. Это не Москва, где можно зайти на сайт и выбрать съемное жилье из сотен предложенных вариантов. В Бонне собственники часто требуют мотивационное письмо, которое должно их убедить сдать жилье именно вам.

Найти первое жилье мне помог главный редактор. Один из его знакомых (точнее, не знакомых даже, а стипендиатов одной из программ, стипендию по которой в свое время получал и главред, — в Германии люди часто объединяются в группы по такому

принципу и поддерживают друг друга) уезжал на несколько месяцев в Венесуэлу.

Интересный он был человек. Коммунист, а точнее — сторонник ультралевых взглядов. В его квартире были книги Ленина и Сталина на немецком языке. На кухне висела открытка, на которой русским текстом было написано: «Смерть империализму!».

Я была уверена, что в Западной Германии таких людей не существует. Оказалось, что я ошибалась.

Итак, «мой» коммунист уезжал на 3 месяца в Венесуэлу — писать работу по нефтяной отрасли Венесуэлы. Эта страна — мировой лидер по запасам нефти, но не по добыче.

— Если ты считаешь, что Венесуэла — это прекрасная страна с идеальным общественно-политическим строем, почему же ты везешь с собой две коробки бытовых вещей: дезодорантов, стиральных порошков, зубной пасты? — спрашивала его.

В Венесуэле был большой дефицит товаров первой необходимости, и коммунист вез их в качестве «валюты», чтобы расплачиваться.

— Потому что Венесуэлу угнетают американцы! — говорит мне этот симпатичный, высокий голубоглазый молодой человек. — Они устроили ей тотальную экономическую блокаду.

Он убеждал меня, что во всем виноваты США, а Чавес и Мадуро с их безумной экономической политикой вовсе ни при чем.

Коммунист уехал, я заселилась в его квартиру... Она оказалась такой же странной, как ее хозяин. Расположенная практически в центре, в старом городе, квартира была жутко грязной, хоть с первого взгляда этого и не заметишь.

Открываешь дверь шкафа — на тебя буквально сыпется пыль. Открываешь ящик стола — внутри многовековая грязь и обрывки бумажек. Проводишь пальцем по кухонному столу — и прилипаешь к этому столу.

В рамках интеграционного процесса я пыталась прибраться у коммуниста, но, боюсь, грязь меня победила. Вывести ее полностью я не смогла.

Но я даже не предполагала, какой вдохновляющей окажется эта квартира... для моей бабушки.

Да, моя бабушка приехала ко мне в гости в Германию. Не одна, с моим братом. Я была счастлива, что какое-то время рядом со мной будут близкие люди.

Оказавшись в квартире коммуниста, начиненной трудами Ленина и Сталина, бабушка почувствовала себя как дома. Она никогда не была поклонницей ни Ленина, ни тем более Сталина. Но вдруг оказа-

лась в окружении книг своей молодости — только написанных на другом языке. И бабушка буквально воспряла духом.

Мы отлично провели тот месяц вместе: играли по вечерам в шахматы, в выходные ездили смотреть Кельнский собор... Бабушка смотреть собор ездила без особой охоты, но тем не менее. Решила: раз уж она в Бонне, нужно посмотреть.

ЭТО БЫЛ ПЕРВЫЙ
И, НАВЕРНОЕ, УЖЕ
ПОСЛЕДНИЙ ВЫЕЗД МОЕЙ
БАБУШКИ ЗА ГРАНИЦУ.
НЕ СКАЖУ, ЧТО ГЕРМАНИЯ
ПРИВЕЛА ЕЕ В ВОСТОРГ.
ЕЕ УЖАСНО РАЗДРАЖАЛИ
ЦЕНЫ В МАГАЗИНАХ.

— Это безобразие! — возмущалась она. — Помидоры стоят так дорого! А пряники? У них вообще нет в продаже пряников!

Мы с братом пытались убедить ее, что цены в Германии выше российских, условно говоря, в два раза, а средний уровень доходов жителей выше в четыре раза, но она не обращала внимания на наши слова. Лишь ближе к концу поездки бабушка признала:

— Да, люди здесь одеты лучше, чем в России...

Еще одной проблемой Германии, по версии бабушки, оказалось отсутствие просторов.

— Вот в России — простор, красота. А тут? — вздыхала она.

Мы пытались объяснить, что из окна своей квартиры в Нижнем Новгороде бабушка видит уж точно не больше просторов, чем из окна квартиры в Бонне, но она стояла на своем: в Германии с просторами все плохо.

В общем, мы немного ругались из-за цен и просторов, но в целом отлично проводили время. И визит бабушки и брата очень помог мне адаптироваться на новом месте работы.

Главный редактор DW понимал, что моя цель — делать интервью. И в какой-то момент решил проверить, насколько я умею договариваться о съемках и в принципе готова ли я для столь сложного формата.

Первым моим гостем стал маршал польского сената Богдан Боруевич. Маршал — это спикер верхней па-

латы парламента. Мы встречались с ним в аэропорту Франкфурта, я говорила по-русски, он — по-польски, мы общались через переводчика... Не скажу, что это интервью получилось очень удачным, но тем не менее — оно было.

Зато второе мое интервью было уже с президентом Эстонии Тоомасом Хендриком Илвесом. Я сама вела все переговоры с пресс-службой и добилась встречи. И в тот момент, когда интервью вышло, я поняла, насколько мощной может быть движущая сила «уйти от ненавистного». Я очень не любила монтировать сюжеты. Оказалось, я могу перевернуть горы ради того, чтобы прекратить этим заниматься.

И я эти горы перевернула.

В 2016 году я уже сосредоточилась на интервью. Но, прежде чем переходить к 2016 году, я должна рассказать о важных событиях 2015-го.

16

ФОНД НЕМЦОВА – ГЛАВНОЕ ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ

Идея создать Фонд имени Бориса Немцова появилась еще весной 2015 года. Не помню, кто первый ее озвучил, но в голову она пришла сразу троим: Володе Кара-Мурзе, Альфреду Коху и Михаилу Ходорковскому. Впервые всерьез мы об этом говорили с Володией в Москве до его отравления, и идея мне понравилась. У меня были опасения, что фонд будут использовать в политических целях: на 2016 год были запланированы выборы в Госдуму.

Собственно, Ходорковский и не скрывал этого: он предложил мне участвовать в выборах. Я категорически отказалась. Мне казалось, это кощунственно: использовать трагедию убийства моего отца для того, чтобы претендовать на депутатский мандат. Не знаю,

права я была или нет, но... давно, в детстве, я отказалась давать интервью до тех пор, пока сама не буду что-то из себя представлять. Сейчас я отказалась участвовать в предвыборной кампании, не имея за спиной никакого значимого политического опыта, кроме факта своего родства с Борисом Немцовым.

Словом, я отказалась от идеи выборов — и, думаю, как политический проект Михаил Борисович похоронил меня еще в 2015 году. И слава богу.

Володя Кара-Мурза предлагал создать фонд как память о моем отце. Альфред Кох — фонд как поддержку для российской оппозиции.

Я обсуждала идею создания фонда с Ириной Львоввой — она была секретарем и помощником моего отца. Говорила об этом с исполнительным директором партии «ПАРНАС» Ольгой Шориной.

Вообще, про Ольгу нужно сказать отдельно. После убийства моего отца Ольга оказалась в ужасной ситуации: так получилось, что Anne Дурицкой (той самой девушке, что была с моим отцом в день убийства) было негде жить, и Ольга пустила ее к себе в квартиру. В той же квартире жили Ольгины родители. Но Ольга Шорина, несмотря на то что на нее свалилось огромное количество работы и невероятного стресса, с достоинством выдержала весь этот период.

Ольга — филолог, работала на «Эхе Москвы», телеканале REN TV, в журнале «Нью Таймс» у Евгении Аль-

бац. После она работала пресс-секретарем в созданном отцом движении «Солидарность», а затем стала исполнительным директором партии «ПАРНАС».

Ольга была близким человеком моему отцу: помогала готовить ему многие антикоррупционные доклады, работала с ним в Сочи в 2009 году, когда отец баллотировался в мэры Сочи.

После смерти отца мы продолжали общаться с Ольгой, она приезжала ко мне в Европу... И всегда говорили о фонде.

В конце августа 2015 года по НТВ показали фильм из цикла «Анатомия протеста». Ольгу в этом фильме обвинили в организации массовых беспорядков во время митингов на Болотной площади. Все знали: если ты становишься героем «Анатомии протеста», вероятность того, что на тебя заведут уголовное дело, возрастает в разы.

— Оля, уезжай, — сказала я ей. — Переезжай ко мне в Бонн.

Оля приехала ко мне по обычному туристическому шенгену — и осталась здесь. Не знаю, на всю жизнь или нет, но в тот момент, когда я пишу эту книгу, Ольга продолжает жить в Бонне.

И уже там, на квартире коммуниста (первое время Ольга жила со мной), мы начали говорить о фонде предметно. И поняли, что мы готовы перейти от идей к действиям.

ФОНД РЕШИЛИ
ЗАРЕГИСТРИРОВАТЬ
В ГЕРМАНИИ. ДЛЯ НАС
БЫЛО ПРИНЦИПИАЛЬНЫМ,
ЧТОБЫ ФОНД
БЫЛ НЕЗАВИСИМ
ОТ РОССИЙСКИХ ОЛИГАРХОВ
И ИХ ПОЖЕЛАНИЙ.
НО СОЗДАТЬ ФОНД БЕЗ
ДЕНЕГ И ЮРИДИЧЕСКОЙ
ПОДДЕРЖКИ НЕВОЗМОЖНО.

С юридической поддержкой нам помог барон Юлиус. Он нашел адвоката, который написал устав организации и подсказал, как работать в немецком правовом поле. Он взял с нас минимум за свои услуги. А с деньгами произошла невероятная история.

В 2015 году я стала лауреатом польской премии «Солидарность». Для тех, кто минимально интересуется

политикой, слово «Солидарность» в контексте Польши сразу же ассоциируется с Лехом Валенсой. Премия «Солидарность» была названа в честь профсоюзного движения «Солидарность». Поляки решили каждый год награждать ею одного человека — того, кто, по их мнению, является олицетворением прогрессивного взгляда на жизнь, активным сторонником демократических ценностей. Эта премия просуществовала совсем немного, всего два года.

Первым ее обладателем стал лидер крымско-татарского движения Мустафа Джемилев.

А вторым обладателем стала я.

Абсолютно неожиданно. Конечно же, авансом. Тогда, в 2015 году, я никак не заслужила эту премию. Все, что сделала к тому моменту, — несколько выступлений. Да, они имели резонанс, но это практически ничто.

Но, видимо, в меня поверили. И вручили эту премию ровно за неделю до очередных выборов в Польше.

На выборах тогда победила партия Качиньского, которую поддерживают сторонники так называемых консервативных ценностей, антиглобалисты и евроскептики.

И премия «Солидарность» закрылась практически сразу же после смены власти. Ценность этой премии — не только в международном признании (что

тоже было крайне для меня важно!). На церемонии мне вручали ее Бронислав Комаровский, на тот момент — президент Польши, и сам Лех Валенса.

Ценность премии еще и в денежном выражении — 235 тысяч евро. Деньги, которые ты получаешь — и можешь с ними делать все что угодно. Абсолютно все. Невероятная сумма. Космическая.

Что я могла сделать с такими деньгами?

Конечно же, перечислить их в Фонд Немцова. Более того, немецкие фискальные власти освободили эти деньги от налогов. Мы смогли нанять юриста, внести уставный капитал 25 тысяч евро и дать старт работе фонда.

Правда, не обошлось без фейков, связанных с премией «Солидарность». В интернете до сих пор можно найти некоторое количество публикаций, в которых утверждается, что я якобы финансово поддержала антитеррористическую операцию в Украине, использовав деньги от премии. Очень болезненный для меня фейк — ко мне с настороженностью стали относиться некоторые люди — правда, со временем мне удалось объяснить, что вся эта история — ложь.

В реальности ситуация была такой: 235 тысяч евро я получаю на свой счет и могу ими распоряжаться по своему усмотрению. Другая часть денег отправляется в фонд «Солидарности», и ты просто

соглашаешься с их решениями. Эти деньги шли на поддержку семей, чьи родственники погибли на Майдане, на поддержку переселенцев из зоны военных действий, на покупку компьютеров в школы. Никогда в жизни я бы не согласилась поддерживать никакую армию.

Итак, деньги на создание Фонда Немцова нашлись. И тут я вновь должна поблагодарить прекрасного немецкого аристократа Юлиуса фон Фрайтаг-Лорингхофена. Благодаря Юлиусу Фонд Фридриха Наумана (известный, уважаемый фонд!) выдал нам огромный кредит доверия. Он стал нашим партнером.

Представьте: Фонд Немцова — абсолютно новая общественная организация. Возглавляет его некая Жанна Немцова — ей 31 год, она работает журналистом и никогда прежде не занималась общественной деятельностью. Почему кто-то должен верить этому фонду?

Но нашим партнером становится Фонд Фридриха Наумана и тем самым заявляет: да, он ручается за создателей фонда Немцова, он будет участвовать в ряде наших проектов. И кстати, в совет Фонда Немцова вошли несколько представителей Фонда Фридриха Наумана.

Вошел и сам Юлиус, и Сабина Лойтхойсер-Шнарренбергер, которая дважды была министром юстиции Германии. Рисковали ли они? Да, для них в этом был определенный риск.

Но они пошли на него.

Иногда я могу сказать: «Да, мы с Ольгой Шориной сами все сделали в фонде». Но я тут же одерну себя: нет, не сами. Нам очень помог Фонд Фридриха Наумана — благодаря ему на нас стали смотреть если не с уважением, то без подозрения.

И СЕЙЧАС, КОГДА
УЖЕ МЫ ПОМОГАЕМ
МАЛЕНЬКИМ, ТОЛЬКО
ЧТО ПОЯВИВШИМСЯ
НЕКОММЕРЧЕСКИМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ,
Я ВСПОМИНАЮ,
КАК ПОМОГАЛИ НАМ.
НУЖНО ПОДДЕРЖИВАТЬ
ТЕХ, КТО ТОЛЬКО НАЧИНАЕТ
ЧТО-ТО ДЕЛАТЬ.

Важный вопрос: кто станет учредителями фонда? Тогда, в 2015 году, я ответила на него: «Учредителем буду я. Одна». Сейчас я понимаю: это решение было странным, но правильным. Станным — потому что, повторяюсь, моя персона не вызывала доверия: у меня не было необходимого бэкграунда. Правильным — потому что это позволяло мне не потерять контроль на этапе становления фонда и сделать его таким, каким его видела.

Сейчас я уже не единственный учредитель, и это тоже правильно (но — для нынешнего этапа развития фонда). Сегодня мы спорим между собой, принимая решения, и, может, единолично мне было бы проще, но... это легко только на коротком промежутке. На длинной дистанции единоличное правление ни к чему хорошему не приводит. Поэтому я выступаю за коллегиальное принятие решений. Правда, де-факто в фонде все ключевые решения всегда принимались коллегиально — я все согласовывала с Ольгой. И продолжаю так делать.

Эту идею — создавать фонд, будучи единственным учредителем — мне подсказал один человек... Не буду называть его имени, но я благодарна ему за этот совет, несмотря на то что некоторые его последующие действия и представления выглядят для меня как минимум спорно.

Да, сегодня они есть, и мы можем что-то делать, а что дальше? А что, если мы не выиграем ни одного гранта? А что, если через год Фонд Немцова умрет и его никто не будет реанимировать?

Наверное, в тот момент эти переживания были для меня в чем-то благом. Я была так погружена во все свои проблемы с новой работой и фондом, что мне это помогло пережить трагедию. В 2015 году я много выступала в Германии, мне платили гонорары — я все их перечисляла в фонд. Это были совсем небольшие деньги, но мне было важно, чтобы в фонд поступали хоть какие-то средства. Меня это успокаивало.

«Ты хотела быть независимой? — говорила я себе. — Ну, будь. Неси ответственность за принятые решения».

Впрочем, я все-таки была не одна. Пусть в списке учредителей стояла только моя фамилия, но в совет фонда я пригласила тех, кто еще весной говорил со мной о создании Фонда Немцова, кто в последние годы много общался с моим отцом, пусть и не полностью разделяя его идеи.

Альфред Кох, Майкл Макфол (он был послом США в России в 2012–2014 годах), Владимир Кара-Мурза (ну как можно было его не пригласить?)... Именно Кара-Мурза стал председателем совета фонда.

— Я, конечно, войду в совет, — сказал Ходорковский, получив от меня приглашение, — но, Жанн, тебе от этого будет только тяжелее работать.

— Нет, Михаил Борисович, вы мне нисколько не мешаете, — ответила я, и Ходорковский действительно стал членом совета Фонда Немцова. Он был прав в том, что его присутствие в совете усложнило мне процесс привлечения денег в фонд. Но скажу

сразу: к самому Михаилу Борисовичу я за материальной поддержкой фонда не обращалась.

Довольно быстро из совета фонда вышел Альфред Кох — из-за несогласия с решением совета присвоить премию Немцова за смелость в 2016-м Льву Шлосбергу.

Шлосберг — член партии «Яблоко», у Коха была аллергия на «Яблоко». Что ж, так бывает, это абсолютно нормально.

ПЕРВОЕ МЕРОПРИЯТИЕ
ФОНДА ПРОШЛО ЕЩЕ
ДО ТОГО, КАК ФОНД БЫЛ
ОФИЦИАЛЬНО СОЗДАН.
9 ОКТЯБРЯ, В ДЕНЬ
РОЖДЕНИЯ ОТЦА, МЫ
С ОЛЬГОЙ ШОРИНОЙ
РЕШИЛИ СДЕЛАТЬ
КОНЦЕРТ ЕГО ИМЕНИ.

Концерт едва не отменился, не начавшись. Когда мы стали искать подходящий зал, выяснилось, что почти все европейские площадки уже заняты.

Все, что мы нашли на 9 октября, — зал в Базеле. Точнее, даже два зала: один более камерный, а второй — полноценный концертный. Многие говорили мне тогда: «Базель — это небольшой город, ты не соберешь на концерт людей, закажи маленький зал».

Я послушала, и мы арендовали малый зал.

Мы сделали цену билетов — 55 швейцарских франков (отцу должно было исполниться 55 лет). По меркам Швейцарии это дешево. Пригласили на концерт Андрея Макаревича с «Машиной времени», пианиста Андрея Гаврилова (он больше известен в Европе, чем в России) и украинскую группу «Океан Ельзи». Все они выступали без гонораров, собранные деньги от продажи билетов пошли на оплату аренды зала и другие расходы, но все равно несколько человек помогли покрыть часть расходов. А сами билеты раскупили за два дня. Зал был заполнен так, что я даже не могла провести на концерт всех своих друзей.

Поначалу я не понимала — откуда такой ажиотаж? Потом выяснилось: под Базелем живет большая украинская община. И как только они увидели, что выступает «Океан Ельзи», все билеты были буквально сметены.

Следующие наши программы стартовали, уже когда начал работать фонд: премия имени Немцова «За смелость», программа поддержки людей, которые были вынуждены уехать из России, ежегодный форум Бориса Немцова...

Активная общественно-политическая жизнь моего отца началась, когда ему было 30 лет. В 32 года он стал губернатором Нижегородской области. Так получилось, что моя жизнь общественного деятеля началась примерно в этом же возрасте. И я не знаю, смогла бы я сделать все то, что сделала в 2015 году, если бы мне было сорок лет? Пятьдесят лет?

Тридцать — это возраст, когда ты уже многое понимаешь, но еще можешь рисковать. Это возраст, когда тебе по силам пережить колоссальный стресс. Если бы это случилось со мной сейчас? Нет, не надо. Я не хочу второй раз переживать все то, что пережила в 2015 году. Это было очень сложно. Я счастлива, что и спустя шесть лет после убийства отца существует фонд, созданный в память о нем. Потому что это вполне могло закончиться ничем — как многие прекрасные инициативы, затухающие из-за миллиона разных причин.

Бабушка Дина, мама Раиса, тетя Юлия с мужем Анатолием, двоюродный брат Толя с женой Ириной и я на траурном марше памяти Бориса Немцова в Москве. 1 марта 2015 год

ГЕРОИ ПРОЕКТА «НЕМЦОВА.ИНТЕРВЬЮ»: КЛИЧКО, ДЖОНСОН, СААКАШВИЛИ, КОЛОМОЙСКИЙ, МЕДВЕДЧУК, ПАВЛОВСКИЙ

Важные решения (те, что влияют на всю жизнь и меняют ее порой на 180 градусов) человек редко принимает без серьезных предпосылок. Для меня такой предпосылкой стала смерть отца. Его убили — и я больше не смогла жить так, как жила.

Скажу сразу: никто не требовал от меня, чтобы я изменила жизнь и поступила «как правильно». Никто и не ожидал, что я уйду с РБК, займусь общественной деятельностью — ни друзья отца, ни мои знакомые.

Но я ушла, выступила с речью о свободе, начала работать на Deutsche Welle. Там, кстати, тоже никаких надежд со мной не связывали. Более того, и мои знакомые тоже довольно скептически отнеслись к тому, что я стала работать на DW.

Не знаю, хорошо это или плохо. С одной стороны, приятнее работать, когда тебя поддерживают, чем когда смотрят издали и делают ставки: интересно, выплывет или не выплывет?

С другой стороны, я привыкла жить с ощущением, что от меня никто ничего не ждет. Меня уже несколько раз бросали в холодную воду, и я поняла: да, такой вариант обучения и развития мне подходит. Другим людям, возможно, не подойдет, а мне — самое то.

Мой шеф на DW, Инго Маннтойфель, тоже не думал, что я могу сразу делать свой проект. Сначала, как я уже говорила, меня провели через все круги моего персонального журналистского ада, связанные с монтажом сюжетов.

Потом была неудачная попытка сделать из меня ведущую ежедневных новостей. Надо сказать, на Deutsche Welle работа ведущей считается престижной, и некоторые хотели бы оказаться на моем месте. Мне же такая работа не нравилась категорически. Оказалось, что новости нужно читать по телесуфлеру. И оказалось, что я катастрофически не могу к нему приспособиться. На РБК мы не пользовались суфлерами. Мы либо разговаривали друг с другом в кадре, либо рассказывали новости финансовых рынков в свободной форме.

Здесь же требовалось читать — я сразу деревене-ла от вида бегущих букв и думала, что, пожалуй,

даже монтаж не так плох, как кажется. К тому же мне совсем не был близок официальный стиль подачи информации. Все эти клише «Берлин пригрозил Москве, Москва пригрозила Киеву, Минск пригрозил...» — вечно все кому-то грозили!

В общем, моя карьера ведущей новостей на DW закончилась, ко всеобщему удовольствию, довольно быстро.

Я же наконец переключилась на собственный проект, и у меня с коллегами возник статус-кво: я занимаюсь своим делом, они — своим.

Проект «Немцова.Интервью» появился в 2016 году. Сегодня жанр интервью — один из самых популярных. Но в 2016 году он был просто «один из». Интервью брали всегда, это основа любого журналистского материала, но никто не думал, что длинные телеинтервью могут стать отдельным жанром, который наберет невероятную популярность на YouTube.

И YouTube был совсем не тем YouTube, каким мы его знаем в 2021 году. Его бурный рост начался в 2017–2018 годах. А когда в 2015 году я пришла в интернет-вещание, подписка на YouTube-канал Deutsche Welle была порядка 30 тысяч человек. В начале 2020 года на основной канал DW уже были подписаны порядка 330 тысяч человек. Этот результат связан и с общим ростом аудитории, и с новыми форматами, в том числе и с моим проектом.

В 2016 году довольно много политиков, общественных деятелей, ученых не понимали ценности YouTube. «Я? Буду давать интервью для YouTube-проекта?! Это какая-то ерунда! Я — только для ТВ-программ!» Сейчас такие ответы кажутся забавными, но в 2016 году приходилось преодолевать недоверие к YouTube как к какой-то несерьезной площадке с маленькой аудиторией.

КСТАТИ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ
YOUTUBE — ЭТО
ВО МНОГОМ ЧИСТО
РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ.
В США ПЛАТФОРМОЙ
ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ И ДЕБАТОВ
СТАЛ ТВИТТЕР, А YOUTUBE
РАЗВИВАЕТСЯ СКОРЕЕ
В РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОМ
КЛЮЧЕ.

Но этому есть объяснение: в Америке огромное разнообразие общественно-политических телевизионных каналов, в России же интернет — единственная территория свободы, да эта цензура постепенно проникает и туда.

Телевидение же в России полностью подконтрольно государству, а информационная повестка основных каналов формируется в Кремле. 17 января 2021 года я следила за возвращением Алексея Навального в Россию. Включила одновременно ТК «Дождь» в ноутбуке и ТК «Россия» в телевизоре.

Весь новостной выпуск «России» был посвящен Америке: захвату Капитолия в начале 2021 года и предстоящей инаугурации Джо Байдена — события, несомненно, значимые, но совсем не настолько важные для россиян, как возвращение Навального и его мгновенный арест. Ровно поэтому все независимое политическое вещание в России ушло в YouTube.

В общем, в 2016 году мой главный редактор поверил и в меня, и в YouTube и сказал: да, делай свой проект!

И я начала делать. За время существования проекта я записала около 140 интервью. Постепенно я поняла, как нужно готовиться, — здесь мне помог Юрий Дудь: я внимательно следила за его проектом, и мне стало очевидно, что один из секретов его успеха — тщательная подготовка. Нельзя просто посмотреть предыдущие интервью спикера и быть уверенным, что вы готовы к встрече. Нужно знать биографию,

контекст, нужно быть готовым вступить в полемику и привести аргументы. Журналист должен разбираться в тех темах, о которых он говорит со своим собеседником. Здесь оговорюсь, что из каждого правила есть исключения. Иногда хорошо, когда журналист задает именно банальные вопросы, которые могли бы задать несведущие люди, но это тоже нужно уметь делать.

Привычка проверять и перепроверять данные много раз меня выручала. Однажды я делала интервью с президентом Молдовы Игорем Додоном. Сейчас страной руководит Майя Санду, а в 2017 году был Игорь Додон. Лоснящийся, совковый... ужасно не люблю это слово, но Додон выглядел именно таким. Хитрый.

Задавая один из вопросов, я упомянула, что коррупция в Молдове выше, чем в Румынии. А Румыния — тоже очень коррумпированная страна, по меркам ЕС.

— Откуда у вас такие цифры? — тут же парировал Додон. Но мне было что ему ответить. Специально перед интервью я посмотрела последние данные на сайте «Трансперенси Интернешнл» — эта организация ежегодно публикует индекс восприятия коррупции в разных странах — и привела доказательства. Именно к таким поворотам интервью нужно быть готовым. Да, у меня были и удачные записи, и провальные. Думаю, будет честно рассказать и о тех, и о других.

Виталий Кличко

Первое интервью с ним я записала, когда у меня еще не было своего проекта, но главред уже хотел понять, справлюсь ли я с такой работой, если проект мне доверить.

Мы встретились с Виталием Кличко в ноябре 2015 года, за несколько недель до выборов мэра Киева. Те выборы Виталий выиграл. И кстати, он победил и на мэрских выборах в 2020 году — в Украине такой срок нахождения на публичном посту уже можно считать политическим долгожительством.

Конечно, он не Цицерон. Он и сам иронизирует над своим неумением красиво говорить (в 2020 году Кличко выпустил книгу «Кто не слышал, тот увидит» со своими «крылатыми выражениями» — думаю, один этот факт показывает его отношение к самому себе). Но при этом в России над ним смеются намного больше, чем в Украине.

Мое интервью с Виталием Кличко просмотрели много жителей России. Потом из него делали нарезку мемов... Да, Кличко — не Цицерон, не Демосфен, не адвокат Плевако и не Илья Новиков. Но он — пример человека, который знает свои недостатки и иронизирует над ними. Каждый раз он первый же смеется над своей корявой фразой и старается ее обыграть.

Есть и еще один момент.

ТОТ ФАКТ, ЧТО ЧЕЛОВЕК
ПЛОХО ГОВОРИТ,
НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО ОН
ГЛУП. НЕЛЬЗЯ СТАВИТЬ
ЗНАК РАВЕНСТВА МЕЖДУ
ОТСУТСТВИЕМ ЧУВСТВА
ЯЗЫКА И НИЗКИМ
ИНТЕЛЛЕКТОМ. ВИТАЛИЙ
КЛИЧКО – СОВСЕМ
НЕ ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Он хитрый политик (надеюсь, он не обидится на меня за это определение). Да, его можно критиковать за многое (в странах с высоким уровнем коррупции политиков вообще можно критиковать за многое), но у него есть, что называется, человечность.

И Кличко преподнес мне хороший урок. Если сравнить мои интервью с ним в 2015 и 2019 годах, это

будут уже два разных журналиста. В 2015-м я была еще слишком неопытной.

— Знаете ли вы, что с вами связано очень много мемов? — спросила его, понимая, что про мемы он знает, и рассчитывая на то, что мой вопрос его смутит.

Но Кличко с совершенно невозмутимым лицом ответил:

— Нет, не знаю. А какие мемы?

У меня не было «под рукой» ни одного мема. Он меня переиграл.

Борис Джонсон

Мне много раз помогало знание английского языка. Причем у меня достаточный уровень для полноценной журналистской работы.

Моим главным интервью на английском языке, конечно же, стала беседа с Борисом Джонсоном.

Я шутила потом: два Бориса сыграли самую большую роль в моей судьбе — Борис Немцов и Борис Джонсон. Но в этой шутке только доля шутки. Отношение к Джонсону и проводимой им политике полярное: кто-то его поддерживает, кто-то на дух не переносит. Он один из идейных вдохновителей Брексита, при

этом — настоящий аристократ и эрудит с красивым, метафоричным английским языком.

Мы говорили с Джонсоном в марте 2018-го, спустя две недели после отравления Скрипалей в английском Солсбери. Сергей Скрипаль — двойной агент, его дочь Юлия — просто дочь... То, что Скрипалей отравили «Новичком», нервно-паралитическим веществом, удалось выяснить из-за цепи случайностей. Использование в качестве орудия убийства вещества, запрещенного ОЗХО (Организация по запрещению химического оружия), да еще и на территории Великобритании, вызвало огромный резонанс. Россия как член ОЗХО должна соблюдать правила этой организации.

В 2018 году российские власти вообще отрицали, что когда-либо существовала программа, в рамках которой разрабатывался «Новичок», но это обман (<https://republic.ru/posts/90096>). Издание «Проект» выяснило, что боевые яды этой группы были синтезированы еще в СССР (<https://www.proekt.media/narrative/test-veschestvo-novichok/>). Более того, прокуратура Великобритании предъявила официальные обвинения россиянам Руслану Боширову и Александру Петрову в причастности к отравлению «Новичком» Сергея Скрипаля и его дочери (<https://novayagazeta.ru/news/2018/09/05/144774-velikobritaniya-nazvala-imena-rossiyan-podozrevaemyh-v-otraslenii-skipaley>, <https://zona.media/chronicle/rusk>). В сентябре 2020 года директор СВР Нарышкин сказал, что все запасы химического оружия, включая «Новичок», были уничтожены в соответствии с рекомендациями ОЗХО (<https://rg.ru/2020/09/15/direktor-svr-rossiia-unichtozhila-vse->

zapasy-boevyih-otravliaiushchih-veshchestv-vkliuchaia-novichok.html). А мы знаем, что это не так, потому что Навальный бы отравлен веществом класса «Новичок» на территории России в августе того же года. Власти России факт химического отравления не признают, но ОЗХО его подтверждает (<https://www.dw.com/ru/ozho-podtverdila-chto-navalnyj-byl-otravlen-novichkom/a-55177731>).

Вернемся в 2018 год. Борис Джонсон тогда был главой английского МИДа (того, что в Соединенном Королевстве называют Foreign Office), и мне, конечно, хотелось обсудить отравление Скрипалей.

Казалось бы, невозможно. Но был один момент, на который я рассчитывала: незадолго до этого Борис Джонсон приезжал в Москву и возложил цветы к месту убийства моего отца.

То есть одна нить, связывающая меня и Бориса Джонсона, уже была. Но ее не хватало. Я стала искать другие нити. Вообще, в журналистике и продюсерской деятельности самое сложное — это даже не взять интервью. Это — договориться об интервью. Невозможно предложить единственную работающую стратегию — каждый раз нужно решать задачу со множеством неизвестных и действовать по интуиции.

Я знала, что писать напрямую в пресс-службу Джонсона бесполезно. Они даже не обратили бы на мой запрос внимания. А на кого обратили бы? У меня была знакомая — она работала ведущей на BBC Интернешнл. И я написала ей: «Можешь представить меня пресс-службе Бориса Джонсона?» Она согласилась

(важный момент: у BBC к тому времени уже вышло интервью с Джонсоном, так что моя знакомая не нарушала корпоративную этику). И она так тепло обо мне отозвалась в письме, адресованном пресс-секретарю Джонсона, что у меня появился маленький шанс.

Мы начали общаться с пресс-службой, согласовали возможность взять интервью, но... у меня даже не было английской визы! Я не могла прилететь в Лондон!

Да, это и правда был для меня очень амбициозный проект.

Предложила: может быть, проведем встречу по телемосту? Мой редактор возмутился: какой еще телемост?! Несерьезно! (Сейчас нам, живущим в условиях пандемии, странно такое слышать.)

— Борис Джонсон должен вскоре приехать в Брюссель на заседание министров иностранных дел Евросоюза, — пресс-служба прониклась моей проблемой и стала сама предлагать варианты.

— А вот в Брюссель я могу! — ответила им.

Встречу назначили в здании Еврокомиссии в Брюсселе, на интервью — 15 минут. До последнего не была уверена, что оно состоится, и буквально спиной чувствовала недовольство английской редакции DW. Это было долгое противостояние: английская редакция считала, что я перехожу им дорогу, когда беру интервью у англоязычных спикеров. Англичане считали, что я должна заниматься Россией, Украиной,

Казахстаном, Грузией, Арменией, но не пытаться договариваться об интервью с американскими и европейскими политиками. Только после них.

В случае с Борисом Джонсоном у меня было несколько аргументов: Борис Джонсон возложил цветы на мемориал моего отца, и, учитывая контекст, он готов дать интервью именно мне. Поэтому либо на DW появится интервью с ним, которое возьму я, либо оно вряд ли появится. Мой редактор защитил меня — и я приехала в Брюссель.

ИНТЕРВЬЮ СОСТОЯЛОСЬ.
ОНО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО
ЗАНЯЛО 15 МИНУТ.
И ВЫЯСНИЛОСЬ: ЭТИХ
15 МИНУТ ДОСТАТОЧНО
ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
СКАНДАЛА.

Я очень тщательно готовилась. Тараторила вопросы, чтобы сэкономить время. Была довольно дружелюбно настроена к Джонсону, но при этом все-таки давила на него, повторяя вопросы, на которые не получала полных ответов.

Тогда прошло совсем мало времени с момента отравления, и, должна сказать, фактов было совсем немного. Новости обгоняли факты.

Все-таки интервью мы сделали. Брюссельский корпус DW довольно буднично отнесся к нашей, как мне показалось, журналистской удаче, но запись все же перегнали в Бонн. Я очень хотела, чтобы интервью вышло максимально быстро. На DW довольно долго сомневались, нужно ли его показывать по Deutsche Welle International. Оговорюсь сразу: проблема была не в качестве интервью, а в борьбе между редакциями. Я думаю, что интервью показали в полном объеме на англоязычном канале только благодаря вмешательству главы всего DW Питера Лимбурга.

Это был единственный случай, когда мое интервью попало в эфир в полном объеме — и вместо выпуска новостей.

В русской редакции DW к интервью отнеслись спокойно: ну, сделали и сделали.

Как только его показали по основному каналу, разразился скандал. Одно из заявлений Джонсона не подтверждалось фактами, это обнаружил телеканал Sky News. В интервью Борис Джонсон сказал: «Ребята из Портон-Дауна сказали мне, что «Новичок», которым был отравлен Скрипаль, российского производства». Портон-Даун — это центр исследований химического и биологического оружия в Великобритании, который смог установить, что примененное отравляющее вещество относится к группе «Новичок».

При этом эксперт из Портон-Дауна, когда его спросили напрямую, ответил: «Наша работа — установить химический состав вещества, страну производства мы не устанавливали».

Шум поднялся невероятный. Мне звонили корреспонденты BBC Radio 4 и просили прокомментировать слова Джонсона. Фрагмент моего интервью показывали в главной информационной программе — BBC News Night. Скандал, наверное, потрепал нервы Джонсону, но мне он помог укрепить свой имидж профессионального интервьюера. Жаль, что в России это интервью посмотрело не так много зрителей. С чем это связано, я не могу понять, — может быть, мы не приложили достаточно усилий для его раскрутки. Но в Германии о нем говорили тоже — и фрагменты показали по главному каналу немецкого ТВ.

Михаил Саакашвили

Сейчас Украина не так интересна российскому зрителю, но в те годы сохранялась острая фаза российско-украинского конфликта. Тема Украины была главной на всех российских федеральных каналах. За новостями про Украину следили — и я плотно занималась этой страной.

Для меня было важным сделать интервью с Михаилом Саакашвили. Меня предупреждали все: Саакашвили непредсказуем, договориться с ним об

интервью очень сложно, но можно. Но даже если договоришься, это вообще ничего не значит.

Бурный, эмоциональный, хаотичный, Михаил Саакашвили был третьим президентом Грузии, он пришел к власти на волне Революции роз в 2003 году. Массовые выступления были вызваны фальсификациями на парламентских выборах.

СААКАШВИЛИ БЫЛ ОЧЕНЬ
ЯРКИМ ПРЕЗИДЕНТОМ,
СТОРОННИКОМ
АВТОРИТАРНОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ. В 2012-М
ПАРТИЯ СААКАШВИЛИ
ПОТЕРПЕЛА ПОРАЖЕНИЕ
В ГРУЗИИ, И ОН ЧЕРЕЗ
НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ
ПОКИНУЛ СТРАНУ,
ОПАСАЯСЬ УГОЛОВНОГО
ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.

Его политические интересы теперь были сосредоточены на Украине. Бывают такие уникальные политики, которые могут работать в нескольких странах, Михаил один из них.

В 2015 году он стал губернатором Одесской области. Думаю, что какую-то роль в этом назначении сыграл тот факт, что Порошенко и Саакашвили знали друг друга со студенческих времен.

После школы Саакашвили не смог поступить в МГИМО (думаю, сыграл роль именно национальный вопрос: Саакашвили талантлив, он наверняка был одним из лучших абитуриентов) и поэтому уехал учиться в Киев, в институт имени Тараса Шевченко.

Порошенко на два года старше Саакашвили, но они были знакомы. Во всяком случае, так говорил мне сам Саакашвили.

И возможно, давнее знакомство Саакашвили и Порошенко стало одной из причин того, что губернатором Одесской области Михаил Николаевич работал недолго. Порошенко, видимо, ждал от Саакашвили не то чтобы личной, но дружеской преданности и поддержки. Однако Саакашвили не тот человек, который может работать под чьим-то началом. Он может быть только номером один.

Словом, его искрометное губернаторство быстро закончилось, Саакашвили остался без работы, переехал в Киев, стал создавать свою партию, ушел в глу-

бокую оппозицию к Порошенко — думаю, личная дружба перешла в личную неприязнь.

Но в то время, когда я договаривалась об интервью, Саакашвили был на гребне волны. Несколько пресс-секретарей. К каждому нужен свой подход. Мне помогла Мария Гайдар — она подсказала, с каким именно из пресс-секретарей можно общаться, чтобы повысить шансы на успех.

Итак, мы договорились. Точнее, договорились так: «Ну, может быть, в понедельник».

Лететь в Киев или нет после такой договоренности? Я решила: лететь, на месте разберемся.

Вообще, должна чуть отойти от повествования и объяснить, почему еженедельные интервью были связаны с постоянным стрессом. Казалось бы, в чем проблема: записать один раз в неделю 30-минутное интервью и выдать его в эфир? Включи скайп, запиши Владимира Кара-Мурзу — младшего или Илью Новикова, и свободен.

Но! Интервью с друзьями — это не комильфо. Кстати, мое интервью с Кара-Мурзой, которое я все же однажды записала, сняли с эфира по причине нашей прямой аффилированности (Кара-Мурза был на тот момент председателем совета Фонда Бориса Немцова, а я его создатель). Володя до сих пор не может простить это DW. Так как вариант с друзьями исключался, приходилось сильно напрягаться и договари-

ваться со спикерами, которые не только влиятельны, но и интересны с точки зрения информационной повестки. Ньюсмейкеров в Бонне не много.

Поэтому почти 90% своих интервью я делала «на выезде» в доковидную эпоху. Что это означает? Я договариваюсь со своим собеседником или его представителем. Редакция оплачивает мне перелет, проживание, покрывает командировочные расходы. Она ищет и оплачивает работу местной съемочной группы. То есть интервью еще не записано, а деньги уже потрачены. И если вдруг интервью сорвется, потрачены они окажутся зря.

Я жила в диком стрессе. Да, я часто драматизирую, но тогда мне казалось: если не закрою слот — все! Со мной разорвут контракт! Меня уволят! Что я буду делать? Это была высокая планка: интервью каждую неделю. Но, я думаю, это было правильно.

Итак, я приняла решение: лечу в Киев, а уж там, черт возьми, дожду пресс-службу.

Прилетаю, звоню, прошу назначить время. Говорят: «Да-да, подождите».

Нервничаю.

Наконец назначают: 16:00.

Приезжаем командой, расставляем камеру, свет... Ждем.

Ждем час, два, три... Люди начинают нервничать: у них семьи-дети, им нужно домой. Я нервничаю еще сильнее: во-первых, я не уверена, что Саакашвили придет на интервью. Во-вторых, мы уже перебираем по деньгам: заплатили людям за 4 часа работы, а они на исходе.

На часах — начало одиннадцатого ночи. Входит Саакашвили.

Я ужасно на него злюсь, но первая моя реакция — бесконечное счастье. Фу-у-ух! Мы запишем интервью!

Мы действительно его записали, и интервью получилось неплохим. Саакашвили — отличный рассказчик, он легко и непринужденно шутит и находит ответы на самые неудобные вопросы. После записи он предложил — ну, а теперь давайте чай-фрукты... И мы остались поговорить без камер. И говорили еще долго. Выяснилось, что он не горел особым желанием давать мне интервью, но в ходе беседы изменил свое мнение и не пожалел.

Уже там, за чаем-фруктами, я спросила его:

— Почему вы заставили нас так долго ждать?

— Ну, я же не знал, что ты — это ты, — обезоруживающе ответил Саакашвили. Подразумевалось: если бы он знал, что я «хорошая», он бы не продержал нас в приемной шесть часов.

— Но при чем тут это?! — возмутилась я. — Так нельзя поступать с людьми, с любимыми людьми!

Не помню, что он ответил на это.

Саакашвили — интересный человек. Он полиглот (знает больше пяти языков) и эрудит. Кстати, он редко демонстрирует свою начитанность, считает, что политикам нужно изъясняться просто и доступно, поэтому не пренебрегает такими словами, как «барыга» — так он называет украинских олигархов. У него потрясающая жена, голландка Сандра Руффолс, которая тоже отличный оратор, — я слушала ее лекцию, посвященную Анне Франк, которую она прочитала на грузинском языке (мне переводили). Да, у него много недостатков, но он умеет помогать. Мне, например, он помог договориться об интервью с украинским олигархом Игорем Коломойским. Единственное, что сказал мне тогда: «Пожалуйста, будь поддипломатичнее и не спрашивай про личную жизнь!» Без проблем! Тема личной жизни меня не интересовала.

Вообще, мой подход к работе с героями интервью отличается от стандартизированного. Я уверена: нужно выстраивать хорошие личные отношения с людьми. Во время интервью можно и нужно задавать острые вопросы. Но нужно общаться с героями и за кадром, чтобы каждый человек чувствовал: он интересен мне не только как герой интервью, но и как личность.

Игорь Коломойский

Интервью с Игорем Коломойским стало вторым важнейшим для меня — после интервью с Борисом Джонсоном. Оно набрало больше 1 миллиона просмотров, это был рекорд для моего проекта.

В 2018 году Игорь Коломойский, один из богатейших украинских олигархов, жил в изгнании в Швейцарии из-за конфликта с президентом Петром Порошенко. До этого Коломойский возглавлял Днепропетровскую область (он стал губернатором региона, когда началась война в Донбассе) и фактически создал частную армию. Жестко высказывался против Путина. Помню, он назвал Путина маразматиком, на что тот ответил: «Пройдоха, даже нашего Абрамовича умудрился обмануть». Обменялись любезностями.

Как я понимаю, причина конфронтации с Порошенко заключалась в том, что Коломойский вывел деньги из подконтрольного ему «Приват-банка», из-за чего Петру Порошенко пришлось спешно национализировать банк, чтобы спасти его. Сам Коломойский все отрицает и говорит, что разногласия с Порошенко носили идеологический характер.

Находясь за пределами Украины, Коломойский сохранил значительное влияние и решил: Украине нужен новый президент. Он рассматривал несколько фигур, которых он мог бы поддержать (кажется, в том числе и Юлию Тимошенко), но в итоге поста-

вил на Владимира Зеленского, украинского актера и комика. Тогда казалось: это невозможно. «Зеленский — президент Украины» звучало примерно так же, как «Собчак — президент России».

Но Коломойский уже все продумал. В конце концов, он совладелец крупнейшего украинского телевизионного канала «1+1». Это солидный ресурс. Зеленский сотрудничал с этим каналом — там выходили выпуски «Квартала 95», аналога российского «Камеди Клуб». Разница только в том, что «Квартал 95» не избегал политических шуток. На канале уже несколько лет шел сериал «Слуга народа» с Зеленским в главной роли. Его герой Василий Голобородько — учитель истории, чью эмоциональную речь о несправедливости политической системы выкладывает в интернет один из учеников. Голобородько в считанные дни набирает бешеную популярность и становится президентом Украины, одержав сокрушительную победу над опытным политиком. В 2019 году сказка стала явью.

Коломойский в 2018 году никому не давал интервью. А мне дал. Журналисту Deutsche Welle. Безусловно, тут не обошлось без помощи Саакашвили, который хорошо обо мне отзывался.

Я ужасно нервничала. Посмотрела о Коломойском все, что только можно посмотреть. Несколько раз перед интервью он звонил мне — я каждый раз дергалась, ожидая, что вот сейчас он скажет: «Извините, нет. Интервью не будет».

Но он такого не говорил.

Мы приехали в его офис в Женеве. Нас окружили заботой. Мы прождали совсем немного — около часа. Перед интервью он минут сорок говорил со мной «без камер», уточнял, какие будут вопросы. Я честно рассказала, что именно меня интересует. Не знаю, зачем ему было это нужно:

КОЛОМОЙСКИЙ —
ОЧЕНЬ ХИТРЫЙ И ОЧЕНЬ
УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК.
ОН БЕЗ ПОДГОТОВКИ
МОЖЕТ ОТВЕТИТЬ
НА ЛЮБОЙ ВОПРОС
ТАК, ЧТО ВЫЙДЕТ СУХИМ
ИЗ ВОДЫ.

Наше интервью состоялось.

Что могу сказать? Добрый Карлсон. Когда я смотрела финальную версию, на экране передо мной сидел до-

брый Карлсон, да. Он действительно неуязвим. Лишь один раз мне удалось «раскачать» его так, что он не проконтролировал сказанное. Мы говорили об украинских олигархах, и Коломойский вдруг рассмеялся:

— Ну, у Пинчука (Виктор Пинчук — украинский олигарх. — *Прим. авт.*) всего один депутат в Раде.

— А у вас? — уцепилась я.

— А у меня больше! — уже в конце этой фразы Коломойский спохватился и вывернулся. — Я имею в виду тех, с кем мы идеологически близки.

Но как бы то ни было, интервью с Коломойским посмотрело рекордное число зрителей — и оно заметно повысило мой статус в Украине. При этом сам Коломойский так и не помог мне сделать интервью с Владимиром Зеленским, хоть и уверял меня, что лично просил его об этом.

Не дал интервью мне и Порошенко — видимо потому, что считал меня сторонником Саакашвили.

Виктор Медведчук

Самое жуткое впечатление, какое у меня только было после интервью. Я вышла с записи в ужасном психологическом состоянии.

Виктор Медведчук — украинский олигарх, политик с пророссийской позицией. Кум Путина, чем очень гордится. Очень закрытый человек, практически не общается со СМИ. Но он внезапно дал интервью «Новой газете». Я попросила у них контакты и написала в его пресс-службу: вдруг удастся? А он взял и согласился.

СЕЙЧАС, КОГДА Я СЛЫШУ
ВЫРАЖЕНИЕ «ЧЕЛОВЕК
СО СТЕКЛЯННЫМ
ВЗГЛЯДОМ», ПРЕДСТАВЛЯЮ
СЕБЕ ЕГО. ОН СМОТРИТ
ТАК, ЧТО КАЖЕТСЯ —
СЕЙЧАС УБЬЕТ.

Ни с одним человеком у меня не было такого антагонизма, как с ним. Кажется, по какому бы поводу ни была битва, мы все равно оказались бы с ним по разные стороны баррикад.

Не знаю, что должно произойти, чтобы мы хоть в чем-то оказались союзниками. Не представляю. В его офисе нас встретили толпы охраны. Тщательно

нас проверили. Пару раз сделали замечания, очень беспокоились, что мы повредим паркет из-за того, что немного двигали мебель.

В общении Медведчук — это рыба, которая вечно выскальзывает у тебя из рук. Ты пытаешься ее схватить за жабры — а руки опять пустые. Только раз я его зацепила. Медведчук продвигал идею о том, что в Донбассе идет гражданская война и нет прямого участия России. Но при этом в минских соглашениях перечислялись виды военной техники, которые стоят на вооружении российской армии. Я назвала их.

— Этого нет в минских соглашениях, — парировал Медведчук.

— Есть, — я открыла файл и зачитала его. И в очередной раз убедилась, насколько же важно иметь под рукой подтверждение того, о чем говоришь.

Сейчас Медведчук находится под украинскими санкциями.

Глеб Павловский

Готовясь к встрече с Глебом Павловским, я поняла: можно сделать интересное интервью и с человеком, который постоянно дает интервью.

ГЛЕБ ПАВЛОВСКИЙ —
ОДИН ИЗ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ
ПОЛИТОЛОГОВ В РОССИИ.
ЕГО НАЗЫВАЮТ
АРХИТЕКТОРОМ ПУТИНИЗМА.
ОН АВТОР (ИЛИ СОАВТОР)
КОНЦЕПЦИЙ «ПУТИНСКОГО
БОЛЬШИНСТВА»
И «СУВЕРЕННОЙ
ДЕМОКРАТИИ».

Он был советником руководителя администрации президента. Но в 2011 году, когда президентом еще был Дмитрий Медведев, Павловского изгнали из Кремля — потому что он продвигал идею о том, что Медведева нужно переизбирать на второй срок.

Неоднозначная личность. Умный человек. Охотно дает комментарии самым разным СМИ. Его часто можно услышать на «Дожде», на «Эхе Москвы»... да везде.

Идею взять у него интервью не поддержал мой главный редактор:

— Зачем? Что он расскажет тебе такого, чего не рассказывал другим СМИ? — спросил он.

Но я уже понимала: нет смысла просить Павловского прокомментировать то, что происходит сейчас. Но будет очень интересно поговорить с ним о тех временах, когда он действительно влиял на принятие решений.

Интервью — не обязательно новостной жанр. Интервью шире. Оно дает возможность обсудить не только текущий момент, но и прошлый. И порой разговор о прошедших событиях, где герой был действующим лицом, оказывается гораздо интереснее.

— За какие заслуги вы получили медаль от Путина? — спросила я Павловского в начале интервью.

И мы начали обсуждать с ним прошлое — те годы, когда он был активно вовлечен в принятие политических решений. Человек охотнее и, главное, более откровенно говорит о прошлом, потому что уже нет остроты момента и страха сказать лишнее. В результате получилось интервью, которое хвалили все, в том числе и профессиональные телекритики.

18

НАВАЛЬНЫЙ

Я пишу эту главу в начале марта 2021 года. Алексей Навальный 17 января вернулся в Россию из Германии, где он проходил курс лечения после отравления «Новичком» и был арестован прямо при прохождении границы в аэропорту Шереметьево. Он осужден на два года и шесть месяцев лишения свободы по сфабрикованному делу «Ив Роше». И это несмотря на то, что еще в 2017 году Европейский суд по правам человека признал, что Алексея и его брата Олега Навального незаконно осудили по этому делу, и Россия даже выплатила компенсацию. Тем не менее Олег провел в тюрьме три с половиной года, Алексей был осужден условно на тот же срок. Более того, ему был назначен испытательный срок, в течение которого он должен был регулярно отмечаться в уголовно-исполнительной инспекции.

30 декабря 2020 года этот срок истек, однако ФСИН решила, что Алексей многократно нарушал условия испытательного срока. Очевидно же, что во время лечения он не мог приходить в инспекцию, и его адвокат Ольга Михайлова об этом уведомляла. Сейчас Алексей Навальный отбывает срок в ИК-2 во Владимирской области, одной из самых жестких колоний в России. Для меня ясно, что он сидит в тюрьме из-за своей политической деятельности. Российские власти не постеснялись сделать это, несмотря на то что причастность ФСБ к его отравлению доказана, по сути, им же самим и несмотря на требование ЕСПЧ его немедленно выпустить. Я думаю, что Алексей, возвращаясь в Россию, осознавал все риски, но тем не менее его это не остановило. В своем последнем слове 20 февраля на апелляции по делу «Ив Роше» он сказал такие слова:

«Я уже не знаю, о чем говорить, ваша честь. Хотите, с вами поговорю о Боге и о спасении? Выкручу ручку пафоса на максимум. Дело в том, что я верующий человек, что, в общем-то, служит предметом насмешек в Фонде борьбы с коррупцией. В основном люди — атеисты, я сам был воинствующим. Но сейчас я человек верующий, и это помогает мне, потому что все становится проще. Я меньше раздумываю, меньше дилемм — есть книжка, в которой четко написано, что нужно делать в каждой ситуации. Не всегда легко ей следовать, но, в общем-то, я стараюсь. Поэтому мне легче заниматься политикой. Мне недавно пишет человек: «А что тебе пишут — «терпи, не сдавайся, сожми зубы»? А чего тебе терпеть?

Ты же верующий!» А написано: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». И я подумал — надо же, как человек хорошо меня понимает! Я всегда эту заповедь воспринимал как инструкцию. Не очень наслаждаясь местом, где я нахожусь, я не испытываю сожаления о том, что я вернулся, о том, что я делаю. Я испытываю удовлетворение. В сложный момент я делал, как положено по инструкции, и заповедей не предал».

Я очень надеюсь, что Алексей выйдет на свободу и сможет наконец добиться своих политических целей — построить прекрасную Россию будущего.

МОЙ ОТЕЦ ПРАВИЛЬНО
ГОВОРИЛ, ЧТО ВЛАСТЬ —
ЭТО ЛИШЬ ВОЗМОЖНОСТЬ
РЕАЛИЗОВАТЬ СВОИ
СОБСТВЕННЫЕ ИДЕИ,
А НЕ ЗАРАБОТАТЬ ДЕНЕГ
ИЛИ ПОЛУЧИТЬ КАКИЕ-ТО
БЛАГА.

...Об Алексее Навальном я узнала в середине нулевых, когда интересовалась фондовыми рынками. Он начинал свою политическую карьеру в «Яблоке», но в 2007 году его выгнали из партии из-за плохих отношений с Явлинским. Сам Алексей неоднократно именно так обозначал причину своего исключения. Как раз около 2007 года Алексей становится миноритарным акционером ряда крупнейших российских компаний. Его целью было добиться прозрачности деятельности госкомпаний для защиты прав акционеров, в том числе права на получение адекватных дивидендов.

Он приходил на годовые собрания акционеров, требовал протоколы заседаний совета директоров, в том числе через суд, раскрывал коррупционные схемы. Он создавал кучу неприятностей крупным публичным компаниям. Алексея стали называть профессиональным миноритарием, но его пример массовым не стал.

Вообще, Навальный — инноватор. Он инновационно подходил к борьбе с коррупцией, и к политике он тоже подходил не так, как это принято в России, Европе, США. Все-таки политика — дело довольно консервативное, косное, но Навальному удалось возродить к ней интерес в России. Он стал действовать по-новому и изменил представление о том, каким должен быть политик. Думаю, что его путь будет через некоторое время изучаться исследователями.

Экспертные доклады о коррупции в высших эшелонах российской власти начал писать мой отец в соавторстве с Владимиром Миловым. Но они публиковались в бумажном виде и распространялись как самиздат. Да, они имели определенный успех; более того, заметки о его докладе «Зимняя Олимпиада в субтропиках» появились во многих зарубежных СМИ. А доклад о мэре Москвы Юрии Лужкове привел к его отставке.

Алексей Навальный чуть позже стал активно заниматься расследованием коррупции в системе российской власти, но важно, что он одним из первых понял возможности интернета и сделал на него ставку как на основной канал дистрибуции своих расследований. Политический Рунет, каким мы его знаем, создан во многом благодаря Навальному.

Он не просто проводил расследования. Он визуализировал их, создавая, фактически, захватывающие документальные фильмы. Расследование о деятельности генпрокурора Юрия Чайки (в настоящий момент не занимает больше этой должности) и его семьи вышло в конце 2015 года и стало одним из самых резонансных политических событий. Невероятно, но факт: фильм-расследование «Чайка» получил приз крупнейшего международного фестиваля авторского документального кино «АртДокФест».

Навальный изобрел новый политический язык. Он автор многих мемов. «Партия жуликов и воров» — этот оборот ввел Навальный, он теперь стал общим местом, когда говорят о партии «Единая Россия».

Клянусь, передо мной можно положить распечатку десяти разных речей — я по построению текста пойму, какая из них принадлежит Навальному. Его стиль подачи близок и понятен молодежи. Если молодежь и интересуется политикой, то интересуется она «через Навального». Он смог доказать им: политика — это не скучно. Политика — это жизненно. Сейчас в «Тиктоке», соцсети для самых молодых людей, многие признаются, что Навальный — это краш. То есть они тайно в него влюблены.

Кстати, насчет мемов. Нельзя сказать, что Навальный на сто процентов просчитывает все свои ходы и обороты. Когда ФБК¹ делал свой знаменитый фильм про Медведева «Он вам не Димон» в 2017 году, они были уверены, что мемом станут кроссовки. Помните? История активов и собственности Медведева раскручивается через заказ кроссовок. Каково же было удивление Навального (он сам мне об этом рассказывал), когда кроссовки оказались на периферии, а главным мемом стали уточки. Фраза «А еще на этом участке есть дом для уточек» оказалась настолько «попадающей в цель», что никакие кроссовки уже не смогли с ней конкурировать.

Конечно, у него мощная политическая интуиция. Есть выражение «политическое животное» — мне оно не нравится, а вот «политическая интуиция» — то, чего у Алексея не отнять. То же расследование о Медведеве. Казалось бы, ну зачем? Кого интересует Медведев? Но Навальный чувствовал: это расследова-

¹ Признан судом РФ экстремистской организацией.

ние всколыхнет общество. И оно всколыхнуло. Мы увидели массовые протестные митинги.

И еще момент.

НАВАЛЬНЫЙ – ПОКА
ЕДИНСТВЕННЫЙ
ОППОЗИЦИОННЫЙ
ПОЛИТИК, КОТОРЫЙ СМОГ
ПОСТРОИТЬ СЕТЬ СВОИХ
ШТАБОВ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ¹.

«Часто говорят: “У Навального секта”. Я думаю, в том режиме, в каком он сейчас существует, другой вариант не работает. Нужны максимальная сплоченность и максимальное доверие между людьми. Навальный работоспособный, причем последовательно работоспособный, и мужественный. Рассказывая о нем, вспоминаю цитату писателя Михаила Шишкина (он живет в Швейцарии): «Россия — это страна для героев и бандитов». Обычным людям в ней тяжело...

¹ Сейчас организация ФБК не работает, т.к. признана экстремистской в РФ.

До недавнего времени к журналистам Навальный относился настороженно. Он редко давал интервью, объясняя это просто: «У моего канала аудитория больше, чем у вашего, — все, что мне нужно, я скажу на своем канале». Но несколько лет назад он изменил свое мнение и все-таки стал иногда соглашаться на интервью.

Я брала у него интервью дважды.

Первое — в 2016 году, второе — в 2018 году.

Интервью 2016 года, пожалуй, было самым неудачным в моей карьере. Мне действительно попался крайне интересный собеседник, но я не смогла его раскрыть. Он сложный. Сейчас, конечно, я выстроила бы ход беседы по-другому. Но тогда мне не хватило опыта и навыков подготовки. Навальный — человек, который шутит легко и непринужденно. В начале интервью он всегда «проверяет» журналиста, переводя беседу в несерьезный тон. И если журналист на это ведется, Навальный мысленно ставит себе галочку — журналист не слишком умен — и продолжает беседу в формате юмористического шоу.

У меня и получилось шоу. Милое, веселое, поверхностное шоу. Я поддалась его шутливому тону — и Навальный уже не вернулся на серьезный уровень обсуждения проблем. Было обидно: я приложила много усилий, чтобы добиться этого интервью, за меня просила Ольга Михайлова, адвокат Навального (и мой адвокат). И результат оказался совсем не таким, какой я ожидала.

Второй раз я взяла интервью у Навального 7 февраля 2018 года — за полтора месяца до президентских выборов, на которые он не был допущен. Я учла ошибки прошлого (и в целом уже наработала достаточный опыт), и это интервью оказалось по-настоящему удачным. Мне удалось преодолеть «ловушку юмора», которую поставил Навальный, — и мы действительно говорили серьезно.

После этого интервью он написал у себя в блоге: «Жанна очень выросла как журналист за несколько лет на Deutsche Welle». Для меня такая оценка была очень приятна. Можно сказать, он дал старт моему журналистскому году — 2018-й в профессиональном плане оказался для меня самым удачным.

После того интервью мы начали больше общаться — теперь уже и Алексей стал следить за моей карьерой. У меня никогда не возникало мысли пригласить его на мероприятия Фонда Немцова. Знала его отношение к этому: Навальный не раз говорил, что принципиально не будет ездить ни на какие форумы, которые проводятся за рубежом, чтобы не дать своим оппонентам почву для раскручивания тезиса о том, что его финансирует Запад.

Но все-таки в 2019 году я рискнула.

Мы с Ольгой Шориной придумали классную идею: пригласить на форум профессора политологии, философа из Стэнфордского университета Фрэнсиса Фу-

куяму. Он на удивление быстро ответил согласием. И мы пошли дальше.

Я написала Навальному и предложила:

— Алексей, я хочу пригласить тебя на форум. Формат такой: выступает Фукуяма, а затем — дискуссия между тобой и им.

И он вдруг:

— Жанна, отличная идея! Я с удовольствием приеду вместе с Юлией и Захаром.

Он так быстро согласился, что просто поставил меня в тупик. Я была уверена, что шансов у меня — процентов пять. А оказалось, их было гораздо больше.

Конечно, приезд Навального стал одним из главных событий форума. Если обычно в зале бывают видны свободные места, то на выступлении Фукуямы и дискуссии между ним и Навальным мест не то что не было — люди стояли в проходах.

Профессор Фукуяма выступал с речью о свободе (это сквозная идея нашего форума — с речью о свободе ежегодно выступает человек, который не занимается политикой: в разные годы мы приглашали писателей Дмитрия Глуховского и Алису Ганиеву, архимандрита Кирилла Говоруна). Дискуссию слушали максимально внимательно. После нее был кофе-брейк, во время которого все подходили к Навальному...

Наступило время второй панельной дискуссии, но люди не хотели уходить в зал.

— Если ты не пойдешь в зал, никто не пойдет, — сказала я ему.

— Я понял, — ответил он и сам начал агитировать всех пойти в зал. Потом вместе с нами просидел всю вторую дискуссию, после остался на постановку Театра.DOC...

— Какие адекватные у тебя тут люди собрались, — сказал мне по окончании, — даже удивительно!

Сегодня он — знаковая политическая фигура не только внутри России, но и за ее пределами. Он стал символом сопротивления тирании.

В 2021 ГОДУ ФОНД
НЕМЦОВА ПРИСУДИЛ
АЛЕКСЕЮ НАВАЛЬНОМУ
ПРЕМИЮ ЗА СМЕЛОСТЬ
В ОТСТАИВАНИИ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ.

Не знаю, сколько ему придется просидеть в тюрьме. Боюсь, что долго, но рада ошибиться. Одно я точно знаю: история его отравления ляжет в основу фильма. Она абсолютно кинематографична: человека отравляют, но благодаря цепи счастливых обстоятельств он выживает. Причем не просто выживает, но и сам раскрывает свое убийство, сам звонит одному из убийц и сам же потом возвращается — фактически добровольно отправляясь в тюрьму.

Его работа полностью изменила расследовательскую журналистику. Все ахнули от того, на каком высоком уровне Христо Грозев из Bellingcat, журналисты «Инсайдера» и сам Алексей смогли провести это расследование. Оно, безусловно, войдет в историю.

Но стоило ли Навальному возвращаться в Россию? Я понимаю эмоциональный аргумент Алексея: сторонники ждали от него этого шага. Они рисковали здоровьем, свободой, жизнью. И им было важно, чтобы их лидер не отсиживался в благополучной Европе, пока они остаются там, где их в любой момент могут арестовать. Навальный не хотел выглядеть трусом в глазах тех, кого он сам призывал быть смелыми.

Политолог Глеб Павловский написал: в России заниматься политикой без риска — это ложь (<https://www.facebook.com/gleb.pavlovsky/posts/1865518083586289>). Уверена, Навальный понимал, что его ждет. Но он вернулся, чтобы не выглядеть трусом — точно так же, как в свое время вернулся мой отец.

Правильно ли это было? Я считаю, что жители России все меньше поддерживают власть, но не готовы к решительным действиям. Многие до сих пор аполитичны. Мое твердое убеждение: сидеть в тюрьме — неправильно. На свободе человек может сделать гораздо больше (даже если он находится в другой стране). Но Навальный уже сделал свой выбор. Теперь очень не хватает его голоса и фирменного «Привет, это Навальный!».

19

ИНТЕРВЬЮ С ПРЕЗИДЕНТОМ КАЗАХСТАНА И УХОД С ДОЙЧЕ ВЕЛЛЕ

2019 год стал последним в моей работе на Deutsche Welle. Не скажу, что он был настолько же успешным, как и 2018-й, но и в нем мне довелось сделать несколько интервью, о которых стоит рассказать.

Каким-то чудом в 2019 году мне удалось взять интервью у президента Казахстана. Точнее, к интервью меня привело не чудо, а цепь случайностей и странных решений, но главное — результат.

Казахстан — довольно закрытая азиатская страна. Это не Украина, не Грузия и не Армения, которые в любом случае более европейские.

Президентом Казахстана долгие годы был Нурсултан Назарбаев. Но в марте 2019 года страну возглавил

Касым-Жомарт Токаев. Назарбаев, конечно, никуда с политической арены не ушел. Он по-прежнему обладает большими полномочиями и носит титул Елбасы (отец нации).

Но в любом случае — президентом стал Токаев. Не могу вспомнить — кажется, я отправляла в пресс-службу президента Казахстана запрос на интервью. И получила отказ.

Однако в начале зимы 2019 года Токаеву предстояла встреча с Ангелой Меркель. И пресс-служба президента решила провести пиар-кампанию нового президента Казахстана в Германии — чтобы создать благоприятный информационный фон перед его визитом. Пресс-служба наняла немецкое пиар-агентство. Но что-то пошло не так: агентство предлагало интервью с Токаевым главным немецким СМИ, но ни одно крупное издание, видимо, не проявило интереса.

После этого представители пиар-агентства вышли на Deutsche Welle. Сначала на английскую редакцию (по-видимому, получили отказ), а потом — на русскую. И круг замкнулся — они стали вести переговоры со мной.

— С удовольствием! — ответила я и подумала, какие же странные бывают повороты судьбы.

Дальше началась традиционная свистопляска с назначением даты, переносом сроков и так далее — но в конце ноября 2019 года я прилетела в Астану.

Было очень холодно — кажется, минус тридцать. Я до последнего не понимала, каким образом через русскую редакцию DW пиар-агентство планирует провести позитивную пиар-кампанию Токаева в Германии, когда наша аудитория преимущественно русскоязычная.

В назначенный день приезжаю во дворец... да, по стилю это именно Дворец президента. Меня проводят в круглую комнату — на стенах сплошная позолота. Возможно, не позолота, а настоящее золото, — не ручаюсь.

Вокруг меня — масса людей: представители пресс-службы, служба протокола, кто-то еще... Я опасюсь только одного — что мне сейчас скажут: «Давайте согласуем ваши вопросы». Но не говорят.

Президент, надо отдать ему должное, приходит минута в минуту. Мы здороваемся, и он вдруг говорит:

— Я знаю вашего отца. У нас с ним такая неприятная история возникла в 1992 году...

И рассказывает мне: в конце 1992 года Нижегородская область заключила с Талдыкорганской областью Казахстана контракт: зерно в обмен на «Волги». Казахстан должен был поставить в Нижегородскую область зерно, а Нижегородская область в Казахстан — «Волги». В начале 1990-х годов эти машины очень ценились во всем СССР.

НИЖЕГОРОДСКАЯ
ОБЛАСТЬ ОТПРАВИЛА
В КАЗАХСТАН ВСЕ
АВТОМОБИЛИ. А КАЗАХСТАН
НЕДОПОСТАВИЛ
ОБЕЩАННЫЕ ОБЪЕМЫ
ЗЕРНА. И ТОКАЕВУ ДО СИХ
ПОР НЕУДОБНО ЗА ЭТО.

— Немцов тогда подал на нас в экономический суд СНГ, — рассказывает он. — Но, надо сказать, мы смогли продолжить совместную работу. Когда он был первым вице-премьером, он уже зла на нас не держал и мы плодотворно сотрудничали.

Конечно, Токаев дипломат. И эту историю перед интервью он рассказал мне не зря. Он умный политик. Но мои вопросы к нему все равно нельзя было назвать слишком лояльными.

Я была вежлива и корректна. Но задавала вопросы, которые действительно имело смысл задать. По мер-

кам Казахстана — очень острые. В середине интервью он даже попросил перерыв и сказал:

— Ну, это как-то очень жестко.

— Не волнуйтесь, это нормально! — ответила я ему.

И мы продолжили беседу.

Когда интервью закончилось, Токаев произнес то, что я совсем не хотела услышать:

— Вы, прежде чем выпускать интервью, поработайте с моим пресс-секретарем.

— Господин президент, я не могу этого сделать, — ответила ему. — Меня за такое уволят.

И он совершенно неожиданно для меня улыбнулся:

— Ну тогда ладно!

Конечно, после подошли представители пресс-службы, конечно, они просили монтировать интервью вместе.

— Нет-нет, — ответила я им. — Никакого совместного монтажа. Единственное, что могу вам пообещать, — интервью будет показано полностью.

Я смогла выдохнуть, только когда вышла из дворца. До этого момента у меня были опасения, что могут

отобрать флешку, заставить стереть запись... Даже казахстанская съемочная группа, которая работала со мной, потом признала: «Мы не предполагали, что президенту можно задавать такие вопросы!»

Но флешку не отобрали. Меня отпустили. Интервью вышло.

И попало в топ Яндекса, став настоящим хитом в Казахстане. На него обратили внимание и в Украине. Украинский МИД даже вызвал посла Казахстана из-за высказываний Токаева о Крыме.

В Казахстане же фрагменты из этого интервью показывали по основным ТВ-каналам, а я внезапно получила свою порцию славы. Меня начали приглашать на казахское телевидение, а телеканал «Хабар 24» (основной новостной канал Казахстана) взял у меня интервью в преддверии Дня журналистики.

— Зачем? — удивлялась я. — Вы же его не покажете!

— Покажем, — отвечали мне.

В интервью я говорила: журналисты существуют не для того, чтобы показывать, как власть перерезает ленточки, а для того, чтобы переосмысливать происходящее и задавать критические вопросы.

По-моему, из этого интервью не показали ничего — в каждом моем предложении сквозило критическое отношение к властям.

Последним в моей карьере на DW стало интервью с Валентином Юмашевым.

Журналист. Личный биограф Ельцина. Муж дочери Ельцина Татьяны Дьяченко. Соучредитель (вместе с Татьяной) «Ельцин-центра» в Екатеринбурге.

Неоднозначная личность.

Я вовсе не планировала интервью с ним — была уверена, что он не захочет со мной разговаривать. Но так получилось, что он сам захотел выступить в Центре Немцова в Праге.

Поясню: Центр Немцова — это совместный проект Фонда Немцова и философского факультета Карлова университета в Праге. В этом центре мы в том числе проводим публичные лекции. Если взвешивать все «за» и «против», я скажу, что Валентин Юмашев, как и Татьяна Дьяченко, скорее отрицательный герой, чем положительный. Но я знала, что Юмашев тяжело болен — и это стало решающим фактором при принятии решения.

Поэтому мы согласовали такой регламент: Юмашев выходит на открытую дискуссию, ему задают вопросы, он отвечает. Меня за это решение критиковали — ну, что ж?

Тогда же родилась идея записать интервью с Юмашевым для DW. Он согласился.

ХИТРЫЙ СОБЕСЕДНИК.
НЕСМОТРЯ НА ТО ЧТО
ОН ДАВНО ОТОШЕЛ ОТ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЛ,
ОН ВОВСЕ НЕ ПОТЕРЯЛ
СНОРОВКУ. КАЖЕТСЯ,
Я ПРОДУМАЛА ВСЕ
ВОПРОСЫ, НО В ПОСЛЕДНИЙ
МОМЕНТ ЮМАШЕВ — РАЗ! —
И ВЫСКАЛЬЗЫВАЛ.

Конечно, силы наши были не равны в том смысле, что Юмашев — участник событий, о которых мы говорили (речь шла о 1990-х годах), я же лишь читала о них в открытых источниках. И когда мы начинали обсуждать внутренние переговоры, простор для интерпретаций становился огромным. Конечно, я готовилась. Общалась с журналистом «Медузы» Ильей Жигулевым — он брал интервью у Юмашева. Читала книгу Петра Авена «Время Березовского» — фактически это набор интервью современников Бориса

Березовского (и в том числе — интервью с Юмашевым). Но этой подготовки все равно было мало.

Забавный момент: в интервью Юмашев утверждал, что Путин в 2024 году не станет баллотироваться на новый президентский срок. Не знаю, верил ли он в то, что говорил, — в любом случае, спорить о событии, которое еще не произошло, довольно странно. Поправки в Конституцию обнулили предыдущие президентские сроки Путина и позволяют ему занимать свой пост до 2036 года, то есть, фактически, пожизненно.

Но был момент, когда мне удалось аргументированно возразить Юмашеву и доказать, что он не совсем искренен в своих ответах.

Речь шла про залоговые аукционы — явление, описанное много раз. Юмашев уверял, что только благодаря им России удалось избежать возврата к коммунизму — что, конечно, не имеет отношения к реальности. Залоговые аукционы — схема, по которой определенные люди, называемые олигархами (кстати, этот термин в российский политический лексикон ввел мой отец), за копейки получили контроль над стратегическими предприятиями нашей страны. Мой отец выступал против этой схемы.

Кроме этого, спорили мы о выборах 1996 года. Это стандартный спор: что было бы, если бы выборам дали возможность быть честными? И если бы на них победил Зюганов?

Юмашев утверждал: только благодаря тому, что выиграл Ельцин, жить в России стало лучше.

Есть и другая точка зрения, ее придерживается, например, Михаил Фридман. Его цитату я и привела в споре. Фридман рассказывал о «семибанкирщине» — то есть собрании группы бизнесменов, которые фактически и решали судьбу страны. И сам Фридман тогда говорил: «Почему вы так всполошились? Пусть у нас пройдут нормальные выборы, пусть выиграет Зюганов... Пусть люди сами почувствуют результаты своего выбора!» Но его тогда никто не слушал.

После того интервью я ушла с Deutsche Welle. Причин было несколько. И прежде чем говорить о них, скажу главное: Deutsche Welle сыграла важную роль в моей жизни — я стала заниматься политической журналистикой и смогла добиться в этом заметных высот. Да, мне пригодилось мое упорство и сила воли. Но DW дала мне платформу, без которой ничего бы не было. Я могла ездить в командировки, я могла договариваться об интервью с важнейшими людьми.

Я прожила пять лет в чужой стране. Поняла, что это нормально: работать с минимумом помощников и многое делать самой. Я объездила огромное количество стран. Я узнала очень многое о жизни на постсоветском пространстве. Согласитесь, мало кто из нас, выбирая маршрут для отпуска, скажет: «Пожалуй, я поеду в Казахстан!» Но сейчас я уже понимаю: да, мне интересно слетать в отпуск в Казахстан. Потому что я видела эту страну.

Сейчас опыт работы на DW я вспоминаю как фантастическое время. Это был тяжелый конвейер ин-

тервью, но за то, что он был, большое спасибо «Немецкой волне».

Этот опыт стал крайне важным для меня — благодаря ему я могу двигаться дальше. Именно на DW я сделала себе имя как политический журналист. И если на РБК еще кто-то заикался о том, что я ничего не представляю из себя без своего отца, то сейчас уже редко кто об этом говорит.

Однажды у меня случился провал: я должна была взять интервью у мэра Риги. Мы обо всем договорились, я прилетела в Ригу...

И вдруг в день интервью мэр отказывает мне по абсолютно надуманной причине — якобы он заболел. Через четыре часа он уже участвовал в большом протокольном мероприятии — именно этот дает мне уверенность, что причина была надуманной.

Не скрою: руки дрожали, когда я звонила главному редактору. Я полностью винила себя в этом, поскольку именно я — продюсер программы, должна была предусмотреть все. И догадаться, что мэр «сорвется».

Но главный редактор ответил, что мэр ведет себя некорректно, а претензий у DW ко мне нет.

К счастью, на тот же день у меня было запланировано еще одно интервью в Риге — с документалистом Виталием Манским. В какой-то момент в редакции DW решили, что схема «одна командировка — одно интервью» слишком расточительна и из командировок нужно привозить по два интервью. В тот день в Риге я поняла, насколько это было дальновидно.

Наверное, если бы я пришла на DW как состоявшийся политический журналист, а не как комментатор программы «Рынки» на РБК, мне делали бы больше поблажек. Но я пришла с тем багажом, что у меня был. Я понимала: любая оплошность, мелкая ошибка навредят моему имиджу, снизят уровень доверия. Я научилась брать ответственность за результат и добиваться цели, чего бы мне это ни стоило.

Я могла бы не писать, почему решила уйти с DW. Но, думаю, это будет нечестно. Летом 2019 года, когда я была в отпуске, меня поставили перед фактом: русская редакция DW запускает, по сути, такой же проект, как у меня, но с другим названием.

Это стало лишь поводом. Главной причиной было то, что я не видела, куда развиваться дальше. Я хотела делать интервью для английской редакции — но это было невозможно.

Да, в моей жизни наступил очередной период стабильности: хорошая понятная работа, достойная зарплата, интересные командировки, но... уже не было ощущения перспективы.

Кроме этого, из-за работы я недостаточно внимания уделяла Фонду Немцова — а он для меня был важнее любой работы.

Мы долго говорили с руководством Deutsche Welle, на каких условиях я могла бы остаться, но так и не пришли к общему решению. Но что меня искренне радует — мы разошлись мирно.

Издатель «Медузы» Галина Тимченко читает лекцию
в Летней школе журналистики Бориса Немцова в Праге.
Лето, 2019 год. Автор — Рустем Адагамов

20

ТРИ ВДОХНОВЛЯВШИЕ НЕДЕЛИ В СТЭНФОРДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Я не брала интервью у Джо Байдена, но общалась с ним — и даже предположить не могла, что он будет президентом США. В марте 2016 года я стала лауреатом премии Госдепартамента США, название которой на русский язык лучше всего перевести как «Женщины, которые проявили смелость». В России такая премия сейчас скорее проклятие, это повод называть лауреата агентом западных спецслужб, но меня это не так сильно беспокоит.

На самом деле никаких выплат и грантов эта премия не предполагает, ее просто вручают в знак признания женщинам, которые совершили какой-то поступок, не считающийся рядовым.

Не знаю, получал ли эту премию кто-то еще из россиян, — в нашей стране подобное не афиширу-

ется. А вот лауреаты премии из других стран признавались, что у себя на родине они стали чуть ли не национальными героями: статус этой премии довольно высок.

— Про тебя ничего не написали в российских СМИ? — спрашивали меня «коллеги по премии».

— Нет, но я на это и не рассчитывала, — отвечала им.

Я НЕ СТАЛА ИМ ОБЪЯСНЯТЬ,
ЧТО В РОССИИ БЫТУЕТ
МНЕНИЕ: ЕСЛИ ТЕБЕ
ВРУЧИЛИ ПРЕМИЮ
ОТ ГОСДЕПА, ЗНАЧИТ,
ОН ТЕБЯ ФИНАНСИРУЕТ
ИЛИ ВЕРБУЕТ. ЭТО ПОЛНАЯ
ЧУШЬ. НИЧЕГО ПОДОБНОГО
НЕТ И В ПОМИНЕ.

Вручал премию нам Джон Керри, он тогда был госсекретарем США. А затем перед нами (точнее, не только перед нами — в зале было довольно много

людей) выступил Джо Байден, вице-президент США. Я смотрела на него и поражалась, как круто этот человек умеет говорить. Он выступал около сорока минут, без бумажки — и казалось, он вообще не готовился к выступлению. Просто вышел — и начал с нами разговаривать. Легко, свободно, интересно, с примерами и цитатами — он показал мастер-класс по ораторскому мастерству. И было видно: он сам получает удовольствие от выступления.

Я тогда подумала: надо же, ему уже за семьдесят, а он так хорошо держится! Но даже предположить не могла, что Байден к тому моменту еще не достиг пика своей карьеры и что в 2021 году он станет президентом США.

Вообще, в американцах меня удивляют две вещи. Первая — они крепкие. И физически, и морально.

Тот же профессор Фукуяма летел на форум Немцова из Сан-Франциско. Сначала перелет Сан-Франциско — Франкфурт, потом — из Франкфурта в Польшу, потом — выступление на форуме... Он выглядел свежим и отдохнувшим, хотя ему было уже за 60 лет.

И вторая вещь — американцы мгновенно запоминают имена других людей. Назовите мне десять имен — я половину забуду. Буду стараться запомнить, прилагать усилия — но все равно забуду. Назовите американцу десять имен — он запомнит их с первого раза.

Но вернемся к премии. После официального вручения нас принимала у себя дома Джилл Байден, жена Джо Байдена. Милая женщина, учительница, она общалась со всеми нами, дарила нам сувениры. У меня до сих пор сохранилась записная книжка и небольшая квадратная тарелочка «от Джилл Байден». Тарелочка оказалась очень удобной для хранения в ней канцелярских скрепок. Когда Байдена выбрали президентом, я шутила, что теперь к тарелочке нужно относиться более бережно, — но продолжила хранить в ней скрепки.

Словом, я видела Байдена. И Байдена видела не только я, но и, например, министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко. И, конечно, мой отец. Вот такая «складка времени».

* * *

В 2017 году в моей жизни случилось событие, которое сильно повлияло и на меня, и на деятельность Фонда Немцова.

Начну с предыстории. Во время работы на Deutsche Welle я каждый год ездила на Мюнхенскую конференцию по безопасности. В России ее знают по выступлению на ней Путина в 2007 году — именно тогда он заявил об окончании эпохи однополярного мира и о том, что к России тоже нужно относиться уважительно.

Я приезжала на эту конференцию, чтобы записать интервью с кем-то из известных персон для Deutsche

Welle. Не скажу, что это самое удобное место для интервью: конференция сжата по времени, участники заняты, им нужно успеть обсудить максимум вопросов с максимумом людей — но условия для интервью редко бывают идеальными.

Например, там, в Мюнхене, я сделала интервью с известным американским дипломатом Викторией Нуланд (она очень неплохо говорит по-русски) и спрашивала у нее, действительно ли Виктория в молодости работала на китобойном судне. Выяснилось, что работала она бухгалтером, и не на китобойном, а на рыболовецком судне.

Помимо записи интервью мы каждый раз пересекались в Мюнхене с Майклом Макфолом, бывшим послом США в России (сейчас он — профессор Стэнфорда). Макфол изучает Россию, пишет о ней книги — некоторые из них стали бестселлерами.

Однажды за чашкой кофе Майкл Макфол сказал мне:

— А ты знаешь, что в Стэнфорде есть программа — трехнедельная, бесплатная, для журналистов и активистов. Ее проводит институт, который называется Центр демократии, развития и верховенства закона. Мне кажется, тебе будет полезно ее пройти.

Я загорелась этой идеей. Но то, что программа бесплатная, — такой же плюс, как и минус. Центр отбирал только 30 участников. Желающих очень много, конкурс — больше 20 человек на место. Ни о каком благе или протекции не могло быть и речи.

НО Я ПРОШЛА. ПОТОМ
УЖЕ МНЕ РАССКАЗАЛИ,
ЧТО ПО МОЕЙ ПЕРСОНЕ
БЫЛИ ДОВОЛЬНО ДОЛГИЕ
СПОРЫ – ВКЛЮЧАТЬ
МЕНЯ В ПРОГРАММУ
ИЛИ НЕ ВКЛЮЧАТЬ.
И ВСЕ-ТАКИ ВКЛЮЧИЛИ.

Директором центра был тот самый профессор Фрэнсис Фукуяма. Именно там, в Стэнфорде, я с ним и познакомилась. У меня в характере есть то, что называется «нетерпение». Поэтому на его занятиях я периодически спорила — если чувствовала, что люди говорят ерунду. Однажды мы довольно жестко схлестнулись с девушкой из Египта по поводу современной России — в общем, Фукуяма меня заметил.

Широкой общественности же он известен как автор книги «Конец истории и последний человек», в которой утверждал, что после крушения СССР либеральная демократия станет основной формой политиче-

ского устройства (сейчас, конечно, он подвергается периодическим нападкам по этому поводу).

Но в любом случае Фукуяма прекрасный преподаватель, очень образованный человек. Программа его центра перевернула мой взгляд на многие вещи.

Мы учились по кейсам. Почти никакой теории, только практика. Точнее, теория была «защита» в разбор кейсов. Мы ходили в офис «Твиттера» и «Фейсбука». К нам на занятия приходили топ-менеджеры крупнейших компаний и политики первого звена. Например, перед нами выступала бывший госсекретарь США Кондолиза Райс.

Эти три недели стали для меня решающими. Я поменяла подход к работе. Поняла главное: если хочешь чего-либо достичь, нужно объединить вокруг своего проекта как можно больше людей. И не ограничиваться только теми, кто лояльно к тебе настроен. Если ты не способен зажечь людей своей идеей, значит, твой проект «не выстрелит». Даже не начинай.

Интересный подход к реформированию автократии — нам говорили, что для успешности реформ нужно сначала построить эффективное государство, потом утвердить верховенство закона и права и лишь затем развивать демократические институты.

После трех недель обучения я поняла: в Фонде Немцова нам нужно создавать такую же программу — именно трехнедельную. Содержание — другое,

формат — тот же самый. Не нужно изобретать велосипед. Мы сделаем свою летнюю школу журналистики по стэнфордским лекалам.

Мне говорили: «Три недели — это очень долго. Все-таки лучше неделю. Ну, или несколько воркшопов по три дня». Я отвечала: «Нет, только три недели. И ни днем меньше». Я сама почувствовала это на себе в Стэнфорде. Не знаю, что именно происходит — но именно за три недели интенсивной работы человек настолько погружается в тему, что начинает меняться. Если ограничиваться одной неделей, эта «магия» не работает. Людям нужно время, чтобы познакомиться друг с другом, притереться друг к другу, начать друг другу доверять. Кроме этого, за три недели люди выстраивают между собой связи — достаточно прочные для того, чтобы не потеряться и после окончания курса.

Формат летней школы мы обсуждали с Ольгой Шориной — и как всегда, я уже не могу сказать, какую идею предложила я, какую — она. Кажется, все идеи рождаются у нас совместно.

Но мы поняли, что наша летняя школа должна быть бесплатной. Что отбирать в нее мы будем по конкурсу (несколько раз меня просили «обратить внимание» на какого-то человека, на что я всегда отвечала: «Нет. У нас открытый конкурс. Только так»). Что пригласим в нее молодых журналистов, блогеров, медиаактивистов. И что языком общения, конечно, будет русский.

Но главное — каждый человек по итогам обучения в школе должен реализовать свой медиапроект. Мы, конечно, не можем заставить людей это делать — но мы настаиваем, что это очень важно. И помогаем — связаться с редакцией, обсудить тему, найти интересных спикеров. Можно объединяться и делать один медиапроект на команду из двух, трех, четырех человек.

Например, недавно у выпускников 2018 года получилась классная коллаборация: участник медиашколы из Техаса Мэтью Опп (он отлично знает русский язык и даже преподавал в университете в Ижевске — читал курс по истории США) и два российских журналиста Алексей Юртаев и Дмитрий Окрест объединились и сделали на английском языке подкаст про самые известные СИЗО в России: «Кресты», «Матросскую тишину» и так далее. Такая неожиданная коллаборация не могла бы появиться без нашей летней школы.

Еще один наш выпускник, Илья Косыгин, запустил медиаресурс «Довод» во Владимире, который сейчас входит в десятку самых цитируемых в регионе.

В летнюю медиашколу всегда очень большой конкурс — от 600 до 700 человек на 30 мест. Это связано еще и с тем, какие преподаватели у нас работают. С нами сотрудничают замечательные журналисты и медиаменеджеры: Галина Тимченко (учредитель «Медузы»), Елизавета Осетинская (основатель The Bell), Сергей Пархоменко (проекты Russian Newsroom,

«Последний адрес», «Диссернет»), Виталий Манский (документалист), Роман Баданин (издание «Проект»), Катерина Гордеева (YouTube-проект «Скажи Гордеевой») и многие другие. И мне особенно нравится то, что самым преподавателям очень нравится общение со студентами.

В 2020 ГОДУ ШКОЛА
ПРОШЛА В ФОРМАТЕ
ОНЛАЙН (ПАНДЕМИЯ
ВНЕСЛА СВОИ КОРРЕКТИВЫ),
НО ДАЖЕ В ОНЛАЙНЕ У НАС
НИКТО НЕ ПРОГУЛИВАЛ
ЗАНЯТИЯ. В ФОРМАТЕ
ОФЛАЙН ОБ ЭТОМ НИКТО
И ДУМАТЬ НЕ МОГ.

Летняя школа — это коллаборация Центра Немцова и философского факультета Карлова университета, она проходит в Праге. Поэтому мы ходим в гости практически во все крупные редакции столицы Че-

хии и показываем, как устроена их работа. Например, в редакцию радио «Свобода» — потом некоторые наши участники продолжают сотрудничество со «Свободой». В Сезнам (это чешский Яндекс, причем в Чехии Сезнам занимает большую долю рынка, чем Гугл)...

Содиректор Центра Немцова Марек Пригода (славист, историк, преподаватель Карлова университета) обожает нашу школу настолько, что, кажется, готов вкладывать в нее все свои силы. Философский факультет Карлова университета предоставляет нам помещения для занятий, студенты живут в общежитии для иностранных студентов факультета... Кстати, некоторые студенты нашей летней школы потом поступили в Карлов университет.

И меня очень радует, что мы продолжаем общаться с выпускниками и после окончания школы. У нас есть своя группа в «Фейсбуке», и она живет активной жизнью.

Главное преимущество Фонда Немцова — у его сооснователей нет личных политических интересов. К сожалению, в России часто встречается ситуация, когда организация создается «под кого-то» и служит для пиара этого человека.

У нас в фонде такое невозможно. Поэтому нам удастся работать с самыми разными людьми, имеющими несовпадающие с нашими точки зрения. Да, нам важно, чтобы эти люди разделяли наши базо-

вые ценности, но именно базовые, а не вообще все. И в этом — еще одна наша сильная сторона. Очень надеюсь, что так и будет дальше.

«Не только декларировать свои принципы, но и действовать в соответствии с ними» — это принцип, который не соблюдается... нет, не только в России. Это глобальная проблема всего мира.

Открывая фонд, я говорила, что он не должен зависеть от своего единственного создателя. Я запустила его работу, «поставила на рельсы» — и пришло время делиться. Единоличное принятие решений опасно: человек не может быть профессионалом во всем. Он может допустить фатальную ошибку, которая погребет под собой фонд. Да и в целом с человеком может что-то случиться. А фонд должен работать и после его смерти.

Я подарила 40% акций своего фонда. Сейчас у Фонда Немцова три соучредителя — я, Ольга Шорина и российский экономист Сергей Алексащенко.

Три недели в Стэнфорде перевернули мою жизнь. Я поняла, насколько сильна роль качественного образования. Знаю людей, которые после окончания нашей летней школы смогли по-другому посмотреть на вещи и изменить уже собственную жизнь.

И мы собираемся развивать наше образовательное направление. На осень 2021 года назначен пятидневный воркшоп совместно со Стэнфордом. Его прове-

дуг профессор Фукуяма с коллегой. Рабочее название воркшопа — «Как претворить в жизнь реформы», но полезен он абсолютно всем, кто хочет что-то менять в общественной жизни. Суть воркшопа — как сделать так, чтобы идею успешно претворить в жизнь. Одним из обязательных условий является социальный и культурный контекст. Хороший пример важности контекста мы разбирали на занятиях в Стэнфорде. Это реальный кейс, который случился с Фондом Билла Гейтса — крупнейшей в мире частной благотворительной организацией. В первую очередь Фонд Билла Гейтса занимается глобальными проектами в беднейших районах мира. Одним из проектов было строительство фельдшерских пунктов в бедных районах Индии. Многие люди там лишены доступа к самой базовой медицинской помощи. И фонд вложил немалые деньги и построил сеть фельдшерских пунктов, где люди могли получить самые примитивные медицинские услуги. Казалось бы — ура?

Но нет. Жители бедных деревень не пошли лечить-ся в новые фельдшерские пункты. Даже бесплатно. Оказалось, они не доверяют современной медицине и не понимают ее. Они из поколения в поколение лечатся у witch doctors — у знахарей, ведьм и колдунов.

Поэтому так важно учитывать и контекст, и настроения жителей. Сейчас, когда я пишу эту книгу, мои мысли заняты в том числе и тем, как адаптировать стэнфордский воркшоп под запросы, нужды и ин-

тересы русскоязычной молодежи. Современные двадцати-тридцатилетние — совершенно другое поколение, умное и информированное. И мне кажется, им будет очень интересно поглубже узнать, как функционирует этот мир.

ЕСЛИ ЖЕ ГОВОРИТЬ
О МОИХ ЛИЧНЫХ
АМБИЦИЯХ, ТО Я НЕ ХОЧУ
ПРЕКРАЩАТЬ ЗАНИМАТЬСЯ
ЖУРНАЛИСТИКОЙ. НО УЖЕ
НЕ КАК КОНВЕЙЕРНОЙ
РАБОТОЙ.

Мне интересна работа в конкретных проектах, причем моя задача — состояться как международный журналист, говорящий о России в видео- и аудиоформатах на английском языке. И именно этим я буду заниматься в ближайшие пять лет.

Послесловие

Эта книга заставила меня не только освежить в памяти события давнего прошлого и переосмыслить их, но и взглянуть на свою собственную жизнь после убийства отца как бы со стороны. Очень многими моими действиями руководила безусловная любовь к отцу. Если раньше фразы «любовь спасет мир» или «любовь сильнее страха» звучали для меня как некие абстракции, то сейчас они наполнились смыслом. Получается у людей, которые любят, потому что они заражают своими идеями других. Для меня как для дочери сохранение памяти об отце — самое важное дело в жизни.

Но я увидела, как для тысяч людей во всем мире мой отец стал непререкаемым моральным авторитетом. И вовсе не из-за своих политических взглядов, а благодаря искреннему гуманизму и невероятной доброжелательности. Он для многих — символ добра, таким его и запомнят на очень долгие годы. Невероятно, что до сих пор на месте убийства на Большом Москворецком мосту существует импровизированный мемориал, который держат в порядке и охраняют от нападений дежурные.

В ГОДОВЩИНУ УБИЙСТВА
ТЫСЯЧИ ЛЮДЕЙ ПРИХОДЯТ,
ЧТОБЫ ВОЗЛОЖИТЬ ЦВЕТЫ.
МНЕ ЖАЛЬ, ЧТО ОТЕЦ УЖЕ
НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ, КАК
СИЛЬНО ЕГО ЛЮБИЛИ
И УВАЖАЛИ.

В последние годы, как мне кажется, он не чувствовал практически никакой поддержки: это было связано и с эйфорией вокруг перехода Крыма под контроль России, противником которой был мой отец, и с общим отношением к нему как к политику прошлого.

Сейчас в его честь названы площади и скверы в Вашингтоне, Вильнюсе, Праге и Киеве. Там теперь собираются россияне, которые хотят высказаться о политических событиях в России. Я благодарна всем, кто продвигал эту инициативу, в первую очередь Владимиру Кара-Мурзе и Наталии Будаевой, которые внесли огромный личный вклад в переименование площади в Вашингтоне, члену сейма Литвы Эмануэлису Зингерису — без его усилий не появился

бы сквер в Вильнюсе, мэру Киева Виталию Кличко и мэру Праги Зденеку Гржибу.

Российские власти, напротив, пытались всеми силами очернить моего отца даже после его смерти и отдельно прикладывали усилия для борьбы с памятью. По телевизору крутили под копирку сделанные репортажи и шоу о личной жизни моего отца, мемориал на мосту разрушался сотни раз. Более того, власть демонстративно показывала обществу свою причастность к убийству или, во всяком случае, одобрение.

Теперь 27 февраля, в день убийства моего отца, празднуют День спецопераций. Такой указ Путин подписал в 2015 году.

Чеченские политики, близкие к Рамзану Кадырову, получили госнаграды из рук замглавы администрации президента Сергея Кириенко, который был когда-то соратником отца. Адам Делимханов — орден Дружбы, Сулейман Геремеев — медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Однако наши власти не прочь воспользоваться именем моего отца, когда им это выгодно. Ксении Собчак во время президентской гонки в 2018 году разрешили установить памятную табличку на доме в Москве, где жил отец. Ксения была согласованным с Кремлем кандидатом, и ей нужно было привлечь больше сторонников.

И в 2021 году появились разговоры об установлении памятного знака на месте убийства и необходимости

более тщательного расследования. Все это озвучивает пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков. Судя по комментариям прокремлевских политологов, есть задача противопоставить отца Алексею Навальному. То есть как бы сказать, что Немцов — хороший оппозиционер, а Навальный — плохой. Понятно, что мертвый человек для них уже не представляет угрозы. Выглядит все это крайне цинично, но сложно ожидать чего-то другого. Во всяком случае, игнорировать отца они не могут.

Для меня важнейшей задачей остается полное и всестороннее расследование обстоятельств убийства моего отца и выявление всех причастных. Да, рассчитывать на то, что организаторы и заказчики, а не только исполнители понесут заслуженное наказание при текущем политическом режиме, не приходится. Но пока, по моему мнению, Следственный комитет бездействует как из-за существующего запрета даже допрашивать чеченских силовиков и политиков, так и из-за частичной некомпетентности; журналисты-расследователи, изучив материалы дела и воспользовавшись современными технологиями, восстанавливают детали убийства. «Медиазона» опубликовала подробную хронологию убийства — думаю, что это далеко не последний материал (<https://zona.media/chronicle/nemtsov-chronicle>). Но только на основании одной публикации можно говорить, что депутат Госдумы Адам Делимханов и сенатор Совета Федерации Сулейман Геремеев, представители двух влиятельных чеченских семейств, должны быть, как минимум, допрошены. На мой взгляд и взгляд жур-

налистов, которые провели расследование, они определенно сыграли не последнюю роль в организации убийства.

Не скрою, что мне было очень страшно и активно участвовать в расследовании в качестве потерпевшей, и создавать Фонд Немцова. Возможно, я сделала не все, что могла бы, но мне, по крайней мере, не стыдно, и меня не мучают угрызения совести.

У отца была любимая фраза: «Все у нас получится», — я продолжаю в это верить несмотря ни на что.

С родителями на подмосковной даче Валентина Юмашева.
Автор — Юрий Феклистов

С родителями в нижегородской квартире в начале 1990-х.
На доме, где мы жили, теперь установлена мемориальная
табличка

Родители в Венесуэле во время официальной поездки по странам Латинской Америки (Чили, Венесуэла, Мексика). 1997 год

На юбилее первого мэра Нижнего Новгорода Дмитрия Беднякова. Начало 2000-х

С родителями во время отдыха в Сочи

Отец прилетел в Нижний Новгород в 1997 году, когда занимал пост первого вице-премьера правительства России

С отцом на избирательном участке в день выборов губернатора Нижегородской области. 1995 год

С родителями во время избирательной кампании в Госдуму. Иркутск, 1999 год

В аэропорту Нижнего Новгорода встречаем Мстислава Ростроповича и Галину Вишневскую. 1990-е годы

Во время отдыха в правительственной резиденции
«Бочаров ручей» в Сочи. 1997 год

Инаугурация мэра Нижнего Новгорода Юрия Лебедева.
1998 год

С отцом в цветочном
магазине в Москве

Родители в скоростном поезде Токио-Киото во время официального визита в Японию. 1997 год

Родители в гостинице «Волна» в Нижнем Новгороде на встрече с друзьями и соратниками

С бабушкой Диной
в ее нижегородской
квартире. 2020 год

С бабушкой Диной
в Кёльнском соборе.
2015 год

С отцом и коллегой Дмитрием Волотовским в гримерке
РБК-ТВ

С отцом на дне рождения Юрия Немцова

В московской квартире

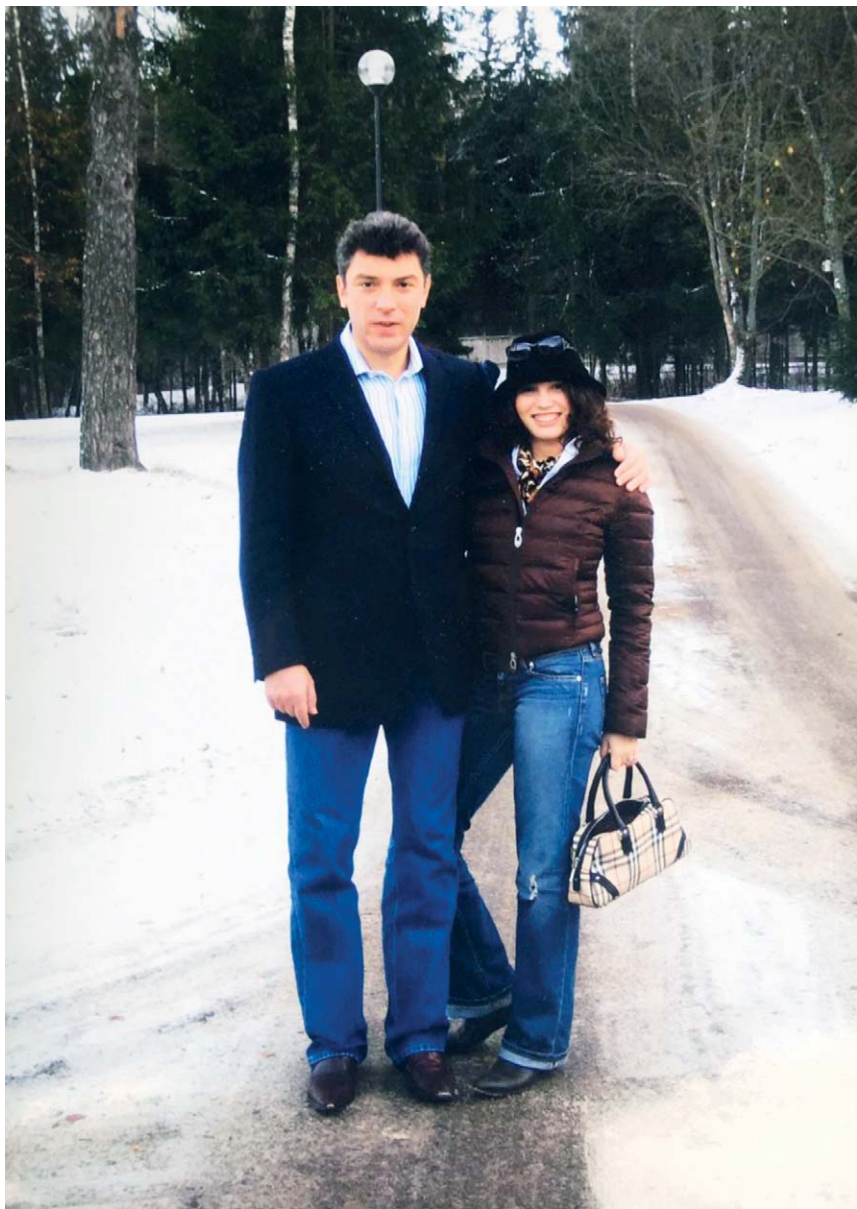
С мамой Раисой у стены нижегородского Кремля. Середина 90-х

Возвращение в Галибику спустя 30 лет. 2020 год

С отцом на свадьбе дочери Михаила Касьянова Наталии

С отцом во время избирательной кампании
в Мосгордуму. 2005 год

Родители в гостях у Маргарет Тэтчер и ее мужа Дениса
в их лондонском доме

С первым Президентом России Борисом Ельциным.
Фотографии разных лет

Родители во время официальной поездки в Японию. 1997 год

Поездка в Ярославль
оказалась последней.
Через неделю отца
убили. На фотогра-
фиях перед зданием
Ярославской област-
ной Думы и в каби-
нете отца. Февраль,
2015 год

Первый Форум Бориса Немцова в Берлине. Октябрь, 2016 год

Церемония вручения премии Бориса Немцова
за смелость. Бонн (Германия), 2017 год

С Алексеем и Юлией Навальными во время форума
Бориса Немцова в Варшаве. 2019 год

С экономистом Сергеем Гуриевым

С третьим президентом Грузии Михаилом Саакашвили
в его офисе в Киеве. Осень, 2016 год

С режиссером документального кино Виталием Манским
после его выступления в школе журналистики Бориса
Немцова в Праге. 2018 год

С Президентом Казахстана Касым-Жомартом Токаевым
во время интервью для DW. Дворец президента
в Нур-Султане, 2019 год

С украинским олигархом Игорем Коломойским
в его женевском офисе после интервью для DW.
Апрель, 2018 год

С Александром Любимовым во время церемонии вручения премии РБК. Студия РБК, 2014 год

С Борисом Джонсоном после интервью для DW. Брюссель, 2018 год

С братьями Виталием и Владимиром Кличко

С Ольгой Шориной на форуме Немцова в Берлине.
Октябрь, 2017 год

С мэром Праги Зденеком Гржибом во время открытия
площади имени Бориса Немцова. Февраль, 2020 год

С журналисткой Анастасией Дзуццати на шествии
памяти Бориса Немцова в Москве. Февраль, 2020 год

С мэром Киева Виталием Кличко во время открытия мемориальной доски в Киеве. Март, 2019 год

С экс-президентами Польши Лехом Валенсой и Брониславом Комаровским во время вручения мне премии Международной Солидарности в Варшаве. Август, 2015 год

Цветы на месте убийства отца

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В СОБЫТИЯХ И ЛИЦАХ

Немцова Жанна Борисовна

ДОЧЬ СВОЕГО ОТЦА

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*

Руководители направления *Т. Коробкина, З. Сабанова*

Ответственный редактор *Н. Новикова*

Литературный редактор *С. Иконникова*

Младший редактор *А. Шевченко*

Художественный редактор *П. Петров*

Корректоры *В. Шабанова, А. Ключева, О. Шупта*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.

Тел.: 8 (495) 411-68-86. Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.

Тел.: 8 (495) 411-68-86. Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин: www.book24.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо» www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 22.11.2021. Формат 60х90¹/₁₆.

Гарнитура «Raleigh». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж

экз. Заказ

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

БОМБОРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

БОМБОРА – лидер на рынке полезных и вдохновляющих книг. Мы любим книги и создаем их, чтобы вы могли творить, открывать мир, пробовать новое, расти. Быть счастливыми. Быть на волне.

Мы в соцсетях:

   [bomborabooks](https://www.bomborabooks.ru) [bombora](https://vk.com/bombora)

bombora.ru

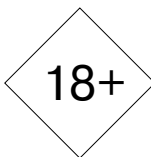
ISBN 978-5-04-113428-0

9 785041 113428 0 >

 **ЧИТАЙ
ГОРОД**

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
«ЭКСМО-АСТ»